

Г И Ж Н Ы Ъ З Ъ Ж

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИИ

Годъ VI

Январь LXI 1893 LXII Февраль

Содержаніе

Отъ издателя.

1. М. Бонне. Что такое филологія? Перев. А. Приселковъ, Тифлисъ.
2. Райдтъ. Въ англійскихъ гимназіяхъ. V. Оксфордъ.
3. М. Демковъ, Глуховъ. Греческіе софисты.
4. Э. Фехнеръ, Тифлисъ. Необходимость реформы въ первонач. обуч. греч. яз.

Приложенія

5. М. Туллій Цицеронъ. О природѣ боговъ. Кн. II. Перев. С. Б.
6. Я. Мищенко. Краткій очеркъ греч. литературы (прод.).
7. Я. А. Коменскій. Избранныя соч. Ч. II. Великая Дидактика. (Введеніе).
8. Гомеръ. Перев. Г. Янчевецкій: а) Илиада II 1—209. б) Одиссея 1—260. Гимны II 1—104.
9. Объявленія.

Сотрудники „Гимназіи“

- Ахтырка. М. Лисицынъ (прог.).
 Балтійскій-Портъ. Свящ. І. Регема.
 Волградъ. К. Гертеръ (прог.).
 — А. Кондрацкій (г.).
 Борисоглѣбскъ. Б. Гедрихъ (прог.).
 — Л. Горкевичъ.
 Бѣла. Е. Гомеровъ (гимн.).
 — Р. Киричинскій (гимн.).
 Бѣлый. К. Бродскій (прог.).
 Варшава. Л. Демченко.
 — І. Канскій (дир. гимн.).
 Вильно. Ф. Монюшко (ж. г.).
 Воронежъ. С. Николаевъ (гимн.).
 Вязьма. И. Виноградовъ (г.).
 Владикавказъ. С. Боршевскій (г.).
 Глуховъ. М. Демковъ (учит. инст.).
 Гомель. М. Окиншевичъ (прог.).
 Екатеринбургъ. Г. Бергъ (р. уч.).
 Елецъ. П. Первовъ (гимн.).
 Елисаветградъ. Л. Коссовскій (ж. г.).
 — Н. Марковъ (р. уч.).
 — В. Рѣлицкій (р. уч.).
 Замотье. Е. Киричинскій (прог.).
 Ив.-Вознесенскъ. М. Лакомте (б. дир. г.).
 Казань. Г. Горгановъ. В. Латышевъ.
 — Д. Нагуевскій (проф. ун.).
 Калуга. Ф. Штифтаръ (гимн.).
 Каменецъ-Подольскъ. М. Гринчакъ (г.).
 Камышинъ. А. Рождественскій (дух. уч.).
 Карачевъ. А. Лещинскій (уч. сем.).
 Кіевъ. И. Анненскій (дир. К. П. Г.).
 — С. Воскресенскій (гимн.).
 — И. Корольковъ (проф. дух. ак.).
 — Я. Мищенко (г.).
 — А. Степовичъ (пр. доц. ун.).
 — А. Юркевичъ (б. уч. гимн.).
 Коломна. Е. Крыловъ (г.).
 Краснослободскъ. К. Трейманъ (прог.).
 Курскъ. М. Куклинъ (гимн.).
 Либава. В. Зайць (р. уч.).
 Лодзь. А. Шумейко (гимн.).
 Мозырь. П. Изенфламъ (прог.).
 Москва. В. Аппельротъ (гимн.).
 — Л. Поливановъ (дир. гимн.).
 — И. Семеновъ.
 — Г. Фишеръ (гимн.).
 — В. Шенрокъ (гимн.).
 Н.-Новгородъ. А. Кролоницкій (гимн.).
 — И. Шенрокъ (гимн.).
 Новочеркасскъ. И. Автократовъ (гимн.).
 — И. Шамонинъ (р. уч.).
 Новый Бугъ. А. Крыловъ (дир. уч. с.).
 — И. Успенскій (уч. с.).
 Нѣжинъ. А. Кузнецовъ (инст.).
 Одесса. П. Бракенгеймеръ (гимн.).
 — А. Григорьевъ (прог.).
 — П. Ладновъ (прог.).
 Одесса. М. Попруженко (пр.-д. ун.).
- Одесса. А. Флеровъ (г.).
 Омскъ. К. Ельницкій (кад. к.).
 Орловъ. А. Нейфельдъ.
 Полангенъ. М. Преображенскій (прог.).
 Полтава. М. Андриашевъ (гимн.).
 Ревель. Е. Ветнекъ (г.).
 — Н. Добронравинъ (г.).
 — В. Жемчужинъ (р. уч.).
 — Н. Кораблевъ (гимн.).
 — А. Миллеръ (ж. г.).
 — П. Пользинскій (г.).
 — А. Реде (ж. г.).
 — С. Рожанковскій (дир. Ал. г.).
 — М. Тимофеевъ (б. уч. г.).
 — Е. Шмидтъ ф.-д.-Лауницъ (г.).
 — Г. Янчевецкій (дир. г.).
 Рига. Свящ. А. Аристовъ.
 — И. Желтовъ (б. уч. г.).
 — М. Крыгинъ (г.).
 — С. Шарова (ж. г.).
 Рыбинскъ. Н. Веригинъ (гимн.).
 Рыльскъ. А. Воложкинъ (прог.).
 Смоленскъ. С. Блажеевскій (г.).
 — М. Дроздовъ (дух. сем.).
 — Г. Лобовиковъ (р. уч.).
 С.-Петербургъ. М. Андреяновъ (г.).
 — С. Гинтовъ (г.).
 — А. Желобовскій (г.).
 — И. Киприановичъ (г.).
 — Котельниковъ.
 — Д. Лебедевъ.
 — М. Лянченко.
 — В. Межовъ.
 — А. Маленинъ.
 — М. Нагорскій (г.).
 — Н. Невзоровъ (г.).
 — А. Образцовъ (г.).
 — Н. Розовъ.
 — Н. Санчурскій (окр. инсп.).
 — А. Филоновъ (б. дир. г.).
 — Х. Шванебахъ (б. дир. р. у.).
 — Д. Янчевецкій.
 Ставрополь. Н. Кузнецовъ (г.).
 — Г. Дорофьевъ (г.).
 Таганрогъ. А. Громачевскій (дир. г.).
 Тверь. Н. Овсянниковъ (б. дир. г.).
 Тифлисъ. Е. Богословскій (гимн.).
 — А. Приселковъ (гимн.).
 Тула. Прот. А. Ивановъ (гимн.).
 Урютино. Н. Чекановъ (р. уч.).
 Усть-Медвѣдица. Н. Боголюбовъ (г.).
 Холмъ. В. Иатовъ (гимн.).
 Черниговъ. А. Тиховъ (гимн.).
 Царское-село. С. Цыбульскій (гимн.).
 Эриванъ. В. Романовскій (гимн.).
 Феодосія. И. Бутовъ (уч. инст.).
 — А. Солоникио (гимн.).

Гимназія

ЖУРНАЛЬ

ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИИ

In primis, ut tenerae mentes tracturaeque altius, quicquid rudibus et omnium ignaris insederit, non modo, quae diserta, sed vel magis, quae honesta sunt, discant. Ceteris, quae ad eruditionem modo pertinent, longa aetas spatium dabit. Quint. inst. or. I, 8.

ГОДЪ VI

LXI—LXII

1893

1—2

Fr. R. Kreutzwaldi nim.
Eesti NSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu

Ревель.

Печатано въ типографіи «Ревельскихъ Извѣстій».

1893.

РИВНИЦЪ

ЖУРНАЛЪ

ФЕЛДШТЕЙНЪ И ПЕДАГОГЪ

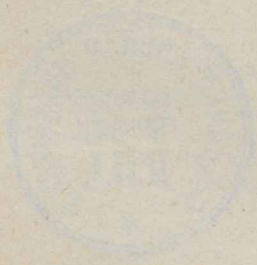
Въ Ривницѣ издается съ 1883 года. Издатель: Фелдштейнъ и Педагогъ. Адресъ: Ривница, въ домѣ № 12.

Доволено цензурою. — Ревель, 17-го марта 1893 года.

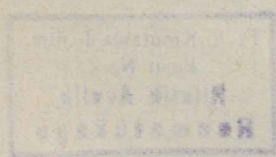
ТОДЪ VI

№ 1-171

1893

1 2

Ривница, 1893

Отъ издателя.

Возрастающій интересъ къ изученію основателя новѣйшей педагогіи *Коменскаго* побудилъ издателя «Гимназіи» дать читателямъ переводъ важнѣйшихъ его произведеній.

Въ прошломъ году, почти доведена до конца „*Janua linguarum*“.

Нынѣ начата «Великая Дидактика», въ переводѣ съ общепринятаго нѣмецкаго текста А. Линднера. Но, сверхъ того, одновременно, приступлено къ печатанію перевода съ латинскаго оригинала Амстердамскаго изданія 1657 года вмѣстѣ съ самимъ оригиналомъ, въ такомъ же родѣ, какъ печаталась „*Janua linguarum*“; такъ что, къ окончанію перевода съ нѣмецкаго текста, одновременно выйдетъ при «Гимназіи» полное изданіе «Дидактики» и съ латинскимъ текстомъ. Трудъ этотъ принялъ на себя б. Одесскій директоръ *Х. Х. Шванебахъ*.

Съ мартовской книжки начинается печатаніе драматическихъ сочиненій Коменскаго, писанныхъ имъ для гимназическихъ упражненій: „*Diogenes Cynicus*“ и „*Abraham Patriarcha*“, а также „*Fortunae Faber*“, — въ переводѣ издателя «Гимназіи».

Кіевскій педагогъ и славистъ *А. І. Степовичъ* любезно предложилъ «Гимназіи» переводъ «Лабиринта».

Издатель льститъ себя надеждою, что все это явится на русскомъ языкѣ до конца текущаго года, и что затѣмъ можно будетъ приступить къ «Материнской Школѣ», «Пансофія», «Міръ въ картинахъ» и т. д. И если намъ посчастливилось дать Экштейна, Шрадера, Винкельмана, Негелсбаха: то, быть можетъ, съ Божьей помощью, отъ «Гимназіи» явятся и «Избранныя Сочиненія» Коменскаго.

Ревель, 1893 г. 16-го марта,

день рожденія Я. А. Коменскаго.

М. Бонне.

Что такое филологія?

[Вступ. лекція въ Монпелье. R. intern. de l'enseign. 1891. 5.]

А. Приселковъ, Тифлисъ.

Мм. гг. Занявъ въ этомъ году новую кафедру въ нашемъ университетѣ, я намѣренъ, посвятить нѣсколько лекцій предмету болѣе общаго содержанія, сравнительно съ тѣмъ, которымъ мы занимались до сихъ поръ. Мои занятія съ вами исключительно ограничивались изученіемъ текстовъ древнихъ авторовъ. Вѣроятно, я возвращусь къ нимъ и буду ими заниматься, только иногда дѣлая отступленія: непосредственное знакомство съ авторомъ въ одно и тоже время является и точкою отправленія и цѣлью, основаніемъ и, такъ сказать, самую существенною частью нашихъ занятій, что и окажется, какъ я надѣюсь, въ продолженіи предстоящаго курса. Но если хорошо всегда держаться около центра, то все же нужно иногда дѣлать экскурсіи въ другія области, позволительно обозрѣвать и окраины, сдѣлать, такъ сказать, путешествіе по окружности. Къ этому-то путешествію приглашаю васъ въ этой и слѣдующихъ лекціяхъ. Я не берусь, какъ вы сами понимаете, въ нѣсколько часовъ пробѣжать съ вами все поле нашихъ работъ. Я не могу въ столь короткое время изучить съ вами всю науку, изъ которой и въ послѣдствіи вы всегда будете знать только отрывки, если даже вы посвятите ей всю жизнь, и я увѣренъ, что значительная часть вашей жизни будетъ употреблена на это; только изъ того можетъ выйти хорошій преподаватель, кто

всегда остается ученикомъ. Моя цѣль не столь призрачна. Я только предлагаю вамъ на нѣкоторое время подняться на извѣстную высоту, чтобы съ птичьяго полета обозрѣть то поле, частицу котораго мы ежегодно воздѣлываемъ общими силами, т. е., ту область свѣдѣній, которыя составляютъ классическую древность. Мнѣ хотѣлось бы показать вамъ, что составляетъ предметъ или предметы этой области вѣдѣнія, какое занимаютъ они мѣсто въ совокупности знаній, какая связь соединяетъ ихъ, въ какомъ духѣ, на основаніи какихъ принциповъ, по какимъ методамъ они должны быть изучаемы.

Стоитъ ли труда, скажете, можетъ быть, вы, останавливаясь на этихъ общихъ мѣстахъ? Какой интересъ опредѣлять науку, которой занимаешься, разсматривать ее, такъ сказать, со стороны, чтобы начертить ея контуры?

Какой интересъ? Я затрудняюсь придумать другой, болѣе важный. Знаніе того, что дѣлаешь, отличаетъ человѣка отъ машины; понимать, что дѣлаешь, знать, въ чемъ заключается твоя работа, для какой цѣли она служить, въ какомъ соотвѣтствіи она находится съ работою другихъ, это-то и составляетъ отличіе интеллигентнаго человѣка отъ неинтеллигентнаго, мыслящаго отъ немыслящаго. А какая-же другая работа должна совершаться сознательнѣе, должна быть болѣе обдуманной и осмысленною, какъ не научная? Если ремесленникъ, земледѣлецъ, купецъ, предаются своимъ занятіямъ такимъ же образомъ, какъ дѣлали ихъ отцы, какъ это дѣлаютъ ихъ сосѣди, не задаваясь вопросомъ, какую роль они исполняютъ въ общей суммѣ дѣлъ, то, быть можетъ, это никому не бросится въ глаза; если даже художникъ и поэтъ творятъ, не давая себѣ отчета, почему и какъ, то уже и Платонъ далъ этому объясненіе, сказавъ, что къ этому ихъ побуждаетъ божество*). Но когда совершается, по преимуществу, работа мысли, состоящая въ познаниіи и пониманіи, то какъ же можно допустить, чтобы она совершалась безъ знанія того, что дѣлаешь, и безъ яснаго пониманія основъ ея? Мнѣ не безызвѣстно, что есть выдающіеся ученые, которые къ этимъ общимъ методическимъ вопросамъ относятся или индифферентно, или даже съ пренебреженіемъ. «Вы хотите писать диссертацию по филологіи, сказалъ мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ старый сорбонскій профессоръ: представляйте-ка намъ лучше хорошій филологическій трудъ! Когда меня спрашиваютъ, про-

*) Plat., Apol. Soer. 22 C. φέρει τὴν καὶ ἐνδομοιάζοντες, ὡσπερ οἱ θεομάχους καὶ οἱ χρησιφοδοί.

должалъ онъ, что такое филологія, я обыкновенно отвѣчаю: то, чѣмъ я занимаюсь». Я долженъ былъ выслушать этого почтеннаго профессора; но не въ этомъ заключается разница между его и моимъ трудомъ, которая мѣшаетъ мнѣ отвѣтить такъ, какъ онъ. Есть и другіе ученые и изъ числа самыхъ извѣстныхъ, которые относились къ нѣкоторымъ изъ этихъ вопросовъ еще поверхностнѣе, и тѣмъ не менѣе занимали первое мѣсто въ своей области. Но эти великіе умы понимали важность задачи, предстоящей нынѣ вамъ, потому что они занимались ею. И если ихъ геній велъ ихъ прямо къ цѣли, которой они не замѣчали такъ ясно, какъ иные изъ ихъ собратьевъ, менѣе выдающихся, то мы, не имѣя къ своимъ услугамъ подобнаго руководителя, должны заранѣе и постоянно удостовѣряться въ томъ, что мы идемъ по вѣрному пути. Таково, какъ кажется, чувство большинства изъ тѣхъ, которые предаются изученію нашего предмета. Подъ именемъ-ли классической филологіи, или науки о древности, такъ какъ оба эти названія обозначаютъ одинъ и тотъ же предметъ, оно образуетъ специальную науку, мѣсто для которой давно уже отыскивается на топографической картѣ всей области знанія. Не проходитъ года, чтобы не появилась или рѣчь, или новое разсужденіе по этому вопросу. Развернемъ, въ свою очередь, и мы эту карту и посмотримъ, подъ какою широтою и долготою должны быть занесены нами изслѣдованія*).

I.

Вся область знанія, естественно, раздѣляется по своему объекту на науки о природѣ и науки нравственныя, причемъ эти послѣднія обнимаютъ все, что зависитъ отъ дѣятельности человѣка въ мірѣ; первыя же — все остальное, за исключеніемъ математическихъ, которыя создаютъ, такъ сказать, сами свой объектъ и служатъ только орудіемъ при изученіи дѣйствительности, и кромѣ философіи, которую можно разсматривать то какъ вѣнецъ зданія, громадный куполь, все покрывающій и все обнимающій, то какъ временную постройку, которая раньше или позже должна будетъ уступить мѣсто новой пристройкѣ въ научномъ дворцѣ.

Нравственныя науки — это, съ одной стороны, исторія въ самомъ

*) Библиографическія свѣдѣнія по этому вопросу можно найти у Шлейермахера въ его *Kurze Darstellung des Theologischen Studiums*, Berlin 1811, также у Ланге *Über das Verhältniss des Studiums der classischen Philologie auf der Universität zu dem Berufe der Gymnasiallehrer*, Leipzig 1879, Узенера *Philologie und Geschichtswissenschaft*, Bonn 1882, Havet, *Eloquence et Philologie*, Paris 1885.

широкомъ значеніи ея, т. е., познание всего того, что произвелъ духъ человѣческой, всего того, что совершила до сихъ поръ человѣческая дѣятельность и наблюденіе надъ тѣмъ, что еще происходитъ на нашихъ глазахъ; съ другой стороны, это неудачно опредѣленная и еще болѣе неудачно названная философія исторіи, этика, социологія, которая стремится распознать вѣроятные законы, по которымъ человѣкъ дѣйствуетъ на природу и на самого себя, по которымъ, слѣдовательно, развертываются судьбы человѣчества. Къ тому же обѣ онѣ представляютъ скорѣе два вида одной и той же науки, чѣмъ двѣ отдѣльныя науки; такъ какъ первая представляетъ изъ себя только пустое любопытство и праздное многознайство, если она не служитъ для питанія второй и для того, чтобы дать ей опытное основаніе, по недостатку котораго эта послѣдняя должна была слишкомъ долгое время предоставлять просторъ для философскихъ или религіозныхъ мечтаній. Чтобы лучше можно было меня понять, прибѣгнемъ къ сравненію: первая для второй служить тѣмъ же, чѣмъ старинная естественная исторія, чисто описательная, для современной біологіи. А пока вся исторія обратится въ эту новаго вида науку, нѣкоторыя вѣтви исторіи уже начали формироваться въ отдѣльныя науки, которыя, не довольствуясь установкой частныхъ фактовъ, начинаютъ отыскивать законы, управляющіе этими фактами: также на ряду съ исторіей языковъ возникла лингвистика, также, хотя и менѣе развитая, на ряду съ религіозной исторіей, — наука о религіяхъ.

Исторія вообще разсматриваемая, какъ изученіе фактовъ прошедшаго, представляетъ два главныхъ дѣленія, перекрещивающіяся между собою: дѣленіе хронологическое на періоды и дѣленіе на области человѣческой дѣятельности: исторія политическая, исторія религіи, искусства, литературы, языка, наукъ, нравовъ, учреждений, торговли, промышленности. Каждое изъ этихъ дѣленій можетъ еще подраздѣляться по народностямъ, исторія которыхъ изучается отдѣльно. Наконецъ, нужно еще прибавить извѣстное число наукъ, слагающихся изъ различныхъ свѣдѣній, называемыхъ вспомогательными для исторіи науками, каковы эпиграфика, палеографія и нумизматика. Попробуйте теперь начертить карту исторической науки, изображая, съ одной стороны, всѣ эти дѣленія и подраздѣленія продольными чертами сообразно съ предметами и поперечными сообразно съ эпохами, удѣляя, съ другой, достаточно мѣста для вспомогательныхъ наукъ и значительное пространство для исторической науки, разсматриваемой съ другой точки зрѣнія, скорѣе какъ

опытъ формулировки законовъ, чѣмъ какъ собраніе и описаніе фактовъ. Затѣмъ бросимъ взглядъ на объявленіе отъ нашего факультета; посмотримъ, какіе изъ объявленныхъ тамъ курсовъ относятся къ изученію классической древности. Сюда принадлежатъ прежде всего всѣ тѣ, въ которыхъ будутъ объясняемы греческіе или латинскіе писатели, затѣмъ исторія греческой и римской литературы, греческая и латинская грамматика, греческая и римская исторія, греческія и римскія учрежденія, археологія или исторія древняго искусства, греческая эпиграфика, наконецъ, палеографія, поскольку она необходима при разборѣ текстовъ, восходящихъ до глубокой древности. Вотъ уже сколько различныхъ курсовъ, и однако мы увидимъ, что еще недостаетъ многихъ, чтобы получилась вся сумма наукъ, относящихся къ классической древности: нѣтъ исторіи древнихъ религій, римской эпиграфики и многихъ другихъ, которыхъ мы не будемъ называть. Гдѣ же на только что составленной нами картѣ значатся эти, столь разнообразныя науки, имѣющія отношеніе къ классической древности, носящія въ настоящее время одно общее названіе классической филологіи. Онѣ на ней сильно разбросаны, и весьма натураленъ вопросъ, какія причины побудили собрать эти столь разнородные элементы. Оставимъ въ сторонѣ учрежденія, исторію литературы, исторію искусствъ: объ нихъ можно сказать, что это продольныя дѣленія греческой и римской исторіи; я охотно согласенъ на это. Но замѣьте, что курсы, трактующіе объ этихъ предметахъ, не предназначены, главнымъ образомъ, для историковъ; ихъ должны слушать также филологи и словесники. Для историка всѣ послѣдовательныя цивилизаціи, приведшія къ современному положенію вещей, важны въ той именно мѣрѣ, поскольку онѣ этому содѣйствовали; греко-римскій міръ для него только промежуточная станція; онъ не имѣетъ повода дѣлать его объектомъ своихъ научныхъ занятій, если только къ этому не привлекаетъ его личная склонность.

А затѣмъ греческая и латинская грамматика! На нашей картѣ вы нигдѣ не найдете для нихъ опредѣленнаго мѣста; если вы непременно хотите указать таковое, то вы можете помѣстить эти предметы въ область лингвистики, расположенную, какъ вы видите, среди почти пустого пространства, какимъ была, во времена моего дѣтства, центральная Африка по географической картѣ. Метрика не будетъ отсюда далеко, если, впрочемъ, вамъ удастся найти для нея мѣсто: она будетъ включена въ область поэтики или, быть можетъ, ритмики, которыя обѣ составляютъ подраздѣленія эстетики, или науки объ изящныхъ иску-

ствахъ. Наконецъ, не ясно ли, что мы напрасно потратили бы трудъ, отыскивая на картѣ всей суммы знанія мѣсто для толкованія авторовъ, скорѣе практическаго упражненія, чѣмъ науки, центра, кругомъ котораго группируются, послѣдовательно отдѣлившись отъ него, различныя науки, о которыхъ мы только что сказали.

Вы видите, господа, тутъ нѣтъ естественнаго единства, и напрасно, со временъ Ф. А. Вольфа, употребляютъ тысячи ухищреній открыть его. Сознаемся откровенно, безъ ложной гордости: единство классической филологіи — вещь чисто условная; эта наука образовалась изъ группы чрезвычайно разнообразныхъ отраслей всей суммы знанія. Ради какихъ же побужденій собрали ихъ вмѣстѣ? Вотъ единственный вопросъ, который можно задать съ полнымъ правомъ.

Я, по крайней мѣрѣ, вижу только одно основаніе, которое можетъ, съ одной стороны, объяснить то громадное развитіе, котораго достигла филологія, и понынѣ все развиваясь далѣе; съ другой стороны, тѣ границы, которыя она всегда сохраняла, тотъ систематическій строй, который она съумѣла придать себѣ, по крайней мѣрѣ, въ ея крупныхъ чертахъ, ту связность частей, то согласіе, которое все болѣе и болѣе устанавливается относительно ея названія, наконецъ, тотъ фактъ, который я считаю долгомъ здѣсь только отмѣтить, но который выяснится въ теченіе моего курса, — я говорю объ ея особенной методѣ, которую филологія обязательно примѣняетъ къ каждой изъ входящихъ въ ея составъ наукъ. Столько результатовъ не могли дать только любовь къ греческой и римской древности, какъ бы она сильна ни была, и никакая другая чисто личная причина. Должна существовать какая нибудь другая причина, болѣе важная, болѣе сильная. Мы ее сейчасъ постараемся открыть, при чемъ почти не встрѣтимъ затрудненій. Она такъ ясна, что даже удивительно, отчего ее не замѣчаютъ.

Васъ, господа, спрошу я, зачѣмъ вы поступили на этотъ факультетъ? Почему вы слушаете всѣ эти курсы, о которыхъ мы упоминали? Вотъ вопросъ, и отвѣтъ на него найти легко. Вы желаете посвятить себя преподаванію и, болѣе спеціально, преподаванію древнихъ языковъ, но чтобы отправлять свои учительскія обязанности, вы должны имѣть дипломъ кандидата, а, если возможно, то и доцента; чтобы его пріобрѣсти, нужно подвергнуться испытаніямъ въ познаніяхъ, пріобрѣтенныхъ вами на этомъ факультетѣ; эти познанія, наконецъ, требуются, потому что они необходимы будущему учителю, а необходимы они ему, потому что классическое преподаваніе существенно заключается въ томъ,

чтобы познакомить учениковъ съ греческими и римскими писателями, а черезъ нихъ съ греческою и римскою древностью во всемъ томъ, что она имѣетъ пригоднѣйшаго для образованія юношества.

Таково, во всей своей простотѣ, объясненіе. Сгруппировали нѣкоторое число различныхъ наукъ, отдѣленныхъ одна отъ другой естественною классификаціей, и образовали изъ нихъ нѣчто цѣлое, назвавъ болѣе или менѣе подходящимъ именемъ «классическая филологія»; потому что эти различныя науки необходимы де для тѣхъ, кто, по своимъ обязанностямъ, долженъ пользоваться классической древностью, особенно древними авторами, для воспитанія юныхъ поколѣній.

Чтобы подтвердить эту мысль, стоитъ только бросить бѣглый взглядъ на исторію филологіи. Уже въ древности *grammatici*, т. е., именно тѣ, кого мы теперь называемъ филологами, кромѣ библиографическихъ и литературныхъ работъ, занимались и преподаваніемъ: имъ было поручаемо и въ Греціи и Римѣ первоначальное обученіе юношества. Въ эпоху возрожденія наукъ, хотя еще не было мѣста для строгаго различенія ступеней обученія, именно ради обученія, воспитанія, общаго образованія, съ такимъ энтузіазмомъ набросились на изученіе древней литературы. Для того, чтобы освѣтить, углубить, утилизировать чтеніе великихъ классическихъ писателей, на которыхъ смотрѣли какъ на воспитателей и вдохновителей новыхъ націй, начали съ этого великаго движенія все усерднѣе знакомиться съ древней жизнью во веѣхъ ея проявленіяхъ. Наконецъ, въ наши дни, что другое вызвало это необычайное, можно сказать, чрезмѣрное развитіе классической филологіи, какъ не то, что во веѣхъ цивилизованныхъ странахъ наиболѣе уяснилось сознаніе необходимости готовить посредствомъ усиленныхъ спеціальныхъ занятій тѣхъ, на кого возложена та часть воспитанія, которая основана на изученіи древнихъ писателей.

Фактъ, часто служившій для весьма различныхъ заключеній, кажется мнѣ, напротивъ, наиболѣе всего можетъ подтвердить намъ взглядъ; фактъ этотъ — существованіе другихъ наукъ, называемыхъ также филологіей: напр., филологія восточная, романская и др. Скажемъ нѣсколько словъ о послѣдней, недавнее происхожденіе которой даетъ возможность высказаться объ ней, не пускаясь въ долгія изысканія. Примѣненіе точнаго лингвистическаго метода къ романскимъ языкамъ послужило причиною возникновенія романской филологіи. Дѣйствительно, это явленіе было скорѣе расширеніемъ уже существующей науки,

нежели созданиём новой. Всякое примѣненіе одного и того же метода къ группѣ языковъ всегда будетъ давать, въ смыслѣ чистой науки, подобные же результаты. Почему это явленіе сдѣлалось точкой отправления для образованія независимой, обширной науки, совершенно непохожей на тѣ, которыя составляютъ только простые отдѣлы лингвистики? Почему къ грамматическому изученію романскихъ языковъ присоединили исторію романскихъ литературъ, критику и интерпретацію текстовъ, затѣмъ, какъ вы можете судить по только что опубликованнымъ трудамъ по романской филологіи, исторію романской филологіи, методологію, метрику, стилистику, наконецъ — на это обратите особенное вниманіе — исторію романскихъ племенъ, исторію ихъ цивилизаціи, искусства, науки? Все вѣдь это очень далеко отъ лингвистики, или науки о языкѣ. На какомъ основаніи, если не на этомъ, столь очевидномъ, какъ мнѣ кажется, и на родинѣ романской филологіи, и въ другихъ сѣверныхъ странахъ, хотя, конечно, съ различныхъ точекъ зрѣнія, извѣстные романскіе языки и классическія произведенія романскихъ литературъ составляютъ предметъ правильнаго обученія въ классахъ, и разъ найдено научное изученіе этихъ языковъ, имъ воспользовались, чтобы дать учителямъ этихъ предметовъ ту подготовку, которая поставила бы ихъ на одинаковую высоту съ ихъ сослуживцами, учителями классическихъ языковъ. Мнѣ кажется, что мы могли бы, еслибы у насъ не было другихъ убѣдительныхъ доказательствъ, воспользоваться этой поразительной аналогіей между двумя науками, носящими названіе филологіи, классической и романской.

II.

Если исторіей филологіи, а равно и организаціей нашихъ филологическихъ факультетовъ, повидимому, подтверждается нашъ взглядъ, то, съ другой стороны, не нужно скрывать отъ себя, что существуетъ множество возраженій. Я останавливаюсь только на двухъ изъ нихъ: первое является скорѣе протестомъ чувства, чѣмъ направленнымъ противъ насъ аргументомъ; онъ исходитъ со стороны приверженцевъ чистой науки, науки, какъ говорятъ, безкорыстной, которую справедливѣе можно было бы назвать, пользуясь избитымъ выраженіемъ, «наукой для науки». Какъ? вскричать они съ негодованіемъ, вы хотите, чтобы наука, которою мы занимаемся съ такой любовью, наука, которую прославили Аристархъ, Петрарка, Скалигеръ, Бентли, Гейн-

зіусь, Бекъ, наука, которая имѣеть своимъ объектомъ прекраснѣйшее и величайшее изъ всего, что только видѣль міръ, — вы хотите, чтобы эта наука играла роль прикладной, чтобы она имѣла практическое примѣненіе, сдѣлалась средствомъ къ жизни! Пусть не волнуются эти уважаемые идеалисты: я вполне раздѣляю ихъ чувства; я, быть можетъ, даже дальше пойду, чѣмъ нѣкоторые изъ нихъ. Я не могу слышать, когда что-либо ставится выше истины, которая единственно и составляетъ объектъ науки. Я полагаю, что познаваніе и пониманіе есть такая же природенная потребность человѣческой натуры, какъ дѣятельность и наслажденіе. Знаніе имѣеть свою цѣль въ самомъ себѣ и дѣлать изъ него единственно или преимущественно вспомогательное средство для матеріальныхъ интересовъ, или для личнаго или патріотическаго честолюбія, даже для добродѣтели, значило бы принижать его. И я также признаю девизъ: наука для науки. Но не будемъ забывать, что наука и обученіе двѣ вещи разныя. Существуютъ учрежденія (академіи и институты), назначеніе которыхъ рарабатывать науку; есть другія (факультеты и университеты), обязанность которыхъ передавать эту науку отъ одного поколѣнія другому. Въ дѣйствительности же послѣдніе всего болѣе разрабатываютъ науку, и лишь только они перестаютъ это дѣлать, они дѣлаются совершенно неспособными и передавать ее. Наконецъ, учебныя заведенія вообще не созданы для того, чтобы давать чистую науку, и не для того даже, чтобы посвящать въ таинства ея тѣхъ, которые, въ свою очередь, только и занимаются наукой. Говоря по правдѣ, я не могу довѣрять школь, имѣющей подобное назначеніе. Я заподозрилъ бы, что подобное притязаніе — дѣло идеалистовъ, дѣйствующихъ на основаніи предвзятыхъ теорій, а не на почвѣ наблюденій надъ условіями научной жизни. На самомъ дѣлѣ, факультеты и университеты всего міра и основаны, вѣдь, для того, чтобы готовить молодыхъ людей къ извѣстнымъ профессіямъ: врачи, адвокаты, священники, учителя; однимъ удается согласить эту задачу съ другой, произвольно взятой на себя, — двигать науку; другіе же ограничиваются тѣмъ, что даютъ болѣе общее образованіе, не имѣя въ виду пракческаго примѣненія; и далеко не во всѣхъ университетахъ послѣдняго рода научный уровень стоитъ выше всего.

Я припоминаю по этому поводу слѣдующее: «юридическій и медицинскій факультеты, собственно говоря, только профессиональныя школы; настоящими же факультетами можно считать только филологическій и физико-математическій.» Господа, остерегайтесь подобныхъ мнѣній!

Если хотите имѣть возвышенный идеалъ и благородное честолюбіе, — а мы должны, мы хотимъ его имѣть для нашего факультета, — не допускайте появленія у васъ надменности, пренебреженія къ другимъ. Будемъ всегда справедливы! Итакъ, болѣе или менѣе сдѣлали для чистой науки наши филологическій и физико-математическій факультеты съ того времени, какъ стали имѣть слушателями молодыхъ людей, предназначающихъ себя къ полезнымъ и почтеннымъ профессіямъ? По моему, отвѣтъ не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній. Какую же, впрочемъ, разницу можно установить между профессиональной школой и факультетомъ? Вѣдь, оба они готовятъ къ опредѣленной карьерѣ, для которой извѣстныя научныя знанія необходимы. Разница, по необходимости относительная, состоитъ, если не ошибаюсь, въ слѣдующемъ: профессиональная школа довольствуется тѣмъ, что влагаетъ въ своихъ учениковъ вполне готовые знанія, тогда какъ факультетъ своихъ учениковъ посвящаетъ въ науку, дающую эти знанія; онъ пріобщаетъ ихъ къ процессамъ и методамъ, а равно и къ результатамъ, дѣлаетъ ихъ способными не только пріобрѣтать знанія, но и самимъ производить знаніе, которое имъ понадобится въ практикѣ ихъ профессіи; онъ даетъ имъ, наконецъ, глубокое пониманіе фактовъ, съ которыми онъ знакомитъ, указывая, кромѣ возможнаго ихъ примѣненія, и на мѣсто, занимаемое ими въ общей суммѣ вещей.

При такой точкѣ зрѣнія, кто тотчасъ же не замѣтитъ преимущества, заключающагося въ соединеніи нѣсколькихъ факультетовъ въ одинъ университетъ? Но я никакъ не могу убѣдить себя, чтобы университетъ, какъ вообще думаютъ, могъ быть *universitas litterarum*, лабораторіей всего знанія, гдѣ были бы представляемы все отдѣльныя науки и притомъ въ пропорціи, соответствующей той важности, которую онѣ имѣютъ для цѣлостнаго или всего знанія. Ни одинъ изъ существующихъ университетовъ не подходитъ подъ такое опредѣленіе. Въ Германіи, Скандинавіи, Швейцаріи, Австріи, Италиіи есть медицинскіе и юридическіе факультеты, дающіе государству медиковъ, чиновниковъ и адвокатовъ, есть факультеты философскій, филологическій, математическій съ естественнымъ отдѣленіемъ, гдѣ готовятъ будущіе учителя; есть отдѣленія политическихъ наукъ, откуда выходятъ администраторы и государственные дѣятели. Но ни одинъ не отводитъ такого-же мѣста кимворскому или литовскому языку, какъ латинскому, хотя, конечно, съ чисто-научной точки зрѣнія эти языки также важны, какъ и латинскій. Ни одинъ не дѣлаетъ изъ анатоміи человѣка или

нее, принципиально разные группы простых и сложных общедисциплинарных или общей теории гражданского права. Ибо, то, что университет имеет, лучше преподавать, у нас отдельные факультеты, это не теоретическое, а больше всего проявлений человеческого знания, отличающиеся от всякого практического применения, а понятие, здесь и различия во всем, оно и есть, главные части которого в университете представляются картину точек, касающихся между каждой отдельной наукой, и ее близкими, отношений, существующих между каждой прикладной наукой и наукой чистой. Как должны у нас расширяться и обогатиться при таком раскладе ядра, когда, именно, как из рынка беспредельному институту, группировка, оставаясь все же рядовым, преподавание биологии, истории, преподаются, еще, из трех факультетов: медицинском, естественном и фармацевтическом, как, разнообразное преподавание зоологии, физики и химии, благодаря аналогичной концентрации, охраняется их единство, несколько не унаследовав характерных черт, которые, в них, имеют, в настоящее время, место.

Но поверю, и в университете, и на отдельных факультетах, все, сейчас, который бы разработали науки, сами по себе, без вмешательства извне, не было. Да, особенно, бесчисленных, изменений, преподавание всегда будет иметь своим предметом, такая наука, знание которых необходимо при отравлении известным профессией, другими словами, прикладная наука. Наука вообще, чистая наука, даже в университете имеет, быть только как, всякая иная, часть общей, регулярной, принцип, который, над, всеми, государственными, все, проявляется, и, всему, способствует, благополучию, и, величия. Конечно, все, и должно быть, этого, требуют, условия, современной жизни. У нас, и в, на, таких, условиях, которые, обеспечивали бы, всем, осуществление, на, такой, работе, которая, позволяла бы, нам, незначительно, заниматься, сохранению, и, изобретением, истины. Самая, великая, и, богатая, жизнь, не, могла, доставить, необходимого, количества, слушателей, для, таких, учебных, заведений, где, бы, только, занимались, наукой, для, науки, потому, что, даже, из, самых, богатых, стран, всегда, будут, составлять, меньшинство, числа, обучающихся, система, средств, которая, избавляет, работников, от, работы, на, счет, профессии, и, только, из, меньшинства, можно, потребовать, наибольшей, ясности, из, чисто-научных, занятий. Конечно, всегда, и, была, эта, склонность, кто, знает, может, быть, и, даже, это, обладать, такими, способностями, чтобы, из, него, мог

выйти ученый. Успѣхи во время пребыванія въ лицѣѣ еще ничего не доказываютъ, и нерѣдко наука внушаетъ нечистыя страсти. Только на факультетѣ, избираемомъ сначала съ практической цѣлью, создается настоящая карьера. Отсюда является то, что нужно желать, что доставляетъ наци двѣ важныхъ выгоды: съ одной стороны, всѣ, кто избираетъ свободную профессію, будутъ, впродолженіе, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ лѣтъ, свидѣтелями научнаго труда, будутъ до нѣкоторой степени принимать въ немъ участіе; они внесутъ съ собою въ жизнь извѣстные взгляды, общее образованіе, воспоминанія; съ другой стороны, наиболѣе даровитые пожелають всецѣло предаться научному труду и надолго примкнутъ къ своимъ учителямъ, высшее честолюбіе которыхъ и наилучшая награда и будетъ въ томъ, что они приобрѣтутъ себѣ адентовъ. Среди сотни молодыхъ людей, явившихся въ университетъ, чтобы сдѣлаться адвокатами или врачами, всегда найдется, если обученіе ведется правильно, нѣсколько такихъ, которые въ правѣ и медицинѣ отдадутъ большее предпочтеніе наукѣ, чѣмъ ремеслу, и это будутъ самые способные изъ этой сотни. Невѣрно мнѣніе, будто обученіе съ нарочитой цѣлью привлекаетъ болѣе учениковъ, особенно не столь даровитыхъ. Что касается меня, я сознаюсь, что не раздѣляю высказываемаго иными желанія имѣть только такихъ слушателей, которые не предназначаютъ себя ни къ какой карьерѣ и учатся только по влеченію и ради собственнаго удовлетворенія. Я мало довѣряю и такимъ студентамъ съ узкимъ взглядомъ, которые на лекціяхъ слушаютъ только то, о чемъ ихъ спросятъ на экзаменѣ. Если послѣдніе являются тяжелымъ бременемъ для университета, то и первые нѣсколько не способствуютъ его процвѣтанію. Они также имѣютъ свои недостатки, изъ которыхъ самый важный — ихъ диллетантство. Тому процвѣтанію, котораго нынѣ достигло большинство наукъ, эти диллентанты оказали очень мало содѣйствія. Нашимъ университетамъ я желаю имѣть побольше такихъ студентовъ, которые избирали бы себѣ необходимыя для профессіи науки, но занимались бы ими въ научномъ духѣ.

Второе возраженіе является какъ бы слѣдствіемъ нашего положенія. Развѣ, скажутъ намъ, не погибнетъ отъ одного удара классическая филологія, если исчезнетъ изъ программы средняго образованія чтеніе классиковъ въ подлинникѣ? Навѣрно. Въ тотъ день, когда въ лицейяхъ будетъ отмѣненъ греческій и латинскій языкъ, программа словеснаго факультета сократится на добрую треть и только случайно, отъ времени до

времени въ ней будетъ фигурировать курсъ греческаго языка, подобно тому, какъ въпродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ программѣ нашего факультета фигурировалъ курсъ арабскаго языка. Когда не будетъ болѣе большихъ на свѣтѣ, изучать гистологію, анатомію, физиологію, безъ сомнѣнія, будутъ, но только въ видѣ исключенія: это изученіе будетъ сосредоточиваться на человѣческомъ тѣлѣ, и эти науки уже не будутъ помѣщать въ одну группу со многими другими, столь разнообразными, какъ это дѣлается теперь на медицинскомъ факультетѣ. Послѣ уничтоженія классическаго образованія еще долгое время будутъ ученые, спеціально изучающіе древность; будутъ эллинисты, латинисты, какъ теперь есть египтологи, ассиріологи, знатоки американскихъ языковъ. Но уже не будетъ болѣе мѣста тому ансамблю наукъ классической филологіи въ томъ видѣ, какъ существуетъ теперь; онъ потеряетъ свой *raison d'être* и долженъ будетъ исчезнуть.

Будетъ ли великимъ несчастіемъ это исчезновеніе филологіи? Нѣтъ, съ точки зрѣнія чистаго знанія. Безъ сомнѣнія, значительно ослабнетъ исключительная дѣятельность, посвящаемая нынѣ этимъ наукамъ; но поскольку необходимо знаніе греко-римскаго міра для уясненія эволюціи человѣческаго рода, поскольку важна исторія грековъ и римлянъ для всеобщей исторіи, постольку всегда будутъ ученые, которые будутъ этимъ заниматься. Наука не потерпитъ ущерба, еслибы филологія случайно погибла. Но не потеряетъ-ли человѣчество въ какомъ либо другомъ отношеніи? Не потерпятъ ли отъ этого цивилизація, общая культура, даже сама практика научнаго изслѣдованія? Это уже другой вопросъ, и здѣсь мы его рѣшать не будемъ. Но еслибы произошелъ такого рода ущербъ, во что, впрочемъ, я не могу заставить себя вѣрить, пока не докажутъ противнаго, то это произошло бы не столько отъ исчезновенія филологіи, сколько вслѣдствіе изъятія классическихъ наукъ изъ курса средняго обученія. Право и медицина, философія и исторія, физика и химія пострадали бы, можетъ быть, и не прямо оттого, что на словесномъ факультетѣ исключены были бы нѣкоторые предметы, но оттого, что молодые люди, выходящіе изъ лиція, не были бы также подготовлены, къ слушанію высшихъ курсовъ, какъ теперь.

Но повторяю, этотъ вопросъ не касается насъ. Вѣрно то, что еще теперь наша общеобразовательная школа, по крайней мѣрѣ та, въ которой готовятъ будущіе студенты факультетовъ, несмотря на то, что пришлось потерпѣть ей со стороны и враговъ и нѣкоторыхъ друзей ея, основана въ значительной степени, смѣло могу сказать, въ

своей лучшей части, на классических науках. Отъ этого факта, хорошъ ли онъ или плохъ, мы и отправляемся. Пока этотъ фактъ будетъ существовать, то тѣхъ поръ будетъ основаніе готовить учителей, которые могли бы вести такое преподаваніе, и до тѣхъ поръ будетъ полезно сохранить наши занятія на факультетѣ.

III.

Въ чемъ же должны заключаться эти занятія? Вотъ вопросъ, отвѣтомъ на который является нашъ курсъ. Сегодня мы скажемъ только вкратцѣ, въ общихъ чертахъ, или, такъ сказать, отрицательно. Мы поговоримъ особенно о томъ, чѣмъ они не должны быть, и впоследствии уже подробно выяснимъ, чѣмъ они должны быть.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что для того, чтобы научить греческому и латинскому, чтобы хорошо объяснить ученикамъ текстъ, нужно только хорошо изучить древніе языки, изучить авторовъ, читаемыхъ въ школахъ, научиться объяснять ихъ, какъ это дѣлается въ классѣ. Другими словами, можно подумать, что высшее обученіе тоже, что среднее, только болѣе полное и болѣе усовершенствованное. Дѣйствительно, довольно долго такъ и думали. На основаніи именно такого воззрѣнія нѣкогда была основана Нормальная высшая школа, которая для лица должна была быть тѣмъ, чѣмъ обыкновенная нормальная школа для первоначальной? Къ счастью, она скоро свернется съ этого пути. Кто знаетъ, не кончитъ ли она когда нибудь тѣмъ, что сольется съ парижскимъ университетомъ, чѣмъ и будетъ исправлена ошибка, давшая ей жизнь! Благодаря такой именно точкѣ зрѣнія, официальный документъ въ точныхъ выраженіяхъ заявляетъ, что знанія, необходимыя для кандидата словесныхъ наукъ, должны быть тѣ же, которыя даетъ среднее образованіе, и настоятельно рекомендуетъ экзаминатору не выходить изъ области элементарныхъ вопросовъ по грамматикѣ, метрицѣ и исторіи литературы. Тѣмъ-же ошибочнымъ взглядомъ руководились при учрежденіи доцентуръ по грамматикѣ и словесности, такъ какъ испытаніе на этомъ вторичномъ конкурсѣ почти исключительно состоятъ въ экзерциціяхъ, переводахъ на иностранный языкъ и съ иностраннаго на отечественный и въ импровизаціяхъ; это является единственнымъ способомъ, недавно установленнымъ и крайне несовершеннымъ, который даетъ возможность комисіи экзаминаторовъ удостовѣряться въ томъ, въ состояніи ли кандидаты выполнить самостоятельную работу? Чтобы хорошо преподавать въ классѣ, недостаточно знать то,

чему учить, недостаточно знать больше: нужно еще знать лучше и знать, кромѣ того, еще что нибудь.

Знать лучше значить: не только выучить, но и самому найти, или, такъ какъ большая часть того, чему можно учить дѣтей, уже найдена, по крайней мѣрѣ, умѣть найти; знать, гдѣ почерпнуть вѣрныя свѣдѣнія; умѣть провѣрить ихъ, какого бы довѣрія не заслуживали ихъ авторъ; умѣть составить собственное мнѣніе въ спорныхъ вопросахъ; умѣть освѣтить неясные вопросы; умѣть составить въ ученикахъ сужденіе о книгахъ, которыя даешь въ руки; однимъ словомъ, умѣть быть своимъ собственнымъ учителемъ, прежде чѣмъ стать учителемъ дѣтей.

Знать еще что нибудь значить: умѣть, напримѣръ, разбирать рукописи, не съ тѣмъ, конечно, чтобы открыть лучшее различіе даннаго мѣста, съ чѣмъ и не придется часто встрѣчаться, но чтобы быть въ состояніи сдѣлать выборъ хорошаго чтенія изъ вариантовъ уже разобранныхъ рукописей, или по имѣющимся въ рукописяхъ слѣдамъ угадать его; умѣть читать надписи, если не для того, чтобы при случаѣ опубликовать новыя, то, по крайней мѣрѣ, чтобы изъ имѣющихся сборниковъ надписей извлекать цѣнныя поясненія для классическихъ текстовъ; имѣть знакомство, съ памятниками древняго искусства не столько для того, чтобы слѣдить по нимъ за развитіемъ идей и вѣрованій, отпечатки которыхъ мы находимъ въ письменныхъ памятникахъ, и по нимъ наблюдать тысячи подробностей нравовъ и частной жизни, которыя могутъ помочь освѣщенію текста, сколько для того, чтобы, такъ сказать, «собственными глазами» понимать жизнь древнихъ народовъ по одной изъ наиболѣе важныхъ ея сторонъ; знать всю греческую и римскую литературу, прочитавъ, а иногда и проштудировавъ до мельчайшихъ подробностей такихъ писателей, которые и не будутъ никогда значиться въ школьной программѣ, даже такихъ, которые, будь они нашими современниками, не обратили бы на себя нашего вниманія, но которыми пренебрегать нельзя, потому что въ древней литературѣ, представляющей изъ себя только отрывки, малѣйшій уцѣлѣвшій кусокъ можетъ оказать помощь при воспроизведеніи цѣлага. Если занятія древностями въ университетѣ не должны быть простымъ продолженіемъ гимназическихъ занятій, не должны служить только къ пополненію и улучшенію послѣднихъ, то неизбѣжно при существованіи первыхъ для послѣднихъ, что одни будутъ всегда находиться въ зависимости отъ того, чѣмъ будутъ другія.

Чтобы выяснить, какъ долженъ сформироваться учитель лицея, нужно знать, что такое лицей.

На среднее классическое образованіе можно возлагать три функціи, которыя не исключаютъ другъ друга, но которыя смѣшивать нужно остерегаться. Первая функція — создать порядочныхъ (*honnêtes gens*) людей, какъ говорили при старомъ порядкѣ, образовать умъ и вкусъ молодежи, которая представляла бы аристократію ума и сохраняла бы традиціи просвѣщеннаго общества. Вторая заключается въ томъ, чтобы молодыхъ людей, желающихъ достигнуть опредѣленнаго положенія въ жизни, сдѣлать способными съ пользою предаваться ведущимъ къ этому специальнымъ занятіямъ. Наконецъ, третья функція — готовить учениковъ прямо къ извѣстнымъ занятіямъ, снабжать ихъ всѣми свѣдѣніями, которыя могутъ быть имъ полезны со временемъ въ практической жизни. Первымъ изъ этихъ типовъ школы была школа того прошедшаго, которое многіе желали бы продлить, по крайней мѣрѣ, по наружности, но которое никогда не вернется. Третій типъ — школа будущаго, если вѣрить столькимъ пророкамъ, предвѣщающимъ ее; одинъ изъ нихъ провозглашаетъ ее даже съ высоты трона. Второй типъ — школа, приспособленная, по моему мнѣнію, къ нынѣшнему времени, которая, какъ я смѣю надѣяться, несмотря ни на что, будетъ всетаки примѣнена къ нашему поколѣнію: школа классическая, ставшая сама собой, свободная отъ неспособныхъ учениковъ, загромождающихъ ее, очищенная, окрѣпшая и разматриваемая исключительно какъ подготовляющая къ занятіямъ въ университетѣ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такова, если я не ошибаюсь, приблизительно то представленіе о задачахъ средняго классическаго образованія, котораго придерживаются лучшіе судьи въ этомъ вопросѣ. Такова, на самомъ дѣлѣ и насколько позволяютъ обстоятельства, его главная задача въ настоящее время, потому что большинство абитуриентовъ такой школы, получивъ аттестатъ зрѣлости, поступаютъ изъ нея въ университетъ. Какъ-же наилучше отвѣтить нуждамъ столькихъ будущихъ студентовъ, какъ не подготовить ихъ къ тому, чтобы они могли сдѣлаться хорошими студентами? — Здѣсь представляется одинъ вопросъ, который, безъ сомнѣнія, и вы предвидите, и, безъ нѣкоторой натяжки, я не могу обойти его. Обыкновенно его формулируютъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: при занятіяхъ древностью, что должно брать верхъ эрудиція ли или литературное чувство? Какую долю слѣдуетъ представить каждой изъ нихъ? И смотря потому, въ какую сторону вы

Начнемъ съ исключенія изъ вопроса слова «эрудиція», которое только затемняетъ вопросъ. Если только не считать эрудицію грубой, неудобоваримой, безтолковой, не разсматривать ее только какъ стремленіе къ мелочамъ, безъ общихъ взглядовъ, безъ перспективы, тогда она есть знаніе, цѣнное скорѣе по количеству, чѣмъ по качеству, по ея рѣдкости, независимо отъ ея полезности. Но было бы ошибочно на большемъ или меньшемъ знаніи основывать различіе между филологомъ и словесникомъ. И для тѣхъ и для другихъ знаніе многого — чрезвычайно драгоценное условіе, не говоря уже о томъ, что это безусловно необходимо; въ этомъ отношеніи знаніе многого не слѣдуетъ ставить ни въ заслугу, ни въ порицаніе ни тѣмъ, ни другимъ. Знать хорошо, знать съ разумѣніемъ, съ выборомъ, въ порядкѣ и по извѣстной методѣ, съ яснымъ пониманіемъ относительной цѣнности каждаго свѣдѣнія, а также принадлежащаго ему мѣста въ общей суммѣ знаній, — это должно быть честолюбивымъ стремленіемъ одинаково и для филолога, и для словесника. За неразумную любовь точныхъ фактовъ или за легкомысленное презрѣніе къ нимъ, за забвеніе общихъ идей или за злоупотребленіе ими одинаково можно упрекать и того и другого, но и это, къ счастью, не составляетъ отличительныхъ свойствъ. Вопросъ, лежащій въ основѣ спора, долженъ быть поставленъ совершенно иначе; этотъ вопросъ заключается въ томъ, дѣйствительно ли наши занятія могутъ и должны обладать научнымъ характеромъ, какъ это я предполагалъ до сихъ поръ, или же знаніе и пониманіе древности есть только средство, развитіе же словесныхъ способностей — цѣль. Другими словами, такъ какъ литературная дѣятельность принадлежитъ къ области искусства, то науку или искусство должны мы преподавать, а вы изучать.

Если допустить, что изъ трехъ возможныхъ функцій лица, только что опредѣленныхъ нами, справедлива первая, если единственно учитель словесности обязанъ развивать у учениковъ вкусъ, талантъ, стиль и, выражаясь болѣе обще, качества, которыя доставятъ ихъ уму пріятныя черты, то станетъ очевиднымъ, что изъ такого учителя нужно прежде всего сдѣлать артиста, писателя, литератора и, поскольку дѣло касается греческихъ и римскихъ писателей, гуманиста. — Не такъ легко рѣшить, на учитель ли словесности, какъ мы это высказали, лежитъ главная функція подготовки студента изъ лицеиста. Тогда можно было бы подумать (и для меня понятно, почему многіе передовые умы держатся этого мнѣнія), что достаточно курсовъ математики, фи-

зики и естественныхъ наукъ, столь многочисленныхъ теперь во всѣхъ классахъ, чтобы дать уму учениковъ научныя привычки. Даже при этомъ предположеніи, повидимому, можно было бы воспользоваться древними авторами для такого чисто словеснаго воспитанія, которое, какъ бы ни было неудовлетворительно, даже не должно исчезнуть. И такимъ образомъ мы пришли бы къ тому же положенію: словесниковъ-гуманистовъ долженъ создавать нашъ факультетъ.

Но такой посылки нельзя допустить. Математика, физика и естественныя науки недостаточны для научнаго воспитанія. Математическій умъ не составляетъ всего; чтобы создать хорошаго студента какого угодно факультета, необходима еще острота ума. Даже для изученія химіи или физики и, еще болѣе, медицины, права, исторіи, недостаточно обладать знаніями, которыя могутъ быть даны понятіемъ объ относительно простыхъ дѣлахъ природы, плоскихъ, состоящихъ изъ прямыхъ линий; надо еще имѣть нѣкоторый навѣкъ въ предметахъ ума, которые безконечно сложнѣе, полны различныхъ отклоненій и измѣненій, и изученіе которыхъ, слѣдовательно, требуетъ болѣе разнообразныхъ и тонкихъ методовъ и приемовъ.

Но, скажутъ, эта острота ума въ точности то и есть словесная способность. Не только таланты, стиль, способности, такъ сказать, активныя и продуктивныя мы хотимъ развивать посредствомъ изученія древнихъ писателей, но также, и можетъ быть главнымъ образомъ, развивать вкусъ, который есть только одна изъ формъ сужденія, т. е., важной способности при научныхъ изысканіяхъ; ее то мы и хотимъ упражнять на предметахъ ума. Я признаю, что въ этомъ взглядѣ на дѣло есть значительная доля истины, но онъ же подастъ также поводъ ко многимъ возраженіямъ, которыя, по моему мнѣнію, должны привести къ его отрицанію. Прежде всего, почему между различными объектами, къ которымъ можно примѣнять сужденіе (для краткости назовемъ благо, красоту, истину), оно почти исключительно должно упражняться на прекрасномъ, и притомъ почти единственно на прекрасномъ въ литературѣ? Тѣмъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что въ его время, начиная со второго класса, всѣ усилія были направлены къ тому, чтобы сдѣлать изъ него и его товарищей маленькихъ литераторовъ. Вы знаете, остались ли вѣрны этой системѣ. Ежегодно тысячи кандидатовъ пишутъ диссертациі объ относительныхъ заслугахъ Жюльена и Паскаля, Мольера и Боссюэта! Нужны ли, въ самомъ дѣлѣ, для Франціи тысячи Сень-Бѣвовъ въ годъ? Въ этомъ случаѣ, со всею строгостью можно

допустить, что будущій учитель долженъ будетъ предпочтительно посвятить себя этому ублюдочку науки и искусства, угрожающему въ скоромъ времени пожрать и ту и другое; мы разумѣемъ здѣсь литературную критику. И однако, даже въ этомъ случаѣ, я колебался бы. На основаніи моей собственной опытности и наблюденій, сдѣланныхъ моими учениками, я слишкомъ ясно вижу опасность, которая является отъ занятій съ молодежью. Насколько трудно произносить литературныя сужденія, которыя имѣли бы нѣкоторую цѣнность, настолько же необходимы обширныя знанія, широкіе горизонты, острота ума и зрѣлость, для того, чтобы такія сужденія были хороши; насколько легко убѣдить себя, что при этомъ имѣешь успѣхъ, настолько же легко удовлетвориться волненіемъ, испытываемымъ отъ прекраснаго стихотворенія, наслажденіемъ, которое получается отъ высокаго или остроумнаго произведенія, удовольствіемъ, которое находишь при анализѣ и выясненіи этихъ впечатлѣній. Сколько я видѣлъ молодыхъ людей, подпавшихъ этому соблазну, сдѣлавшихся неспособными ни къ какому серьезному труду, только и мечтающихъ объ эфемерныхъ успѣхахъ въ періодической печати! Развѣ сама Нормальная школа, основанная съ цѣлью готовить необходимыхъ для университета профессоровъ, когда занятія приняли исключительно литературное направленіе, не испытала на себѣ, какъ цѣлая группа наилучшихъ ея учениковъ повернулась спиною къ университету, сдѣлала изъ критики себѣ ремесло и, вмѣсто того, чтобы стать профессорами, сдѣлались журналистами? Наконецъ, не говоря о тѣхъ, кого заманила эта сирена и заставила измѣнить своей матери, благодаря чему, какъ не ея соблазнительному пѣнію, встрѣчаютъ на нашихъ словесныхъ факультетахъ такое отвращеніе трудныя и подчасъ сухія работы по грамматикѣ, метрицѣ, критикѣ текстовъ? Тогда какъ на математическомъ факультетѣ не замѣтно, чтобы удивлялись труду столь же тяжелому, который требуется при микроскопическихъ наблюденіяхъ, химическихъ анализахъ и алгебраическихъ вычисленіяхъ, мы, филологи, хотѣли бы всегда шествовать по пути, усыпанному розами.

Но, впрочемъ, я не думаю, я не могу допустить, чтобы слѣдовало упражнять почти исключительно литературное сужденіе, какъ теперь это дѣлается, у будущихъ студентовъ — юристовъ, медиковъ, химиковъ, математиковъ, историковъ и философовъ. Прекрасное, и особенно прекрасное въ литературѣ, есть предметъ очень ограниченной научной области, если можно теперь называть наукой относящіяся сюда теоріи. Напротивъ, всякая наука, какова бы она ни была, чистая или при-

кладная, общая или специальная, имѣетъ своимъ предметомъ истину. Всякая наука наблюдаетъ факты, констатируетъ ихъ, приводитъ въ извѣстный порядокъ, группируетъ и старается извлечь изъ нихъ общія истины; наконецъ, при каждой изъ этихъ операцій, она провѣряетъ добытые результаты, т. е., примѣняетъ къ нимъ критику, но на этотъ разъ не литературную, а научную, или, лучше сказать, просто критику. Вотъ, если я не ошибаюсь, въ чемъ слѣдовало бы упражнять нашихъ будущихъ студентовъ, но, конечно, не допуская ихъ преждевременно къ настоящимъ научнымъ изысканіямъ; я не желалъ бы введенія филологіи въ лицей, какъ и всякой другой науки; пожалуй, это еще можно въ слабой мѣрѣ допустить въ высшихъ классахъ, чтобы, такимъ образомъ, подготовить переходъ отъ занятій приготовительныхъ къ специальнымъ; но прежде всего слѣдуетъ въ лицѣ учителя дать ученикамъ примѣръ абсолютной научной честности, которая именно и заключается въ абсолютномъ уваженіи истины, дать имъ почувствовать всю цѣнность аккуратности, точности, строгости, какъ при наблюденіяхъ отдѣльныхъ фактовъ, такъ и при обобщеніяхъ; затѣмъ слѣдуетъ незамѣтно приучать ихъ самихъ, безъ всякой научной обстановки, наблюдать, сравнивать, классифицировать, дѣлать заключенія, если въ ихъ распоряженіи имѣются элементы для заключеній, удерживаться отъ нихъ, если нѣтъ достаточныхъ основаній, дѣлать оцѣнку доказательствомъ, взвѣшивать свидѣтельства, распознавать различныя степени вѣрности и вѣроятности; все это такія вещи, для которыхъ въ высшей степени пригодно изученіе древнихъ языковъ, а еще лучше объясненіе древнихъ писателей съ тѣхъ горизонтовъ, которые они намъ открываютъ на древній міръ, съ одной стороны столь не похожій на нашъ, съ другой такъ тѣсно къ нему примыкающій. Такъ какъ такова, по моему мнѣнію, ваша задача, то вы поймете, что я, безъ колебаній, при вашихъ занятіяхъ на науку, а въ самой этой наукѣ на методъ смотрю, какъ на нѣчто существенное. Вы согласитесь, чтобы сумму вашихъ занятій древностью я называлъ филологіей, а не литературой. Весьма для меня печально видѣть, и я этого не скрываю, какъ вообще упускается изъ вида эта точка зрѣнія и какъ глубоко вкоренился противоположный взглядъ въ умы, въ учрежденія, даже въ языкъ, при помощи котораго этотъ взглядъ передается отъ поколѣнія къ поколѣнію. Иначе, на какомъ другомъ основаніи кафедре, которую я имѣю честь занимать, носить названіе кафедры римской словесности? Почему нашъ факультетъ называется словеснымъ (des lettres) въ противоположность

математическому, называемому научнымъ (des sciences), столь родственному, который, конечно, не отказалъ бы раздѣлить свое названіе съ нашимъ, при чемъ можно было бы прибавить отличительный для каждаго эпитетъ.

Но какъ бы ни укоренился этотъ ошибочный взглядъ, никогда не поздно попытаться выступить противъ него. Если въ теченіе этого курса мнѣ удастся убѣдить нѣкоторыхъ изъ васъ отказаться отъ этого господствующаго мнѣнія, и если вы, не согласившись съ защищаемымъ мною мнѣніемъ, создадите свое собственное, то я сочту себя вполне вознагражденнымъ за свой трудъ.

Я высказалъ свой взглядъ. Однако не думайте, прошу васъ, что я пренебрегаю такъ называемымъ литературнымъ чувствомъ. Я не люблю ни называть его такъ, ни говорить объ немъ слишкомъ много, но я придаю ему большое значеніе, и осмѣливаюсь питать надежду, что изъ васъ нѣкоторые обнаружатъ его во время нашихъ болѣе интимныхъ бесѣдъ; я только прошу не смѣшивать, какъ это часто бываетъ, это чувство съ талантомъ, служащимъ его выразителемъ, и не приписывать ему ни въ лицѣ, ни въ университетѣ наивысшаго значенія, въ ущербъ тому, что должно играть главную роль въ нашихъ занятіяхъ, т. е., любви, страстному поклоненію истинѣ. Литературное чувство играетъ свою роль, замѣтную даже въ филологическихъ работахъ; и здѣсь оно занимаетъ значительное мѣсто; оно входитъ постоянно въ критику текстовъ, въ интерпретацію, въ исторію литературы; оно освѣщаетъ эти занятія, но и онѣ, въ свою очередь, умножаютъ его.

Что касается до вопроса объ искусствѣ или наукѣ при этихъ занятіяхъ, то, еслибы мы рѣшительно и приняли сторону науки, то, само собою разумѣется, не съ тѣмъ, чтобы совершенно исключить искусство. Я не хочу говорить объ «искусствѣ учить», которымъ долженъ обладать также учитель математики, и естественныхъ наукъ, и исторіи въ той-же мѣрѣ, какъ и учитель-филологъ. Это искусство скорѣе нужно признавать природнымъ даромъ, чѣмъ способностью, приобрѣтенною путемъ изученія. Но мы вполне признаемъ, что обученіе искусству писать, сочинять и даже говорить болѣе спеціально входитъ въ обязанность учителя словесныхъ наукъ и грамматики. Поэтому то слѣдуетъ допустить, чтобы въ университетѣ подготовляли также и къ этой задачѣ. Быть можетъ, было бы полезнѣе такую подготовку, какъ и всякое практическое обученіе будущихъ учителей, предоставить курсу педагогики и особенно педагогическимъ упражненіямъ, которыя начи-

нались бы по окончаніи чисто научныхъ занятій, или, еще лучше, во время ихъ перерыва, напримѣръ, между экзаменами на кандидата и на адъюнктъ-профессора. Но въ ожиданіи, пока народится подобный институтъ, нисколько не унизительно для факультета, если рядомъ съ научными занятіями будутъ ити и практическія упражненія. Если первыя сами по себѣ способствуютъ образованію вкуса и литературныхъ способностей у будущаго учителя, какъ это и не можетъ быть иначе въ такой по природѣ артистической странѣ, какъ наша, то ничего не можетъ быть лучше; но хорошо подготовленнымъ къ помянутымъ занятіямъ учитель не выйдетъ безъ практическихъ упражненій. Но, съ другой стороны, практическая подготовка не должна быть цѣлью нашихъ занятій на факультетѣ; наука не должна приноситься въ жертву искусству и истина — прекрасному. Будемъ стараться искоренять столь распространенный предразсудокъ, будто нашъ факультетъ представляетъ изъ себя что-то въ родѣ высшаго класса риторики.

Теперь сдѣлаемъ выводъ изъ всего сказаннаго. Занятія классической древностью составляютъ науку, которую мы можемъ называть классической филологіей, такъ какъ такое названіе общеупотребительно, или какъ нибудь иначе, какъ вамъ больше нравится. Наука эта — прикладная, а не чистая. Она слагается изъ различныхъ наукъ, полностью входящихъ въ обширную сферу наукъ историческихъ, или нравственныхъ; сгруппированы онѣ по своему практическому значенію, а не по естественному сродству. Значеніе это проистекаетъ изъ необходимости обладать свѣдѣніями, извлекаемыми изъ этихъ различныхъ наукъ, для того, чтобы воспользоваться изученіемъ древнихъ писателей при воспитаніи юношества, а болѣе спеціально, въ наше время и въ нашей странѣ, для подготовки будущихъ университетскихъ слушателей. Изъ этого назначенія высшаго классическаго образованія должны истекать и его организація и методъ.

Но хотя данное нами опредѣленіе нашихъ занятій налагаетъ на насъ обязанность не терять изъ вида практической цѣли, все же мы не должны также забывать, что каждая наука, входящая въ кругъ нашихъ занятій, можетъ быть разсматриваема какъ чистая наука, и что на нее нужно смотрѣть именно съ этой точки зрѣнія. Чѣмъ болѣе мы будемъ объ этомъ помнить, тѣмъ успѣшнѣе мы будемъ отвлекаться отъ каждаго отдѣльнаго факта каждаго отдѣльной науки, къ соотвѣтственному факту общаго значенія и постоянно быть съ этимъ послѣднимъ въ соприкосновеніи; тѣмъ большаго успѣха мы будемъ достигать

въ нашей области, даже еслибы и не было другого девиза, какъ «знаніе для знанія», другой цѣли, какъ «все лучше и лучше познавать и понимать»; однимъ словомъ, чѣмъ болѣе будетъ возвышаться нашъ научный идеаль, тѣмъ болѣе мы можемъ быть увѣрены въ достиженіи, въ тоже время, практической цѣли нашихъ занятій. Будучи глубоко убѣжденъ въ этомъ, я заканчиваю только что высказаннымъ пожеланіемъ: пусть студенты университета при своихъ занятіяхъ, которыя научатъ ихъ съ пользою исполнять свои обязанности въ жизни, будутъ въ состояніи имѣть возвышенный взглядъ, благородное вдохновеніе, что сдѣлаетъ изъ нихъ настоящихъ научныхъ работниковъ, достойныхъ служителей истины.

Въ англійскихъ гимназіяхъ.

Райдъ, субректоръ въ Рацебургѣ.

[Продолж. См. „Гимн.“ кн. 50.]

V. Оксфордъ.

Xарактеристическихъ университетовъ, пользующихся всеобщю извѣстностью, въ Англїи собственно только два, Оксфордъ и Кэмбриджъ; и на тотъ и на другой можно указать, какъ на такія мѣста, гдѣ сосредоточивается умственное развитіе всей Англїи. Такъ называемое «London University» не есть университетъ, какъ это у насъ полагаютъ; это нечто иное, какъ экзаминаціонная комиссія, основанная въ 1837 году, уполномоченная послѣ предварительнаго испытанія жаловать академическія степени, раздававшіяся прежде Оксфордомъ и Кэмбриджемъ исключительно своимъ питомцамъ. Въмѣстѣ съ этимъ нововведеніемъ, другія школы, гдѣ жизнь свободнѣе, а главное — гораздо дешевле, значительно улучшились, напр., въ Лондонѣ «University-College», обнимающее всѣ факультеты, исключая богословскаго. Тѣмъ не менѣе, вся знать взрослой англійской молодежи сосредоточивается въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ, а потому, говоря про англійскую академическую молодежь, мы вполне справедливо можемъ принять во вниманіе исключительно эти двѣ высшія школы.

Главное различіе съ германскими университетами заключается въ томъ, что всѣ студенты, которыхъ здѣсь теперь до 3000, за немногими исключеніями, живутъ вмѣстѣ въ отдѣльныхъ учрежденіяхъ Colleges, и всѣ вмѣстѣ находятся подъ извѣстнымъ надзоромъ. Эти Colleges, которыхъ теперь въ Оксфордѣ около 20-ти, представляютъ, собственно

говоря, отдѣльные университетскіе интернаты, соединенные въ одну общую высшую школу на довольно свободныхъ основаніяхъ. Они владѣютъ огромными фондами, могутъ предоставить массу даровыхъ мѣстъ, а тамъ, кто отличился, выдаютъ пожизненныя пенсіи и ихъ «fellows».

Многіе fellows остаются въ тѣхъ Colleges, которые ихъ выбрали, и становятся тамъ учителями, или «private-tutors». Они даютъ студентамъ уроки *privatim* за очень большое вознагражденіе (напр., за 2—3 часа въ недѣлю, за семестръ (а ихъ три), продолжающійся около 8 недѣль, 8 ф. стерл. съ каждаго воспитанника). Кромѣ того, въ каждомъ College есть одинъ или два College-tutors, у которыхъ къ рукамъ находится все, что касается студентовъ. Они распредѣляютъ уроки отдѣльныхъ воспитанниковъ, указываютъ пріѣзжимъ мѣсто жительства и наблюдаютъ, вообще, за поведеніемъ членовъ College. Ихъ назначаетъ директоръ, стоящій въ главѣ каждаго College; жалованье получаютъ они отъ College. Кромѣ того, есть еще университетскіе профессора, приглашаемые и оплачиваемые университетомъ. Они читаютъ лекціи такъ же точно, какъ наши профессора, и по бѣльшей части спеціальныя.

Главнѣйшая учебная дѣятельность находится въ рукахъ private-tutors, читающихъ классическихъ писателей, занимающихся математикой и продолжающихъ школьное обученіе въ болѣе свободной формѣ. Вообще, все то, что преподается въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, скорѣе носить общеобразовательный характеръ, нежели спеціальный. По правиламъ, студенты остаются въ университетѣ немного болѣе трехъ лѣтъ. Первый годъ они называются *Freshmen*, второй годъ — *Junior soph**), третий — *Senior soph*. Между вторымъ и третьимъ годомъ бываетъ маленькій экзаменъ по классическимъ языкамъ, исторіи и математикѣ. Тѣ, которые не выдержали этого экзамена, остаются на лишній годъ.

Но это первое испытаніе бываетъ очень легкое и тѣ, кто сколько нибудь слѣдилъ за своими tutors, почти всегда выдерживаютъ, такъ что провалиться на этомъ экзаменѣ считается даже позорнымъ. Экзамены главнымъ образомъ служатъ поощреніемъ къ тому, чтобы студенты, занимающіеся собственно не изъ за куска хлѣба, но, какъ

*) *Soph.* сокращенное англійское «*sophister*», что опять-таки переделано изъ «*sophista*» или «*sophistes*». Въ Америкѣ, гдѣ въ университетахъ существуетъ такое-же подраздѣленіе и такія же названія, говорятъ «*sophomore*».

выражаются въ Германіи, «находятся въ высшихъ школахъ ради штудированія», не проводили всего времени въ празднотаніи. Окончательный экзамень значительно труднѣе, и дѣлается по различнымъ отраслямъ, напр., по классическимъ языкамъ, по математикѣ, по химіи и т. д. Выдержавшіе этотъ экзамень получаютъ званіе *Baccalaureus artium* и прибавляютъ къ своему имени «В. А.». Въ лучшихъ англійскихъ высшихъ школахъ получаютъ мѣста только получившіе эту степень. Слѣдующее званіе, жалуемое университетами, есть *Magister artium*; эту степень можно получить черезъ три года послѣ *Baccalaureus artium* безъ особаго экзамена, внеся извѣстную, установленную плату. Наконецъ, самая высшая степень — доктора жалуется здѣсь уже въ позднѣйшемъ возрастѣ, напр., «D. D.» = *Doctor of Divinity*.

Но собственно университетская жизнь въ Оксфордѣ и въ Кэмбриджѣ заканчивается степенью «В. А.»

Всѣ студенты носятъ одежду, составляющую принадлежность единственно англійскихъ университетовъ: черную шляпу съ четырехугольной широкой крышкой, нѣчто въ родѣ уланской каски, и такую же черную верхнюю одежду въ родѣ мантии, безъ рукавовъ.

Насколько мнѣ извѣстно, студенты должны всегда носить эту форму на улицѣ; въ особенности вечеромъ обращаютъ вниманіе на то, чтобы ихъ не могли встрѣтить не въ формѣ, вѣроятно, для того, чтобы можно было отличить ихъ въ толпѣ въ случаѣ беспорядковъ. Внѣшнее поведеніе студентовъ, какъ въ стѣнахъ, такъ и внѣ подчинено, главнымъ образомъ, наблюденію *Protectors* всего университета, имѣющихъ право со своими «*bulldogs*» полицейскими арестовать студентовъ, оказавшихся участниками уличнаго скандала.

Ровно въ десять часовъ всѣ студенты должны быть въ своемъ *College*. Неумолимый сторожъ отмѣчаетъ и доноситъ обо всѣхъ, кто опоздалъ. Тѣ, которые хотятъ получить разрѣшеніе притти позднѣе, должны выхлопотать себѣ такъ называемое «*Exeat*».

Въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ студенты тоже подчинены извѣстнымъ правиламъ: такъ, напр., они должны принимать постоянное участіе въ ежедневной молитвѣ и въ богослуженіяхъ своего *College* и это строго соблюдается въ отдѣльныхъ *Colleges*. Уполномоченному на это служителю (*marker*) выдаютъ присутственный листъ, на которомъ онъ отмѣчаетъ присутствующихъ. Если студентъ нѣсколько разъ манкировалъ, то его сначала увѣщываютъ, потомъ наказываютъ. Болѣе

легкими наказаніями служатъ выговоры и т. п., болѣе тяжелыми — временное изгнаніе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, потеря одного или нѣсколькихъ семестровъ.

Главная трапеза, сообразно съ которой преимущественно распределяются прогулки и удовольствія студентовъ, бываетъ общая, а потому жизнь въ Colleges чрезвычайно правильная и упорядоченная. Общественныя увеселенія ограничиваются вечерними собраніями въ отдѣльныхъ Colleges. Кутежи, дуэли, какія либо общества или фереины вовсе незнакомы англійской молодежи.

Однако эти интернаты, такъ сильно связывающіе молодыхъ людей, имѣютъ и превратныя стороны, и я отнюдь не отдаю имъ предпочтенія передъ германской университетской жизнію. Я сильно стою за безусловную свободу германскаго студента, какъ относительно его занятій, такъ и всей его жизни въ университетскіе годы, и я вполне согласенъ съ тѣми, кто видитъ много хорошаго въ этомъ своеобразномъ направленіи высшихъ школъ. Но, съ другой стороны, мнѣ очень хотѣлось-бы, чтобы мѣсто безсмысленныхъ кутежей и дуэлей заступили красивыя тѣлесныя движенія на открытомъ воздухѣ; я полагаю, что въ результатѣ появилось бы поколѣніе, болѣе здоровое тѣломъ и духомъ. Но ввести это въ университеты слѣдуетъ отнюдь не съ помощью приказанія свыше: достигнуть этого можно только въ такомъ случаѣ, если развить въ юношахъ любовь къ этимъ удовольствіямъ въ гимназіяхъ.

Отсутствіе кутежа въ англійскихъ школахъ и университетахъ составляетъ громадное преимущество, служащее объясненіемъ множества хорошихъ воспитательныхъ сторонъ, присущихъ Англій. Поиски за помѣщеніями въ Оксфордъ и Кембриджъ, соответствующими понятію о трактирѣ, оказались бы тщетными. Разумѣется, англичанинъ пьетъ и пиво и вино; но англичанинъ, какъ гимназистъ, такъ и студентъ, пьетъ пиво только для утоленія жажды, слѣдовательно, довольствуется однимъ или двумя стаканами. Такъ ли это и въ германскихъ университетахъ? Конечно, нѣтъ. Припоминая одинъ изъ такихъ вечернихъ кутежей, повторявшихся семь разъ въ недѣлю для многихъ молодыхъ людей, я долженъ сказать, что главнымъ занятіемъ было питье, такъ какъ этого требуетъ распорядитель; одинъ пьетъ за здоровье другого, причемъ должно быть выпито безирекословно опредѣленное количество, отпущенное въ долгъ. Въ этомъ отношеніи германскія школы, дѣйствительно, пагубны. За время моего штудированія мнѣ пришлось разъ

видѣть, какъ заставили одного новичка выпить разомъ рогъ, заключающій въ себѣ четыре полуштофа; на половинѣ онъ долженъ былъ остановиться, вышелъ скорѣе на улицу, поручивъ другому новичку поддержать пока рогъ; въ улицѣ его вырвало, и потомъ онъ преспокойно выпилъ остальное. Это называется «испытаніемъ», и каждый, кто не забылъ своего студенчества, конечно вспомнить, что это явленіе весьма обыкновенное: еслибы вздумали принудить пить англійскаго студента, онъ, вѣроятно, отвѣтилъ бы: «Нѣтъ, мнѣ больше не хочется пить», или «Мнѣ повредить, если я еще выпью». Очень многіе этой чрезмѣрной выпивкой, именно въ университетѣ, кладутъ начало желудочнымъ страданіямъ, отравляющимъ имъ всю дальнѣйшую жизнь.

Всякому разумному педагогу понятно, что каждый человекъ, а въ особенности тотъ, чей умъ занятъ напряженной работой, требуетъ отдыха; но эти отдохновенія и удовольствія, должны поощрять духъ къ новой дѣятельной энергіи. Здѣшнія игры на открытомъ воздухѣ и другія тѣлесныя упражненія достигаютъ этого въ превосходной степени. Когда стѣсенная грудь послѣ сидѣнья за письменнымъ столомъ опять расширится, благодаря сильнымъ движеніямъ гребли, когда легкіе въ сильно возбужденной дѣятельности выдохнуть душный воздухъ, наполнявшій школьныя помѣщенія, и вдохнуть въ себя воздухъ водъ и лѣсовъ, богатый кислородомъ, когда нѣсколько остановившаяся кровь во время сидѣнья, подъ вліяніемъ проворной бѣготни въ крикетѣ, обращается съ обновленною энергіею и быстро пробивается по жиламъ, и когда глазъ, напряженный продолжительнымъ чтеніемъ, отдохнетъ на зеленомъ лугу игорной площадки, тогда отдохнувшій духомъ юноша съ обновленными силами охотно готовъ предаться дальнѣйшимъ занятіямъ. Также и зимою, когда ослабѣвшее тѣло отъ нагрѣвагося комнатнаго воздуха хоть разъ въ день прогнать свою усталость энергичнымъ упражненіемъ въ Football, то это принесетъ громадную пользу успѣху умственной работы.

Но въ какомъ положеніи находится это дѣло у насъ? Можно ли сравнить «Skatspiel», продолжающійся часами въ нечистомъ воздухѣ трактира, съ такими тѣлесными играми? Я думаю, милый другъ, въ университетскіе годы ты самъ, послѣ почти безсонной ночи, часто просыпался съ головою болью и съ печальнымъ настроеніемъ, и на другое утро шелъ въ университетъ не съ обновленною охотою, но съ усиліемъ и неохотою, и требовалось много силы воли, чтобы вновь сосредоточить весь умъ на трудныхъ задачахъ подлежащихъ его круго-

зору? Удовлетворяло ли, слѣдовательно, это удовольствіе первой цѣли, т. е., служило ли оно отдохновеніемъ уму, освѣжая его и дѣлая его способнымъ къ дальнѣйшей напряженной энергической дѣятельности?

Безпристрастный наблюдатель, знакомый съ состояніемъ обѣихъ странъ, не можетъ не признать, что англійскіе студенты здоровѣе и сильнѣе нѣмецкихъ. Достаточно обѣда взглянуть на эти сильныя, большія фигуры, превосходящія ростомъ нашихъ юношей того же возраста, среднимъ числомъ, на полголовы; а не служить ли самый ростъ уже признакомъ большей силы? И въ насъ невольно вкрадается зависть, что мы отстали здоровьемъ отъ этихъ сильныхъ мужей.

Разумѣется, существуетъ бездна причинъ, приводящихъ къ этому неоспоримому явленію. Конечно, слѣдуетъ принять во вниманіе, простую, но здоровую мясную пищу, находящуюся здѣсь въ употребленіи, дѣйствіе которой урегулируется овощами и сладкимъ блюдомъ. Также и большее національное благосостояніе играетъ при этомъ значительную роль, а равно и большое вниманіе, обращаемое по ту сторону моря вообще на исполнѣ справедливыя, современные правила гігіены. Но, тѣмъ не менѣе, я глубоко убѣжденъ, что большая доля лучшаго здоровья англійской академической молодежи обусловливается тѣлесными играми и упражненіями на открытомъ воздухѣ, служащими тамъ отдохновеніемъ отъ умственной работы. А это мы отлично могли бы ввести и у себя, еслибы только захотѣли.

Но на основаніи вышесказаннаго могло бы, пожалуй, показаться, что весь отдыхъ англійскихъ студентовъ ограничивается одними тѣлесными упражненіями. Вовсе нѣтъ: у нихъ бываютъ и музыкальныя, и научныя собранія, также и клубы, гдѣ происходятъ пренія относительно всѣхъ вопросовъ, могущихъ возбудить общій интересъ, не исключая и вопросовъ политическихъ, и клубы играютъ немаловажную роль въ университетской жизни.

Но такихъ студенческихъ обществъ, которыя бы сколько нибудь походили на нѣм. корпораціи, здѣсь вовсе не существуетъ, а вмѣстѣ съ этимъ англійскіе студенты не знакомы съ пестрыми цвѣтами, которые такъ идутъ къ молодымъ лицамъ и составляютъ гордость нашей молодежи. Я ни за что не хотѣлъ бы, чтобы этотъ обычай у насъ вывелся. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отсутствіе примѣненія этихъ цвѣтовъ лишаетъ англійскую молодежь величайшаго недостатка, которымъ, къ стыду своему, заражена наша современная университетская жизнь:

это — дуэли, находяція главную точку опоры въ корпораціяхъ и въ большинствѣ обществъ, имѣющихъ свои цвѣта.

Дуэли нашихъ студентовъ кажутся въ высшей степени удивительнымъ явленіемъ въ глазахъ англичанъ: выслушивая рассказы о поединкахъ, англичанинъ насмѣшливо трясеть головой и даже не знаетъ, что сказать на это.

— «Да, англичанинъ лишень, абсолютно, всякаго пониманія этой стороны нѣмецкой университетской жизни: дуэли нашихъ студентовъ представляютъ для него нѣчто совершенно непостижимое».

Приблизительно такими словами, говоря со мною объ англійской и германской университетской жизни, высказался сегодня утромъ нашъ знаменитый соотечественникъ Максъ Мюллеръ, состоящій, какъ извѣстно, профессоромъ здѣсь, въ Оксфордѣ, и пользующійся во всей Великобританіи высокимъ и вполне заслуженнымъ уваженіемъ.

Въ университетѣ былъ я однажды свидѣтелемъ происшествія, произведшаго на меня сильное впечатлѣніе. Была поздняя ночь, поднялся студенческой споръ, окончившійся «руганью», обязательно влекущею за собою дуэль. Оскорбленный произнесъ рѣшительнымъ голосомъ: «Я не дерусь, потому что мнѣ это запрещаетъ религія: я католикъ».

Здѣсь въ Англій послѣдовалъ бы отвѣтъ: «Я христіанинъ!» Почему не можетъ того же отвѣтить молодой человекъ въ Германіи? Это чрезвычайно характеризуетъ отношенія къ церкви.

Студенческая манера пренебрегать приличіемъ и законами, къ которой у насъ относятся обыкновенно съ большимъ снисхожденіемъ, встрѣчается здѣсь въ сравнительно ничтожной степени. Какъ интересно было мнѣ убѣдиться воочию въ томъ, что, какъ говоритъ Визе въ своихъ письмахъ, въ англійскомъ юношѣ, не смотря на предоставляемую ему свободу, еще въ школѣ глубоко вкореняется чувство закона и приличія, словомъ, уваженіе къ авторитету.

На второмъ планѣ, мнѣ хотѣлось бы приписать благоприятное вліяніе въ этомъ отношеніи столь любимымъ и хваленнымъ мною физическимъ играмъ и упражненіямъ. Кипучія юныя силы должны искать себѣ какого нибудь исхода, и этимъ исходомъ служатъ здѣсь только что описанныя игры. Очень можетъ быть, еслибы это прочелъ какой нибудь изъ нашихъ теперешнихъ студентовъ, онъ бы посмѣялся надъ мыслью, что и они, уже зрѣлые люди въ нравственномъ отношеніи, тоже должны имѣть вкусъ къ такимъ дѣтскимъ играмъ, годящимся

развѣ только болѣе юнымъ школьникамъ. Но, милый молодой другъ, возразилъ бы я ему на это, ты, право, не знаешь, надъ чѣмъ смѣешься, ты не знаешь игръ, если даже когда нибудь поверхностно приглядывался къ нимъ. Я, хорошо съ ними знакомый и, въ то же время, знакомый до нѣкоторой степени съ твоимъ характеромъ и наклонностями, я убѣжденъ въ томъ, что если молодежь примется за игры и если въ школахъ будутъ о нихъ заботиться настолько, чтобы они вошли въ плоть и кровь воспитанниковъ, то со временемъ, какъ въ твоихъ глазахъ, такъ и въ глазахъ твоихъ товарищей онѣ получатъ приблизительно такую же цѣну, какою пользуются по ту сторону канала среди юношей и образованныхъ людей.

Въ заключеніе упомяну еще о кое какихъ недостаткахъ, связанныхъ съ играми въ Англіи. Первый изъ нихъ состоитъ въ томъ, что, какъ я уже говорилъ, онѣ черезъ чуръ сосредоточиваютъ на себѣ интересъ молодыхъ людей и слишкомъ отвлекаютъ ихъ отъ работы. Это же подтвердилъ и профессоръ Максъ Мюллеръ, рассуждая со мною о столь любимыхъ мною играхъ, причемъ онъ выразился слѣдующими словами:

«Какъ вы видите, у насъ годъ дѣлится на три срока, и каждый срокъ заключаетъ въ себѣ около восьми недѣль рабочаго времени. Многіе студенты почти ежедневно употребляютъ все послѣбобѣденное время на игры, греблю и т. п., и такимъ образомъ остается черезъ чуръ мало времени для умственной работы.»

Это, конечно, совершенно справедливо, и я вовсе не намѣренъ возражать противъ приведеннаго авторитета. Но если мы обратимъ вниманіе на нашу студенческую жизнь, то увидимъ, что многіе наши студенты тратятъ не меньше времени на корпораціонную и на трактирную жизнь, а потому, сравнивая въ этомъ отношеніи англійскую студенческую жизнь съ германскою, я все же отдаю предпочтеніе первой, хотя и не отрицаю ея недостатковъ.

Также и относительно платы. Среднимъ числомъ, каждый студентъ вноситъ за игры и за упражненія около 15 ф. стерл., слѣдовательно, 45 ф. стерл. въ годъ, что составляетъ, приблизительно 900 марокъ (450 руб.). Положимъ, названная цифра немного высока, но приблизительно она вѣрна. Для правильной оцѣнки этой суммы, мы должны сообразить, что, при довольно скромной жизни, студенту въ Оксфордѣ необходимо имѣть 200 ф. стерл. = 4000 марокъ въ годъ (= 2000 руб.), по меньшей мѣрѣ; при этомъ первая сумма уже

не покажется такою значительною. Разумѣется, лодки, весла и другія принадлежности игръ и упражненій бываютъ самаго высокаго достоинства, подчасъ даже онѣ не чужды нѣкоторой роскоши.

Другое возраженіе, часто приводимое у насъ противъ англійскихъ юношескихъ игръ и противъ вліянія, производимаго ими на воспитаніе, заключается въ томъ, что онѣ пробуждаютъ въ юношахъ «пагубное честолюбіе».

Дѣйствительно, эти игры не только способны, но и предназначены къ пробужденію чувства чести, а, по моему мнѣнію, и честолюбія въ молодыхъ людяхъ; да и вообще все англійское воспитаніе больше, чѣмъ наше, напираетъ на эту пружину, съ цѣлью поощрять молодежь къ энергичнымъ поступкамъ. Но я не могу сказать, что этого рода поощреніе отражается вредно на англійскихъ юношахъ или вполнѣ ствѣи на мужчинахъ. Правда, у нихъ есть стремленіе отличиться и быть лучше другихъ, и весьма возможно, что это чувство свойственно англичанину болѣе, нежели другимъ національностямъ. Если къ этому чувству другой разъ и присовокупляется нѣсколько глупое самолюбіе и самодовольство, производяція, несомнѣнно, отталкивающее дѣйствіе, то все же нельзя не признать, что это стремленіе, само по себѣ, прекрасное, и я почитаю счастливымъ тотъ народъ, гдѣ это побужденіе свойственно отдѣльнымъ личностямъ, т. к. это благородное стремленіе способствуетъ увеличенію благосостоянія всего государства. Если все англійское воспитаніе въ общемъ и игры въ частности привели къ расширенію Англій и къ ея преобладанію надъ всѣми другими народами на колониальномъ поприщѣ, то, мнѣ кажется, наше порицаніе слѣдуетъ измѣнить въ похвалу, и мы не должны долѣе избѣгать игръ, т. к. онѣ представляютъ собою превосходное средства, подстрекающее и развивающее чувство чести въ молодыхъ людяхъ и приводящее къ желанной уѣли.

Кромѣ «пагубнаго честолюбія», вызываемаго играми, мнѣ возражали еще, будто «игры англійской молодежи: каковы кулачный бой, гребля, игры въ мячъ и т. д., всѣ носятъ характеръ состязанія, въ высшей степени разжигаютъ зависть и страсти и отнюдь не служатъ къ облагораживанію англійскаго юношества», а, напротивъ, того какъ выразился другой господинъ, способствуютъ развитію въ немъ грубости.

Не стану отрицать, что это, дѣйствительно, можетъ произойти съ натурами дюжинными и пошлыми, которыхъ всегда найдется въ достаточномъ количествѣ, но сказать это вообще о вліяніи физическихъ

игръ на англійскоу юношество было бы такимъ же ложнымъ сужденіемъ, какъ еслибы стали утверждать то же относительно олимпійскихъ игръ и атлетическихъ упражненій у древнихъ Грековъ.

Разумѣется, каждая игра носить и должна носить характеръ соревнованія, гдѣ каждый напрягаетъ въ высшей стѣпени свои физическія и духовныя силы, съ цѣлью побѣдить противника. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, игра даетъ играющему очевидное доказательство того, что усердіе не должно переходить въ страсть, т. е. страсть затемняетъ ясный взглядъ и легко ведетъ къ ошибкамъ, которыя не замедлятъ проявиться въ ближайшемъ будущемъ. Совѣтую тебѣ прослѣдить когда нибудь, безъ предубѣжденія, англійскихъ мальчиковъ или юношей во время игры. Ты, навѣрное, порадуешься ихъ удивительному умѣнью побѣждать страсти, готовыя разгорѣться въ нихъ, и ихъ изумительному хладнокровію въ самые тревожные моменты игры. Игра ясно показываетъ, что каждый долженъ оставаться владыкой, господиномъ своихъ чувствъ и мыслей; тутъ то, на свободѣ, и нужно учиться ограничивать и обуздывать себя. Со веѣмъ этимъ, игры составляютъ превосходное упражненіе въ самообладаніи и служатъ больше всякихъ теоретическихъ ученій очевиднымъ доказательствомъ того, что истинный мужъ познается въ обуздываніи своихъ страстей. А такъ какъ игры доставляютъ возможность упражняться и учиться этому величайшему искуству, то, слѣдовательно, онѣ способствуютъ не одичалости, а, напротивъ того, облагораживанію человѣка. Уже приведенная мною истина, что тотъ человѣкъ выше стоитъ, который не поддастся искушеніямъ, чѣмъ тотъ, который съ боязнью избѣгалъ всякихъ соблазновъ на своемъ пути, вполне примѣнима въ данномъ случаѣ. Игры, видѣнныя мною здѣсь, представляются мнѣ всегда въ видѣ небольшой войны, которая ведется по веѣмъ правиламъ приличія. Здѣсь подвергаются испытанію и упражненію тѣ качества, которыя нужны мужчинѣ на войнѣ: храбрость и рѣшительность, физическая сила и крѣпкіе нервы, хладнокровіе въ опасности и настойчивая, продолжительная энергія. Правда, частенько дѣло обходится не безъ синяковъ и царапинъ, не безъ разорванной куртки и вывихнутаго члена, но это нисколько не мѣшаетъ мнѣ высоко цѣнить игры, которыя, пожалуй, могутъ показаться «грубыми» какому нибудь жеманному юношѣ въ лайковыхъ перчаткахъ или избѣженной дамѣ, которая до того затянулась, что и умъ ея находится въ такихъ же тискахъ, какъ и талія.

Теперь больше, чѣмъ когда либо, нужны сильные и твердые

характеры, и въ круговой, соревнующей борьбѣ національностей приобрѣтаютъ значеніе только тѣ люди, которые научились поступать энергично, хотя-бы утонченный свѣтъ и ставилъ имъ въ упрекъ нѣкоторую грубость. Это единственная точка зрѣнія, которую, по моему мнѣнію, справедливо можно примѣнить къ студенческимъ мензурамъ, т. е. въ этомъ отношеніи существуетъ между ними сходство съ англійскими юношескими играми: мензуры способствуютъ развитію силы и характера въ мужчинѣ. Но сравни эти двѣ вещи, милый другъ, и скажи по совѣсти, что «грубѣе», дуэли или физическія игры англійской молодежи.

Разумѣется, игры не служатъ единственнымъ воспоминаніемъ университетской жизни, которому англичане предаются съ радостью и любовью. Colleges въ Оксфордѣ и въ Кэмбриджѣ, однимъ наружнымъ видомъ своимъ, оставляютъ неизгладимое воспоминаніе въ душѣ тѣхъ, кто получилъ тамъ образованіе. Когда я припоминаю старинныя постройки, обросшія плющомъ, видѣнныя мною сегодня, чудесныя залы со стариннымъ убранствомъ, съ воспоминаніями на стѣнахъ обо всѣхъ знаменитыхъ мужахъ, вышедшихъ оттуда, я долженъ сознаться, что нигдѣ такъ глубоко не испытывалъ чаръ учености вѣковой древности и исторіи, какъ здѣсь въ Оксфордѣ, и я думаю, что эта священная память всего прошлаго должна оказывать удивительно сильное и хорошее вліяніе на того, кто провелъ нѣсколько лѣтъ въ этомъ достопамятномъ зданіи. Та «священная память прошлаго», какъ я, кажется, совершенно справедливо выразился, обладающая въ Англии съ несравненно бѣльшимъ могуществомъ, нежели даже въ Германіи, то удивительное чувство и уваженіе, которое питаетъ ко всему, ставшему историческимъ, этотъ разсудительный англичанинъ, какимъ мы себѣ обыкновенно его представляемъ, составляютъ поразительное явленіе, производящее на меня, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, удивительно благоприятное дѣйствіе.

Мѣста для прогулки, принадлежація къ Colleges въ Оксфордѣ, также превосходны. Старинныя дубы и платаны даютъ тѣнь тѣмъ содержимымъ аллеямъ и ограничиваютъ обширныя земныя и горныя площадки, служившія для укрѣпляющихъ удовольствій уже многимъ поколѣніямъ въ годы юношества. Если же ты попадешь на красивую волнующуюся Темзу, принимающую здѣсь въ себя рѣку Кервелль, ты невольно обрадуешься чудесной, оживленной картинѣ, которая представится твоимъ глазамъ въ лѣтнее послѣобѣденное

время. Сотни маленькихъ красивыхъ лодочекъ плывутъ по водѣ; въ срединѣ, по ббольшей части, стоитъ одно изъ большихъ судовъ, снабженныхъ каютами и всевозможнымъ комфортомъ и служащихъ мѣстомъ жительства на водѣ для люда, стерегущаго лодки съ веслами. Всюду веселые молодые люди съ крѣпкимъ тѣломъ и сильными мускулами, съ весельемъ предающіеся здоровымъ удовольствіямъ, предлагаемымъ имъ красивую рѣкою со своимъ радостнымъ журчаньемъ.

Долина, гдѣ лежитъ Оксфордъ, имѣетъ много привлекательнаго и въ живописномъ отношеніи, и я вполне согласенъ съ господиномъ, сказавшимъ мнѣ сегодня утромъ, что Оксфордъ «самый красивый и вообще самый интересный изъ всѣхъ англійскихъ городовъ».

Чрезвычайно пріятно дѣйствуетъ на путешественника при осмотрѣ Оксфорда то, что многочисленныя достопримѣчательныя церкви и часовни, всѣ Colleges съ ихъ внутренними дворами и потаенными ходами, библіотеки, музей и др. коллекціи, сады и парки такъ же, какъ и аллеи, принадлежащія къ Colleges, все это весь день открыто, и вездѣ можно прогуливаться совершенно свободно, безъ малѣйшаго стѣсненія. Плата за входъ «admission-fee» взимается здѣсь, сравнительно, весьма рѣдко. А много есть чего посмотреть въ этомъ красивомъ, древнемъ городѣ, пользовавшемся извѣстностью еще за 1000 лѣтъ до Р. Хр. подъ названіемъ Мемфритиса. Желая всѣмъ моимъ любезнымъ читателямъ имѣть возможность познакомиться съ этимъ сѣдалищемъ древнѣйшей англійской учености, возымѣвшей чрезвычайно сильное вліяніе на развитіе англійской національности, и, я думаю, онъ тогда пойметъ такъ же, какъ и я, какое полнѣйшее право имѣетъ гордый англичанинъ гордиться своимъ гордымъ Оксфордомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ГРЕЧЕСКІЕ СОФИСТЫ

[по новымъ изслѣдованіямъ*)]

М. Демковъ, Глуховъ.

Греческіе софисты представляютъ не только историческій интересъ, но и глубокій современный. Познакомиться съ ними необходимо не только для пониманія Платона и Аристотеля, но и для уясненія многихъ современныхъ намъ явленій.

Платоново міровоззрѣніе относится къ софистическому, какъ положеніе къ отрицанію. Стать на сторону одного значитъ отвергнуть другое и наоборотъ. Для пониманія Платона недостаточно одной филологической опытности, необходимо знакомство съ исторіей философіи и особенно съ ученіемъ и дѣятельностью софистовъ.

Въ исторіи философіи, говоритъ г. Гиляровъ, не найдется другого примѣра такой измѣнчивой судьбы, какую испытали греческіе софисты. Встрѣченные при первомъ своемъ появленіи съ восторгомъ, они вслѣдъ за тѣмъ навлекли на себя позоръ, который тяготѣлъ надъ ними болѣе двадцати столѣтій. Привыкли во все это время на нихъ

*) Источники и пособія: П. Г. Рѣдкинъ. Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Томы I—VII. 1889—1891 гг. — А. Н. Гиляровъ. Греческіе софисты, ихъ міровоззрѣніе и дѣятельность въ связи съ общей политической и культурной исторіей Греціи. Москва 1888 г. — Его-же, Платонъ какъ историческій свидѣтель. Источники о софистахъ. Кіевъ 1891 г. — Кн. Сергій Трубецкой. Метафизика въ древней Греціи. Москва 1890 г. — Сочиненія Платона, переведенныя съ греческаго и объясненныя проф. Карповымъ. 1863—1879 гг.

смотрѣть какъ на людей нравственно презрѣнныхъ, а на ихъ философскія воззрѣнія, какъ на легкомысленную, хотя и блестящую игру ума, несогласную ни съ достоинствомъ науки, ни съ истиной. Но съ конца прошлаго вѣка судьба ихъ снова измѣняется. На защиту ихъ выступаютъ передовые люди науки, извѣстные философы. Сначала беретъ ихъ подъ свое покровительство Бартеlemi, затѣмъ возстановляетъ въ правахъ Гегель (Гегель видитъ въ софистахъ явленіе неслучайное, но необходимое въ исторіи каждаго народа, въ извѣстный моментъ его жизни, см. Hegel, Vorles. üb. d. Geschichte d. Philosophie); онъ указываетъ на заслуги софистовъ и въ особенности на то, что Греція обязана своимъ образованіемъ и просвѣщеніемъ именно софистамъ. Наконецъ, прославляютъ софистовъ во имя справедливости Льюисъ и Гротъ*). Приговоръ вѣковъ отмѣненъ какъ несостоятельный, всѣ обвиненія съ софистовъ сняты, не только доброе имя ихъ возстановлено, но они возвеличены, какъ никогда прежде. Ради спасенія ихъ чести воспроизведены враждебные отзывы древней критики о Платонѣ, какъ всеобщемъ клеветникѣ и насмѣшникѣ, его свидѣтельства о нихъ приравнены тому, что говоритъ Аристофанъ о Сократѣ, замѣчанія Аристотеля о софистахъ объявлены лишенными философскаго смысла (ст. 3 Греч. софист.). «На софистовъ очень много клеветали, говоритъ въ своей Исторіи философіи Д. Г. Льюисъ (переводъ В. Чуйко 1889, ст. 122—123). Возвышая голосъ въ ихъ защиту, мы знаемъ, что насъ обвинять въ парадоксѣ; но всматриваясь ближе въ это дѣло, мы увидимъ, что упрека этого гораздо болѣе заслуживаютъ тѣ, которые вѣрятъ и повторяютъ это традиціонное мнѣніе о софистахъ. Въ самомъ дѣлѣ, мало найдется примѣровъ столь единодушнаго и вмѣстѣ столь парадоксальнаго обвиненія, какъ обвиненіе противъ софистовъ. Это было бы все равно, какъ еслибы челоуѣчество рѣшилось судить о Сократѣ по изображенію его въ «Облакахъ» Аристофана. Аристофановская карриатура на Сократа такъ же близка къ истинѣ, какъ и

*) Первое изданіе Гегелевыхъ „Vorlesungen“ вышло въ 1833 г. Гротова „History of Greece“ появилась между 1846—1855. Льюисъ вмѣняетъ себѣ въ заслугу то, что онъ на пять лѣтъ предупредилъ Грота, выставивъ новый взглядъ на софистовъ. У насъ въ Россіи М. Н. Катковъ выступилъ ихъ яркимъ защитникомъ. Въ своихъ „Очеркахъ древнѣйшаго періода греческой исторіи“ 1853, онъ пишетъ: „Существовавшее общество брали они такъ, какъ оно было, и, не увлекаясь высшими идеалами, старались приравливать къ положительнымъ условіямъ быта своей страны и своего времени.“

Платоновская карриатура на софистовъ (см. особенно его забавный діалогъ Эвѣдимъ), съ тою только разницею, что однимъ руководила политическая, а другимъ — философская антипатія». «О софистахъ дошли до насъ только одни показанія ихъ противниковъ. Платонъ имѣлъ всевозможныя причины не любить софистовъ и ихъ мнѣнія; поэтому онъ не упускалъ ни одного случая, чтобы осмѣять ихъ лично и исказить ихъ ученіе». «Учить безнравственности и открыто считать это безнравственнымъ — въ этомъ и заключалась, по мнѣнію Платона, профессія софистовъ, — мнѣніе, которое въ самомъ себѣ заключаетъ противорѣчіе». Почти съ той же точки зрѣнія, только болѣе широко и, на первый взглядъ, болѣе основательно, смотритъ на Платона самый авторитетный изъ его критиковъ, авторъ «Исторіи Греціи» Г. Гротъ. «Его (Платона) критическія замѣчанія были под-сказаны его собственной точкой зрѣнія, съ которой все общество представлялось развращеннымъ и всѣ орудія, поддерживающія его функціи, — по самому существу, изъ низкаго металла. Всякій, кто прочтетъ «Горгію» или «Государство», увидитъ, какъ поголовно и неразборчиво онъ произноситъ свой приговоръ осужденія. Не только всѣ софисты и риторы, но всѣ музыканты и диѳирамбическіе, или трагическіе поэты, всѣ государственные люди, какъ прежніе, такъ и настоящіе, не исключая даже великаго Перикла, получаютъ изъ его рукъ одну общую печать безчестія». Но Льюисъ и Гротъ, говоритъ г. Гиляровъ (ст. 29 Греч. софисты) строятъ выводы не на провѣренныхъ фактахъ, а на общихъ соображеніяхъ; къ тому же поверхностность Льюиса въ его «Исторіи философіи» слишкомъ извѣстна; даже при небольшомъ знакомствѣ съ Платономъ нельзя изъ чтенія въ этой исторіи главы о софистахъ не убѣдиться, что Льюисъ либо вовсе не читалъ Платона (достаточно указать приведенную выше общую характеристику Льюисову взгляда Платона «учить безнравственности и открыто считать это безнравственнымъ — въ этомъ и заключалась профессія софистовъ» — такого нелѣпаго мнѣнія Платонъ нигдѣ не высказывалъ), либо намѣренно говорилъ неправду изъ любви къ сроднымъ ему по духу софистамъ. Гротъ безспорно основательно изучилъ Платона, но подобно Льюису стоялъ на прямо противоположной точкѣ зрѣнія и, вслѣдствіе своего узкаго утилитаризма, не могъ въ полной мѣрѣ вникнуть въ духъ Платонова міровоззрѣнія^{*)}. Г. Гиляровъ въ двухъ своихъ, богатыхъ аргу-

*) Гиляровъ. Греческіе софисты, ст. 29.

диціей сочиненіяхъ: «Греческіе софисты» и «Источники о софистахъ» предпринялъ изученіе дѣятельности и міровоззрѣнія софистовъ, а также прослѣдилъ ихъ связь съ общей политической и культурной исторіей Греціи; поэтому въ этой статьѣ мы и пользуемся главнымъ образомъ этими изслѣдованіями. Въ 2-мъ томѣ лекцій проф. Рѣдкина мы также находимъ не мало цѣнныхъ данныхъ по интересующему насъ вопросу*).

Софистъ, говоритъ проф. Рѣдкинъ, есть греческое слово — σοφιστής. Первоначально означалось этимъ словомъ то же самое, что сроднымъ съ нимъ словомъ σοφός, а σοφός значило мудрый (человѣкъ), мудрецъ. Подъ мудрымъ же, или мудрецомъ вовсе не разумѣлся первоначально философъ въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, а только человѣкъ, владѣвшій какимъ-либо искусствомъ, умѣньемъ, искусный, свѣдущій въ какомъ-либо дѣлѣ и тѣмъ отличающійся отъ неискускаго въ данномъ дѣлѣ; такъ что мудрыми или мудрецами-софистами назывались и ремесленники, и музыканты, и пѣвцы, и поэты, и прорицатели, и врачи . . , ибо мудрость понималась греками въ смыслѣ жизненномъ и конкретномъ. Затѣмъ, софистъ, опять также какъ и σοφός, значило то, что у насъ называютъ вообще человѣкомъ разумнымъ, т. е. практическимъ, дѣльнымъ, опытнымъ въ дѣлахъ житейскихъ. Впослѣдствіи словомъ софистъ начали означать уже философа въ смыслѣ теоретическаго мыслителя, который опытностью, ученіемъ и размышленіемъ достигъ знанія высшихъ истинъ, высшаго истиннаго знанія. Наконецъ, съ философа Протагора, современника Сократова, который первый самъ себя назвалъ софистомъ, слово софистъ начинаетъ отличаться отъ слова σοφός, а именно такъ, что хотя софистъ все еще имѣетъ значеніе философа, въ смыслѣ теоретическаго мыслителя, но софистами начинаютъ называть уже особаго рода философовъ, теоретическихъ мыслителей, съ особымъ философскимъ направленіемъ, которые образуютъ какъ бы особую школу, главными представителями которой были: Протагоръ, Горгія, Продикъ и Гиппія. Каждый изъ нихъ, особенно же два первые софиста, имѣли много учениковъ, но въ двоякомъ смыслѣ: или въ смыслѣ послѣдователей ихъ философскаго ученія, или въ смыслѣ учениковъ, которыхъ софисты обучали за деньги разнаго рода премудростямъ и добродѣтелямъ въ греческомъ смыслѣ, напр., искусству правленія домою (экономикѣ) и государствомъ (политикѣ) — чему,

*) Статья на основаніи этихъ сочиненій и составлена, какъ это указано въ самомъ началѣ.

напр., училъ Протагоръ; или риторикѣ, въ смыслѣ ораторскаго искусства, которое считалось необходимымъ пособіемъ политика, чему, напр., училъ въ особенности Горгія; или нравственности (этикѣ въ тѣсномъ смыслѣ), чему училъ Продикъ; или просвѣщали ученіемъ о правѣ и справедливости, чѣмъ занимался въ особенности Гиппія. Всему этому учили софисты, разъѣзжая по Греціи и ея колоніямъ, но въ особенности останавливаясь въ Аѣнахъ, потому что въ это время Аѣны были, по вѣрному замѣчанію Перикла, школою для всей Греціи. Такимъ образомъ, софисты являются профессиональными, наемными преподавателями «добродѣтели и краснорѣчія»; они великіе искусники своего времени и сдѣлали изъ «мудрости» свое искусство и ремесло. Какъ бы тамъ ни было, первоначально имя софистъ ничегопозорнаго въ себѣ не имѣло и многіе съ гордостью носили его. «Платонъ, говоритъ Георгъ Гротъ, не только изыялъ это имя изъ общаго употребленія, чтобы закрѣпить его специально за своими противниками, учителями изъ-за платы; но также связалъ съ нимъ крайне безчестныя атрибуты, которые всево не входили въ его первичное значеніе, и были совершенно различны отъ неопредѣленнаго чувства нелюбви, связаннаго съ этимъ словомъ. Аристотель, слѣдуя примѣру своего учителя, далъ слову «софистъ» опредѣленіе, въ сущности, тождественное съ тѣмъ, какое оно имѣетъ въ современныхъ языкахъ. «Софистъ — это обманщикъ, имѣющій притязаніе на знаніе, человѣкъ, употребляющій то, что ему извѣстно за ложь, ради обмана и пріобрѣтенія денегъ»; и теперь подъ софистикой мы разумѣемъ вообще ложную, кажущуюся діалектику, подъ софизмомъ — ложное умозаключеніе, подъ софистомъ — человѣка, который пользуется словомъ и діалектикой для доказательства того, что ему угодно, независимо отъ истинности доказываемаго.

Въ «Софистѣ» Платонъ сравниваетъ софистовъ съ ловчими, охотящимися за знатными юношами по лугамъ, изобильнымъ богатствомъ и молодостью, называетъ ихъ продавцами и разнозчиками душевныхъ товаровъ, изготовленныхъ ими самими знаній о добродѣтели, которыя они продаютъ за безцѣнокъ, видитъ наиболѣе знаменательную черту ихъ дѣятельности въ умѣнны противорѣчить и вообще въ эристикѣ, или искусствѣ спорить обо всемъ — о дѣлахъ божественныхъ, о небѣ и землѣ, о бытіи и происхожденіи, въ особенности же о дѣлахъ чело-вѣческихъ, о законахъ, о справедливости и несправедливости, и въ умѣнны сообщать это мнимое искусство другимъ — мнимое потому, что ни одинъ человѣкъ не можетъ знать всего, а, стало быть, и спо-

рять обо всемъ. Но знатокъ многихъ вещей, называющійся по имени одного искусства, есть явленіе сомнительное; вѣдь, онъ долженъ быть непременно чѣмъ то однимъ. И Платонъ останавливается на самомъ важномъ опредѣленіи софиста, какъ знатока противорѣчія (*ἀντιλογικός*). «Искусство противорѣчія, говоритъ онъ, повидимому, состоитъ въ противорѣчіи всему — вещамъ божественнымъ и человѣческимъ, общественнымъ и частнымъ, и вызывается учить этому другихъ. Но быть не можетъ, чтобы одинъ зналъ все. Итакъ, софисты не въ самомъ дѣлѣ знатоки всего, а только такъ о себѣ думаютъ, будто знаютъ все. Поэтому они имѣютъ мнимую мудрость во всемъ, а не дѣйствительное познаніе. Происхожденіе этой мнимой мудрости усматривается въ подражаніи. Какъ тотъ, кто вызывается однимъ искусствомъ производить всѣ изображенія вещей, своими приемами легко обманываетъ людей, съ дѣтства незнакомыхъ съ тѣми вещами, такъ есть и нѣкоторое искусство слова, которымъ могутъ быть обманываемы неблаго-разумные юноши, такъ что, слыша только выражаемая словомъ изображенія предметовъ, они почитаютъ эти изображенія дѣйствительными предметами, и того, кто говоритъ о нихъ, признаютъ человѣкомъ мудрѣйшимъ во всемъ. Изъ этого слѣдуетъ, что софиста надобно почитать какимъ-то чародѣемъ и подражателемъ (Платонъ «Софистъ» р. 232С—235А). Онъ пестрый и многоголовый звѣрь, удивительно изворотливо и замысловато ускользающій въ самыя недоступныя мѣста и ограждающій себя безчисленными загадками, такъ что его возможно изловить только при помощи самыхъ трудныхъ и отвлеченныхъ изслѣдованій. Онъ ловко умѣетъ обольщать слушателей призраками, умѣетъ все такъ представить, что подражаніе принимается за истину, что малое становится большимъ, легкое труднымъ и наоборотъ. При поискахъ за нимъ невозможно миновать діалектики и не встрѣтиться съ философомъ, но тогда какъ послѣдній, соприкасаясь мыслью въ свѣтлыхъ областяхъ бытія съ истинно сущимъ, трудно зримъ вслѣдствіе яркости свѣта, первый, съ своимъ искусствомъ производитъ призраки и кажущіяся подобія, постоянно укрывается въ темныя страны небытія и трудно распознаваемъ вслѣдствіе густоты мрака».

Аристотель софистомъ называетъ человѣка, наживающаго деньги призрачною мудростью (Aristot. Sophist. elench. I) и замѣчаетъ, что тогда какъ отношенія между людьми, занимающимися сообща философией, измѣряются не деньгами, но дружбою и сильною признательностью, софисты, вслѣдствіе несоотвѣтствія между обѣщаніями и испол-

неніемъ обѣщаній, вынуждены брать деньги съ учениковъ впередъ. Онъ раздѣляетъ взглядъ Платона, что софистика логически неотдѣлима отъ эристики, имѣетъ дѣло съ небытіемъ, близка къ философіи и соприкасается съ діалектикой; но Аристотель точно такъ же, какъ и Платонъ, отличаетъ софистику и отъ философіи, и отъ діалектики. Философія ставитъ цѣлью познаніе истины (*ἡ περὶ τῆς ἀληθείας θεωρία*), идетъ путемъ доказательствъ отъ однихъ неопровержимыхъ положеній къ другимъ; діалектика только пытается подойти къ истинѣ, она выставляетъ философскія апоріи и основываетъ свои силлогизмы не на безспорномъ, но на вѣроятномъ, на томъ, что кажется всеѣмъ людямъ или большинству людей, или же что принято людьми мудрыми; софистика либо выводитъ ложныя заключенія изъ вѣроятнаго, либо строитъ (правильныя или ложныя) силлогизмы на томъ, что только кажется вѣроятнымъ, но на самомъ дѣлѣ невѣроятно. Діалектика руководится правилами логики, софистика различными ухищреніями, основанными на скрытомъ отступленіи отъ правилъ логики. Впрочемъ, главная разница діалектики отъ софистики не въ приѣмахъ и средствахъ, а въ цѣляхъ (см. также *Arist. Rhetor.*) Діалектика имѣетъ цѣль въ себѣ самой: она нужна для того, чтобы пріобрѣсти навыкъ въ умозаключеніяхъ, опытность въ оцѣнкѣ мнѣній, способность къ изслѣдованію философскихъ истинъ: софистика преслѣдуетъ цѣль чисто внѣшнюю: она ради тщеславной наживы учитъ, какъ сбивать людей съ толку*).

Еще суровѣе отзываются о софистахъ государственные люди Аѳинъ. Платонъ сохранилъ намъ отзывъ двухъ политиковъ — консерватора Анита и радикала Калликла. Въ діалогѣ «Менонъ» Сократъ спрашиваетъ у Анита, къ кому, по его мнѣнію, послать Менона, который стремится къ политической мудрости и доблести.

«Не явно ли, говоритъ Сократъ, что надо послать его къ тѣмъ, которые вызываются быть учителями добродѣтели и, объявляя себя общими для каждаго изъ еллиновъ, желающаго учиться, назначаютъ за то плату и берутъ ее?» — Но кого же, Сократъ, спрашиваетъ Анитъ, считаешь ты такими учителями? — «Вѣроятно, знаешь и ты, что люди называютъ ихъ софистами» отвѣчаетъ Сократъ. — О Ираклъ, говори лучше, Сократъ (воскликаетъ Анитъ). Никто ни изъ сродниковъ, ни изъ домашнихъ, ни изъ друзей, ни изъ аѳинянъ, ни изъ иностран-

*) Гиляровъ. Греческіе софисты, ст. 31.

цевъ, не достигъ до такого безумія, чтобы пойти къ нимъ и развратиться. Вѣдь, они (софисты) — явная порча и язва своихъ близкихъ. — Сократъ спрашиваетъ, неужели онъ почитаетъ ихъ безумнымъ? «Они то не безумны, отвѣчаетъ Аниѣ: гораздо безумнѣе ихъ юноши, дающіе имъ деньги; а еще болѣе безумны родственники, ввѣряющіе имъ своихъ дѣтей; безумнѣе же всѣхъ города, позволяющіе имъ вступать въ свои предѣлы и не изгоняющіе — иностранца ли то, или аѳинянина, какъ скоро онъ рѣшается на такіе поступки» (Платонъ «Менонъ» (91 В—D, 92 В). Не меньшимъ презрѣніемъ дышитъ и отзывъ Калликла: «наставники эти (софисты), говоритъ Сократъ, называя себя учителями добродѣтели, часто жалуются на своихъ учениковъ, что они обижаютъ ихъ, — не платятъ имъ денегъ и вообще остаются необлагодарными за оказанныя имъ благодѣянія. Можетъ ли что-нибудь быть несообразнѣе этихъ рѣчей? Чтобы люди, сдѣлавшись добрыми и справедливыми, избавившись отъ несправедливости чрезъ своего учителя и стяжавъ справедливость, стали обижать тѣмъ, чего не имѣютъ? Не кажется ли тебѣ это безтолковымъ, другъ мой?» Но «стоитъ ли, отвѣчаетъ Калликлъ, упоминать о людяхъ ничтожныхъ?»

Такимъ образомъ мы видимъ, что слово софистъ въ началѣ ничего предосудительнаго не заключало, что Протагоръ, напр., очень охотно называлъ себя софистомъ. Но въ послѣдствіи тщеславіе, суетность, высокомеріе, притязаніе на всезнайство, самонадѣянность, шарлатанство и тому подобное сдѣлало имя софиста презрѣннымъ. Позднѣйшіе софисты не были разборчивы въ средствахъ къ достиженію цѣлей: имъ, напр., ничего не значило обратить истину въ ложь и ложь въ истину, придавъ лжи призракъ истины, превратить истинное краснорѣчіе въ наборъ громкихъ, блестящихъ, но пустыхъ фразъ безъ всякаго содержанія. Отъ того то о софистахъ мы не слышимъ ни одного сочувственнаго отзыва (въ древности) ни отъ теоретиковъ, ни отъ практиковъ: тѣ и другіе ставятъ на видъ недобросовѣстность, хвастливость, корыстолюбіе софистовъ и даже наименѣе неблагопріятными отзывами о софистахъ являются отзывы Платона и Аристотеля.

Что касается до повода къ спеціальной борьбѣ Платона съ софистами, то для мыслителя, созидавашаго цѣлую систему знанія, было естественно счестся съ воззрѣніями, выдававшими себя за конечный результатъ всего предшествовавшаго движенія; а кромѣ того, разсматривая отношенія Платона къ софистамъ, нельзя упускать изъ виду ихъ культурно-историческаго значенія. Они были сравнительно сознатель-

нѣйшими выразителями общаго направленія и духа времени. Субъективизмъ, господствовавшій въ высшихъ и образованныхъ слояхъ тогдашняго греческаго общества, стремленіе лицъ и партій доставить, во что бы то ни стало, побѣду своимъ интересамъ и мнѣніямъ, не задумываясь надъ какими бы то ни было принципами и идеалами, нашли въ софистическихъ теоріяхъ теоретическую опору и оправданіе. Если мы спросимъ себя, на чемъ основывался только что перевалившій за двадцать лѣтъ юноша Алквивіадъ, по природѣ, правда, талантливый, но пока заявившій себя въ общественной жизни только скандальнымъ поведеніемъ, серьезно собираясь стать первымъ человѣкомъ въ своемъ отечествѣ, то едва ли ошибемся, отвѣчая слѣдующимъ образомъ. «Серьезно собирался онъ, говоритъ проф. Козловъ*), на такое, по-видимому, трудное дѣло, потому что считалъ слова: истина, знаніе, добродѣтель, нравственное совершенство, право и т. п. пустыми звуками, которымъ только въ головахъ отсталыхъ рутинеровъ соотвѣтствуютъ какіе-то сложные объекты, будто бы съ великимъ трудомъ достигаемые. Онъ же, человѣкъ передовой, знаетъ истину безъ особаго труда, ибо всегда она въ его головѣ; что же касается его права, то оно заключается въ той силѣ, посредствомъ которой онъ надѣется забрать въ руки согражданъ, а именно это есть его знатность, богатство, красота, искусство, скандальная репутація и фразистая рѣчь, которой онъ научился у разныхъ софистовъ; а добродѣтель и есть та власть и сопряженные съ нею блага, которыя онъ пріобрѣтетъ, пустивъ въ ходъ свою «силу» (ст. 39).

Что же породило софистовъ и гдѣ кроются причины ихъ распространенія и вліянія въ эпоху современную и предшествовавшую Сократу? «Софистическое направленіе, говоритъ г. Гиляровъ, было завершеніемъ греческой культуры, софисты наиболѣе типичные его представителями.» Если припомнить, каковъ былъ нравственный обликъ аѳинской демократіи ко временамъ Сократа, то не трудно понять и значеніе софистовъ. Г. Гиляровъ развиваетъ ту мысль, что аѳинская исторія была исторіей возникновенія и развитія демократіи до охлократіи, что она также была исторіей перехода отъ стѣсненія къ свободѣ, отъ зависимости къ самостоятельности, отъ господства закона къ субъективизму. Субъективизмъ есть отрицаніе объективизма; но безъ закона невозможенъ никакой порядокъ и потому никакой государственный

*) Проф. А. А. Козловъ. Философскіе этюды, Ч. II. Кіевъ 1880.

строй; крайняя демократія, или охлократія заключаетъ въ себѣ поэтому противорѣчіе: она неизмѣнно кроетъ въ своихъ нѣдрахъ тираннію. Жизнь общественная въ ея подвижности и разнообразіи не поддается точнымъ разграниченіямъ; поэтому одинаково ошибочно было бы искать въ греческой исторіи какъ эпоху безусловнаго господства закона, такъ и эпоху безусловнаго произвола. Но если при опредѣленіи духа времени смотрѣть только на выдающіяся черты, то безошибочно можно сказать, что время до Перикла было временемъ законности, вѣкъ Перикла — вѣкомъ законнаго произвола, слѣдующій затѣмъ періодъ — расцвѣтомъ субъективизма. Политическая жизнь первой эпохи были проникнута взглядомъ, что законъ — царь всего *). Перикль управлялъ государствомъ по своей волѣ, но его воля (имѣвшая цѣлью благо государства) была закономъ для всѣхъ; послѣ Перикла жизнь общественная руководствовалась правиломъ, впервые ясно сформулированнымъ Протагоромъ, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей. Въ это время истиннымъ закономъ былъ всякій свободный человѣкъ, а государственный законъ сталъ въ глазахъ людей свободныхъ тиранномъ, принуждающимъ людей дѣлать то, что противно ихъ природѣ **).

Съ расцвѣтомъ драматической поэзіи, обусловленнымъ расцвѣтомъ всей вообще уметственной жизни и, въ свою очередь, его обусловливавшимъ, исторія греческаго субъективизма совершила полный кругъ. Субъективизмъ въ религіи, искусствѣ, музыкѣ и поэзіи, съ которымъ знакомить г. Гиляровъ путемъ многочисленныхъ цитатъ изъ Софокла, Эсхила, Еврипида, — субъективизмъ въ философіи былъ въ одно и то же время отраженіемъ и вдохновителемъ жизни политической. Музыкантъ, поэтъ, художникъ, риторъ, софистъ, чтобы имѣть успѣхъ, должны необходимо, какъ вѣрно замѣтилъ Платонъ, примѣняться къ воззрѣніямъ большинства. Поэтому совершенно нелѣпъ взглядъ, въ настоящее время лучшими представителями на половину оставленный, что Еврипидъ и Критія проводили безнравственныя и противорелигіозныя мысли потому, что были заражены софистическимъ ядомъ, первый отъ Протагора и Продика, второй — отъ Протагора и Горгіи. Несомнѣнно противоположное: если Протагоръ, Горгія и Продикъ могли распространять въ Аѣнахъ съ успѣхомъ безнравственныя воззрѣнія, то потому, что Еврипидъ и Критія могли проводить со сцены взгляды, которые далеко не

*) У Pind. Νόμος ὁ πάντων βασιλεὺς θνατῶν τε καὶ ἀθανάτων.

**) Такъ называлъ законъ Гиппіявъ діалогѣ „Протагоръ“: „а законъ — тиранъ человѣковъ, онъ часто насилуетъ природу“ 337 D.

могли назваться нравственными. Если же нужно рѣшить вопросъ о томъ, кто наиболѣе способствовалъ развитію и укрѣпленію субъективизма въ народной массѣ, софисты или драматическіе поэты, то мы несомнѣнно должны признать преимущество за послѣдними, не только потому, что драматическіе поэты излагали свои воззрѣнія предъ десятками тысячъ, тогда какъ софистовъ слушали сравнительно лишь немногіе, но, главнымъ образомъ, потому, что поэты, по справедливому замѣчанію Сократа, творять то, что творять, не мудростью, но природнымъ вдохновеніемъ*).

Ходъ греческой философіи, подобно исторіи остальной духовной греческой жизни, соотвѣтствовалъ теченію жизни политической. Какъ въ греческой политической жизни до V вѣка основной чертой былъ объективизмъ, такъ и философія до V вѣка слѣдовала направленію объективному; но какъ съ V вѣка въ гражданской жизни объективизмъ смѣняется субъективизмомъ, такъ точно произошло и въ философіи. Софисты отреклись отъ всего объективнаго. Они отрицали объективность истины, т. е. говорили, что нѣтъ такой мысли, такого сужденія, которое было бы истинно само по себѣ, и, слѣдовательно, нѣтъ всеобщей истины. Аналогія между субъективизмомъ гражданскимъ очевидна: какъ для того, такъ и для другого, мѣра и средоточіе всего — личность.

Кн. С. Трубецкой въ своей «Метафизикѣ древней Греціи» считаетъ даже направленіе, представляемое софистами, всего менѣе философскимъ умозрительнымъ ученіемъ: это скорѣе антифилософское движеніе. Если мы признаемъ философію и метафизику, то вмѣстѣ съ Платономъ должны произнести софистамъ довольно суровый приговоръ. Если же мы, вмѣстѣ съ разными англійскими писателями, отвергнемъ возможность метафизики и, въ сущности, самой философіи, то мы должны признать основные тезисы софистическаго ученія: абсолютный скептицизмъ въ области теоретической, утилитаризмъ въ области нравственной, отрицаніе всякаго абсолюта или, во всякомъ случаѣ, отрицаніе его познаваемости.

Антифилософскія положенія софистики крайне просты и немногосложны: «Все относительно, все условно: мѣра всему — человѣкъ, его мнѣнія и его произволь. Истины нѣтъ, она не можетъ быть извѣстна: есть только мнимая видимость. Знанія также нѣтъ: есть только мнѣнія, болѣе или менѣе убѣдительныя. Учитъ значить — убѣждать.

*) Гиляровъ. Греч. софисты ст. 94—97.

И такъ какъ нѣтъ объективной истины, такъ какъ есть только видимость, человѣкъ же есть мѣра всѣхъ вещей и всякаго мнѣнія, то можно убѣждать всѣхъ во всемъ. И нѣтъ на землѣ искусствъ выше, чѣмъ искусство убѣждать. Слово есть главное средство, чрезъ которое убѣжденія или мнѣнія сообщаются человѣку; въ словахъ мыслить человѣкъ и словами онъ убѣждается. Высшее изъ искусствъ есть искусство слова и оно же есть мудрѣйшая изъ наукъ. Это не логика, не искусство мысли, это риторика, искусство рѣчи». Не безъ глубокаго основанія поэтому, но и не безъ горькой ироніи, говоритъ Платонъ, что софисты — люди царственные, что науку о счастливой жизни слѣдуетъ искать въ искусствѣ составлять рѣчи или гдѣ-нибудь около. Это искусство, прибавляетъ онъ, часть искусства чарователей и не во многомъ уступаетъ ему. Чарователи заговариваютъ змѣй, пауковъ, скорпіоновъ и другихъ звѣрей, или же болѣзни, а составители рѣчей заговариваютъ и укрощаютъ судей, законодателей и пр. При высокому умственному развитіи аѳинянъ, при ихъ широкомъ знакомствѣ, чрезъ театр, съ лучшими образцами поэтической риторики, а чрезъ народное собраніе, совѣтъ и судей, съ лучшими образцами риторики законодательной и судебной, обоятельно дѣйствовать могла лишь особенно выдающаяся рѣчь. Краснорѣчіе второй половины V вѣка было поэтому неутомимо въ изысканіи средствъ производить сильное впечатлѣніе. «Искусство слова, о которомъ говоритъ Горгія у Платона, есть наивысшее благо, которому люди обязаны своей свободой, а равнымъ образомъ и тою властью, которой каждый изъ насъ обладаетъ въ своемъ городѣ. Оно заключается въ томъ, чтобы убѣждать судей въ судилищахъ, сенаторовъ въ сенатѣ, народъ въ народномъ собраніи — словомъ, во всякомъ политическомъ сборищѣ. Этимъ искусствомъ мы можемъ поработить всякую силу, взять верхъ надъ всякимъ человѣкомъ, какими бы дарованіями и знаніями онъ ни обладалъ, и никакое богатство не противостанетъ ему. И окажется, что богачъ обогатился не для себя, но для того, кто умѣетъ убѣждать толпу». Софисты, ораторы не заботятся объ истинѣ, сомнѣваясь въ самомъ ея существованіи; они убѣждаютъ въ чемъ хотятъ, и въ этомъ то Горгія и его ученики видятъ превосходство риторики. Какъ училъ Протагоръ, она есть искусство дѣлать слабое сильнымъ, правду кривдой и кривду правдой. Но одного искусства произносить рѣчи для счастливой жизни въ Аѳинахъ было недостаточно: въ такой же и даже въ большей мѣрѣ необходимо было умѣнье вести споры. Постоянной школою діалектической ловкости былъ

въ Аѳинахъ театръ и судъ; поэтому, до известной степени, могъ ее приобрести собственными средствами всякій аѳинянинъ. Но тѣ, которые желали быть въ ней особенно сильными, должны были обращаться къ ея специальнымъ преподавателямъ. Хотя приемы эристики были обстоятельно разработаны лишь младшими софистами, а окончательно сформулированы только Аристотелемъ (и отчасти Платономъ въ діалогѣ «Евѳидимъ»), тѣмъ не менѣе и всѣ старшіе софисты, на ряду съ искусствомъ произносить длинныя рѣчи, учили также предлагать вопросы и давать отвѣты. Связь эристики съ судебнымъ искусствомъ ставитъ на видъ Платонъ, изображая представителей эристики, Евѳидима и Діонисидора, непобѣдимыми на судѣ борцами и заявляя, что софистамъ никто не сталъ бы давать денегъ, еслибы они не учили препираться о томъ, что справедливо и несправедливо, законно и незаконно; она же подтверждается и тѣми свѣдѣніями, которыя мы имѣемъ о первомъ судебномъ руководствѣ Коракса. Особенно ясно выступаетъ этотъ ихъ характеръ изъ преданія о возникшей между Коракомъ и Тизіемъ тяжбы, которую тотъ и другой вели согласно правиламъ ими же составленнаго руководства. Тизій, научившись отъ Коракса риторическому искусству, самъ выступилъ учителемъ риторики и, полагаясь на свою ловкость вести судебныя дѣла, не пожелалъ заплатить своему учителю условленнаго вознагражденія. Коракъ потребовалъ Тизія къ суду. «Скажи мнѣ, Коракъ, обратился Тизій къ своему бывшему наставнику, учителемъ чего я объявляю себя?» «Искусства убѣждать кого угодно» отвѣчалъ Коракъ. «Но если ты выучилъ меня этому искусству, то вотъ я тебя убѣждаю ничего съ меня не брать; если же ты меня не выучилъ убѣждать, то и въ этомъ случаѣ я тебѣ ничего не долженъ, такъ какъ ты не научилъ меня тому, чему обѣщаль». На это Коракъ возразилъ: «Если научившись отъ меня искусству убѣждать, ты убѣждаешь меня съ тебя ничего не брать, то ты долженъ мнѣ отдать вознагражденіе, такъ какъ ты умѣешь убѣждать; если же ты меня не убѣждаешь, то ты опять такъ долженъ заплатить мнѣ деньги, такъ какъ я тобою не убѣжденъ не брать съ тебя денегъ». Судьи вмѣсто приговора сказали: «У плохого ворона плохія и яйца. Какъ воронята готовы пожрать своихъ родителей, точно также и вы здѣсь пожираете другъ друга*»). Изъ «дурныхъ яицъ» Коракса вышелъ не одинъ только Тизій. Кораково руководство было широко распространено въ Греціи.

*) См. Cic. De Orat. III с. 21, 81. ц. Гилляр.

На немъ были воспитаны Горгія, Эразимахъ, риторы Теодоръ и Антифонть.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ «свободныя профессіи», софисты всегда были и будутъ; «не мудрено поэтому, говоритъ кн. С. Трубецкой, что направленіе и міросозерцаніе греческихъ софистовъ находятъ себѣ защитниковъ и донинѣ, потому что никогда самый принципъ софистики не былъ высказанъ такъ ярко и откровенно, какъ въ Греціи. Антифилософскій субъективизмъ софистовъ, подчасъ совершенно нигилистической, встрѣчаетъ сочувствіе особенно теперь, когда Европа переживаетъ критическій періодъ, который въ большихъ размѣрахъ напоминаетъ намъ Грецію, въ эпоху Пелопоннеской войны».

Софистика есть не только продуктъ разложенія древнѣйшей философіи, но стоитъ въ несомнѣнной связи съ разрушеніемъ древняго быта, вѣрованій и традицій. Она есть сложное и самобытное культурное явленіе, и когда мы видимъ, какъ субъективизмъ проникаетъ постепенно во все сферы греческой жизни, мы не можемъ разсматривать его какъ простое послѣдствіе проповѣди софистовъ. Наоборотъ, какъ показалъ Платонъ, самая софистика въ своемъ корнѣ обусловливается этимъ началомъ, являясь лишь однимъ изъ его обнаруженій.

Наиболѣе извѣстными въ древности софистами были: Протагоръ изъ Абдеры, Горгія изъ Леонтинъ, Гиппія изъ Илиды, Эразимахъ изъ Халкидона, Продикъ изъ Илиды, Поль изъ Агригента, Эвевидимъ и Діонисіодоръ изъ Хиоса, Антифонть изъ Аѳинъ, Алкидаманть изъ Елеи, Евень изъ Пароса и Ликофронть.

Основателемъ софистики, въ смыслѣ особаго ученія, признается Протагоръ (род. около 480 г. до Р. Х., ум. 410), ибо онъ первый выразилъ общій верховный принципъ всей софистики: «человѣкъ есть мѣра всехъ вещей: существующихъ, какъ существуютъ, не существующихъ, какъ ихъ нѣтъ»^{*)}. Все есть то, что оно есть, только относительно сознанія индивида, основаннаго на его чувственномъ воспріятіи, ощущеніи, или все есть то, что оно есть, не само по себѣ и для себя, а для другого, именно для человѣка, какъ индивида. Такимъ образомъ, прежній непосредственный, объективный антропоморфизмъ, бывшій основою древняго міросозерцанія, впервые превращается въ сознательный, субъективный и скептический. Не слѣпая природа, не

^{*)} Φησὶ γάρ ποῦ (Πρωταγόρας) πάντων χρημάτων μέτρον ἄνθρωπον εἶναι, τῶν μὲν ὄντων, ὡς ἐστὶ, τῶν δὲ μὴ ὄντων, ὡς οὐκ ἔστιν. Plato Theaet. 152, A.

боги суть мѣра всѣхъ вещей, но человѣкъ, его эмпирическая, чувственная индивидуальность, которой обусловлено все, что является, все, что кажется существующимъ. Ибо, если нѣтъ ничего объективно сущаго, то есть только то, что является человѣку, что кажется ему (*ἡ δοκεῖ τι*), а такъ какъ людей много и состоянія ихъ органовъ различны, то каждому вещи являются иначе, для каждаго онѣ иначе существуютъ. Каковъ человѣкъ, таковы и вещи; каково ощущеніе, таково и ощущаемое. Нѣтъ ни истины, ни лжи — и все подлежитъ противоположнымъ утвержденіямъ (Ar. Met. IV, 5, 1003).

Поэтому у софистовъ не могло быть и рѣчи ни о достовѣрности истины существованія или несуществованія чего-либо и какого-либо явленія, факта, ни объ истинномъ или ложномъ человѣческомъ пониманіи его; оставалось только развѣ такое воззрѣніе на все, что все въ то же время и истинно, и ложно, и что поэтому ничто не можетъ быть разсматриваемо ни какъ безусловно и безотносительно (абсолютно) истинное, ни какъ абсолютно ложное. Такое воззрѣніе ихъ распространялось ими и на нравственность вообще, мѣриломъ которой было также индивидуальное предствленіе, мнѣніе единичнаго, эмпирически даннаго человѣка въ данный моментъ; что ему въ данный моментъ кажется нравственно добрымъ или нравственно дурнымъ, то и есть таковое, но только для него и только въ тотъ моментъ, такъ что нѣтъ, по ихъ ученію, такихъ нравственныхъ понятій и правилъ и, между прочимъ, правопонятій, которыя имѣли бы всеобщность и необходимость; слѣдовательно, въ этомъ отношеніи все есть моментальный продуктъ своеволія и произвола единичнаго человѣка*).

Горгія, какъ полагаютъ, родился около 415 г. до Р. X. и прожилъ около ста лѣтъ. Въ своемъ трактатѣ *περὶ τοῦ μὴ ὄντος ἢ περὶ φύσεως*, онъ не только отрицаетъ вмѣстѣ съ Зенономъ движеніе и пространство, но даже разрушаетъ самое бытіе. Не существуетъ ничего, говоритъ онъ, ибо, еслибы было какое нибудь существо, оно могло бы быть только вѣчнымъ, какъ это доказалъ Парменидъ, а вѣчное бытіе безконечно. Но безконечнаго бытія нѣтъ ни въ пространствѣ, ни во времени, которыя его, въ свою очередь, ограничивали бы. Его, слѣдовательно, нѣтъ нигдѣ, а то, чего нигдѣ нѣтъ, и не существуетъ. Еслибы даже, что невозможно, и существовало что-нибудь, мы не могли бы

*) Проф. П. Г. Рѣдкинъ. Изъ лекцій по исторіи философіи права и пр. Т. 2-й, стр. 374—375.

его знать; но допустимъ, что мы бы могли его знать; въ такомъ случаѣ никакимъ образомъ нельзя бы его выразить. Такимъ образомъ и ученіемъ Протагора и Горгіи равно отрицается объективно сущее и, слѣдовательно, объективная истина. «Когда философъ найдетъ, говоритъ проф. Рѣдгинъ (ib. ст. 329), какъ и находилъ каждый изъ греческихъ натуръ-философовъ, — что поставленный его предшественникомъ абсолюто не удовлетворяетъ требованіямъ абсолюта, а, слѣдовательно, не есть абсолютъ, то каждый изъ этихъ натурфилософовъ старается замѣнить своимъ абсолютомъ чужой абсолютъ. Но явились софисты и отвергли все эти абсолюты натурфилософовъ. Правда, Протагоръ поставилъ еще на ихъ мѣсто опять свой абсолютъ — именно умъ чело-вѣка — индивида съ его сознаниемъ, мыслью, какъ мнѣніемъ, представленіемъ. Но тутъ уже онъ впалъ въ самопротиворѣчіе: вѣдь, абсолютъ есть нѣчто пребывающее, неизмѣнное, а сознание, мнѣніе, представленіе индивида, какъ онъ самъ допускалъ, измѣняется безпрестанно и непрерывно. А если такъ, то изъ этого неминуемо слѣдовало, что вообще нѣтъ абсолюта. Но абсолютъ есть сущее; слѣдовательно, нѣтъ вообще сущаго; но сущее есть истинное; слѣдовательно, нѣтъ вообще истины. Но если нѣтъ вообще сущаго, истины, то вообще нѣтъ ничего — nihil est». Это и выразилъ Горгія въ своихъ положеніяхъ, отчего и можетъ быть названъ чистокровнымъ нигилистомъ, родоначальникомъ всехъ послѣдующихъ нигилистовъ.

Современникомъ Протагора былъ Продикъ (родомъ изъ Хіуса, но училъ въ Аѣнахъ). Онъ училъ преимущественно морали, отчего и можетъ быть названъ софистомъ-моралистомъ; свои уроки морали онъ обыкновенно облекалъ въ особый мнѣо-аллегорическій покровъ. Въ своихъ рѣчахъ Продикъ въ общедоступной формѣ проводилъ основное положеніе софистовъ въ области морали, представляя конечную цѣль дѣятельности чело-вѣка-индивида его индивидуальное благо, счастье. И такъ какъ и Сократа ученіе было главнымъ образомъ этическое, то въ этомъ отношеніи можно найти сходство между Продикомъ и Сократомъ: послѣдній, не безъ ироніи, называлъ себя иногда ученикомъ Продика. Но, вематриваясь ближе, мы находимъ, что между тѣмъ и другимъ лежитъ глубокая пропасть: Сократъ на первомъ планѣ всегда имѣлъ истину и старался учить чистой нравственности, а Продиковы рѣчи были, собственно, только образчиками краснорѣчія, посредствомъ которыхъ онъ училъ формальной риторикѣ. Уча краснорѣчію, Продикъ обращалъ поэтому особенное вниманіе на слова и

выраженія, стараясь преимущественно различать синонимы, которые обыкновенно считались однозначными словами, между тѣмъ какъ въ нихъ скрывается существенное различіе въ значеніи, да и вообще Продикъ училъ правильному употребленію словъ, хотя при этомъ часто вдавался въ крайности, надъ которыми подшучивалъ Сократъ въ разговорахъ Платона, ибо, хотя и Сократъ обращалъ вниманіе на различный смыслъ словъ, но для Сократа такое различіе словъ было необходимо для діалектической выработки реальныхъ понятій, а Продику лишь для его формальной риторики.

Гиппія (родомъ изъ Илиды) выдавалъ себя за всезнающаго, всеумбющаго и во всемъ искуснаго; и въ самомъ дѣлѣ, онъ имѣлъ много разнообразныхъ свѣдѣній по многимъ спеціальнымъ предметамъ, которые были тогда изучаемы, особенно много математическихъ, астрономическихъ, физическихъ свѣдѣній, отличался также умѣніемъ говорить обо всемъ безъ запинки, сочинялъ стихотворенія и рѣчи на всевозможные случаи. Оттого его и называютъ софистомъ-полигисторомъ въ смыслѣ поверхностнаго многознайки, ибо знаніе его не было истиннымъ, научнымъ знаніемъ, какъ показалъ Платонъ устами Сократа въ своемъ діалогѣ «Гиппія большой»; онъ не возвышался, какъ Сократъ, до вѣрнаго пониманія сущности вещей, до понятій; онъ не проникалъ въ глубь предмета, сущность его, а скользилъ только по поверхности. Разъѣзжая по всей Греціи, Гиппія повсюду училъ народъ всеъмъ возможнымъ премудростямъ и добродѣтелямъ, но особенно хвалился умѣньемъ учить юношей нравственности; но нравственность онъ понималъ весьма поверхностно, ибо онъ и не искалъ вообще истины, а только призрака истины и, преимущественно, поверхностнаго многознайства, чтобы снискать себѣ извѣстность, а чрезъ это, какъ можно больше, разбогатѣть.

За четырьмя разобранными нами старѣйшими софистами слѣдовали позднѣйшіе, изъ которыхъ замѣчательны Θразимахъ, Полъ, Калликъ, Алкидамъ, Критія, Эввидимъ и Діонисіодоръ.

Θразимахъ (изъ Халкидона) училъ, что праведное и справедливое есть не что иное, какъ выгодное, полезное для индивида, имбющаго власть, силу въ государствѣ; если люди порицаютъ неправеднаго, то не потому, что сами стыдятся дѣлать неправедное и порицаютъ самую неправду, но потому, что боятся терпѣть неправду отъ другихъ. И такъ, Θразимахъ не только вовсе отвергаетъ существованіе всякой правды и справедливости, отрицая выраженіе ея какъ въ положитель-

ныхъ законахъ вообще, такъ и въ законѣ природы, но даже превращаетъ все положительныя законы въ продуктъ произвола индивида. Согласно съ такимъ ученіемъ своимъ, Фразимаху, какъ ритору, вовсе не было дѣла до исканія истины: онъ только искалъ минутнаго одобренія толпы. И нравственный характеръ его соотвѣтствовалъ теоретическимъ воззрѣніямъ: онъ отличался корыстолюбіемъ, безстыдствомъ и наглостью. Постановленіе выгоды, пользы, какъ принципа права и всей нравственности, и опредѣленіе правопонятія, что праведное и справедливое есть нѣчто выгодное, полезное, были здѣсь выражены впервые и притомъ въ самой грубой формѣ. Впослѣдствіи этотъ принципъ былъ нѣсколько иначе формулированъ и скрашенъ.

Полъ (изъ Агригента) уже подробнѣе развивалъ положеніе, что индивидуальная выгода есть мѣрило всякаго блага, добра; того чловѣка почиталъ счастливѣйшимъ въ государствѣ, кто обладаетъ безпредѣльною властью надъ гражданами, хотя бы онъ достигъ такой власти и самыми дурными средствами. Такъ, онъ считалъ вполне счастливымъ персидскаго царя, подданные котораго суть не болѣе, какъ рабы его, а онъ самъ единственный господинъ этихъ рабовъ (Рѣдкинъ ст. 345).

Калликлъ вполне уже развиваетъ теоретическія положенія Фразимаха и Пола. Онъ говорилъ, что поступать по правиламъ нравственности есть устарѣвшій предразсудокъ, отъ котораго слѣдуетъ освободиться, чтобы быть совершенно независимымъ, потому что природа и законы между собою часто противоположны; природное, естественное право выражается единственно въ правѣ сильнѣйшаго, и взрослому чловѣку смѣшно и стыдно заниматься философіей.

Ученики Протагора — родные братья Діонисіодоръ и Эвѣдимъ происходили изъ Хиоса. О жизни и занятіяхъ ихъ извѣстно изъ многихъ источниковъ, особенно изъ остроумнаго діалога Платона «Эвѣдимъ». Изъ Хиоса они переселились въ Туріосъ, а потомъ пришли въ Атику и проживали то въ Афинахъ, то въ другихъ городахъ ея. Въ Атикѣ они сперва преподавали гимнастику, искусство фехтованья, но, вѣроятно, замѣтивъ, что это занятіе представляло мало пищи ихъ тщеславію и корыстолюбію, рѣшились уже въ старости объявить себя наставниками въ мудрости и добродѣтели, которая, по смыслу тогдашняго общества, состояла въ умѣнни вести ученныя пренія и прилагать ихъ къ политикѣ. На это поприще Эвѣдимъ и Діонисіодоръ вступили съ такимъ мужествомъ, что смѣло рѣшались доказывать вся-

кую ложь и, несмотря на то, что у нихъ было уже не мало сѣдыхъ волосъ, съ дѣтскимъ легкомысліемъ занимали встрѣчнаго и поперечнаго своими софизмами. Они не находили столь явной нелѣпости, которой, посредствомъ хитросплетенныхъ силлогизмовъ, нельзя было бы представить въ видѣ истины, и такой аксіомы, которой, чрезъ діалектическія тонкости, не возможно было бы подрывать и опровергнуть. Эвѣдимъ взялъ себѣ за основаніе: *πάσι πάντα ὁμοίως εἶναι ἄρα καὶ ἀεὶ* — все для всѣхъ вмѣстѣ и всегда одинаково. Доказывая и опровергая на этомъ основаніи каждое положеніе, онъ и брать его вскорѣ приобрѣли значительность даже между сверстниками. Они полагали высшее торжество свое въ томъ, чтобы ослѣплять и озадачивать необразованную толпу и неопытныхъ юношей дерзкими, противорѣчащими здравому смыслу выходками, или же чтобы дразнить ихъ запутанными софизмами и загадочными вопросами, основанными на двусмыслии словъ и на невѣрныхъ понятіяхъ и представленіяхъ, доводя такую постыдную игру иногда даже до площадной пошлости. Такъ, напр., когда одинъ изъ собесѣдниковъ (въ діалогѣ Платона «Эвѣдимъ») назвалъ софистовъ лжецами, Эвѣдимъ доказывалъ, что лгать невозможно: лгать — говорилъ онъ — значитъ выражать несущее, но никто не можетъ выразить несущаго; слѣдовательно, то, что говорится лжецомъ, есть также сущее; сущее же есть истинное; слѣдовательно, и лжець говоритъ истину; но если онъ говоритъ истину, то онъ не лжець; — итакъ, лгать невозможно. Это ужъ чисто софистическая эридика. Эта эридика, отрицая всякую логику, всякую діалектику и будучи чисто формальною, отрицала и всякое содержаніе, какъ этическое, такъ и физическое, а съ тѣмъ вмѣстѣ отрицала и знаніе, и науку, и философію вообще. Такъ, Эвѣдимъ и Діонисіодоръ доказывали, что въ стремленіи къ знанію нѣтъ надобности, ибо, если кто что-либо знаетъ, то онъ есть знающій и, слѣдовательно, все знаетъ; а такъ какъ всѣ люди что-либо знаютъ, то они знающіе и, слѣдовательно, все знаютъ; а если люди все знаютъ, то, значитъ, нѣтъ надобности стремиться къ знанію, нѣтъ надобности въ наукѣ, въ философіи. Такимъ образомъ софистика дошла, наконецъ, до отрицанія самой себя, до самоуничтоженія. Дальше идти было некуда.

Постараемся теперь подвести итоги всему сказанному. «Старѣйшіе софисты, говоритъ проф. П. Г. Рѣдкинъ (Т. 2, стр. 357—358), учили и многому такому, что, въ самомъ дѣлѣ, можно признать хорошимъ. Такъ, нравственно благое, доброе считали они за прекрасное; только удовольствіе, наслажденіе, находимое въ такомъ прекрас-

номъ, признавали они добромъ, благомъ. Но всѣ подобныя этическія ученія старѣйшихъ софистовъ были непослѣдовательны, не согласовались съ ихъ общими принципами. Такъ не могло долго оставаться. Нужно было вывести послѣдовательно изъ этихъ принциповъ и самое содержаніе этического ученія. Какъ скоро эти выводы были сдѣланы послѣдующими софистами, какъ скоро самое ученіе о нравственности было приведено ими въ связь съ основными началами ихъ ученія, то это дальнѣйшее развитіе неминуемо должно было привести окончательно къ отрицанію всякой нравственности вообще, всякой морали, правды и справедливости. Для нихъ былъ возможенъ только одинъ отвѣтъ: если нѣтъ всеобщей для всѣхъ истины, то не можетъ быть всеобщаго, дѣйствующаго для всѣхъ, нравственнаго, этического закона; если каждый человѣкъ есть мѣра всего въ своемъ познаниі, то онъ же долженъ быть мѣрою и всей своей дѣятельности; словомъ, если для каждаго индивида истинно только то, что ему кажется истиннымъ, то для каждаго должно быть нравственно добрымъ, праведнымъ и справедливымъ тó, что ему кажется таковымъ. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что всякій индивидъ имѣетъ естественное право слѣдовать своимъ собственнымъ индивидуальнымъ влеченіямъ, побужденіямъ, мыслямъ, желаніямъ, своей собственной индивидуальной волѣ, своему произволенію и своеволію. Если же кому поставляется въ томъ препятствіе со стороны общественныхъ нравовъ, обычаевъ и государственныхъ законовъ, то это препятствіе есть нарушеніе его естественнаго права, есть принужденіе, насиліе, которому никто не обязанъ уступать, если онъ можетъ избѣжать или преодолѣть».

Благодаря дѣятельности софистовъ, вся философія разлагается на отрывочныя мнѣнія безъ всякой органической связи — это ужъ не догматы, не истины, но просто извѣстныя положенія, обладающія большею или меньшею вѣроятностью. При такихъ условіяхъ развивается эклектизмъ и мало по малу все просвѣщеніе получаетъ характеръ эклектической. Софисты были главными проводниками эклектического образованія. Преподавать философію во время софистовъ значило преподавать мнѣнія, частью метафизическія, частью нравственныя. И такъ какъ подобныхъ мнѣній было очень много относительно каждой вещи, то софисты, естественно, противорѣчили другъ другу, хотя всѣ имѣли свои основанія. При такихъ условіяхъ образованность, а еще болѣе ученость имѣла своеобразныя послѣдствія: большая ученость доводила софиста Гиппію до того, что онъ противорѣчилъ себѣ относительно всякой данной вещи. Протагоръ, основатель и глава софи-

стиги, возвелъ такое противорѣчіе въ принципъ и утверждалъ, что относительно всякой вещи могутъ быть высказаны два діаметрально противоположныя мнѣнія.

И такъ какъ отъ прежней философіи, говоритъ кн. С. Трубецкой, остались лишь мнѣнія и различные діалектическіе приемы, то риторика, естественно, выдвинулась на первый планъ: если все есть мнѣніе, то не можетъ быть искусства выше, чѣмъ искусство измѣнять мнѣніе людей, и производить въ нихъ по произволу мнѣнія — добрыя и недобрыя, пріятныя и непріятныя. Философія такимъ образомъ получаетъ практическій интересъ: за упраздненіемъ всего ея положительнаго содержанія, отъ нея остается лишь форма — мысль и слово, которыя человѣкъ властенъ употреблять по произволу для своихъ личныхъ, субъективныхъ цѣлей. И софисты обучали этому искусству мысли и слова (*φρονεῖν τε καὶ λέγειν*), причемъ всѣ остальные искусства и науки имѣли въ глазахъ ихъ служебное, воспитательное значеніе. Въ этомъ практическомъ субъективизмѣ вся сущность софистики.

Съ метафизической точки зрѣнія единственная возможность опровергнуть всѣ ложные выводы софистовъ — это различить существенную и несущественную натуру въ человѣкѣ, или, другими словами, натуру, общую ему со всѣми разумными существами, и натуру особенную, или натуру его, какъ особеннаго разумнаго существа, съ его чувственностью. Если мы сдѣлаемъ это различіе, то истина, а также добродѣтель или нравственность будутъ спасены; онѣ будутъ тверды, непоколебимы, ибо, что истинно и что добро для всякаго разумнаго существа, то и есть абсолютно истинное, и, слѣдовательно, то есть сущее, пребывающее, неизмѣнное благо.

Софисты не сдѣлали такого различія между существеннымъ и несущественнымъ въ натурѣ человѣка, даже вообще не признавали въ людяхъ ничего общаго имъ, какъ существамъ разумнымъ. Они обратили вниманіе только на несущественную, особенную, измѣнчивую, преходящую, чувственную натуру человѣка. Отсюда ясно, какъ неудовлетворителенъ, съ метафизической точки зрѣнія, ихъ верховный принципъ, отсюда уже и понятны и всѣ тѣ ложные выводы, которые изъ него вытекали.

Древняя философія пала, и если ей суждено было ожить, то въ новой формѣ, на новой почвѣ и съ новой силой. Такое возрожденіе было дѣломъ Сократа. Онъ осудилъ софистику во имя философіи, во имя высшей истины.

Необходимость реформы въ первоначальномъ обученіи греческому языку.

Э. Фехнеръ, Тифлисъ.

Такъ озаглавлена замѣчательная статья опытнаго педагога и извѣстнаго ученаго Эрнеста Коха, помѣщенная въ *N. Jahrbücher f. Phil. u. Paed.*, № 8 и 9 истекшаго 1892 года. Вопросъ о перемѣнѣ системы первоначальнаго обученія греческому, а также и латинскому языку въ послѣднее время сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ обсужденія среди педагоговъ-специалистовъ, не только за границей, но и у насъ, въ Россіи. Находятъ, и притомъ совершенно справедливо, что результаты, достигаемые при теперешней методѣ, далеко не соотвѣтствуютъ продолжительности обученія, и поэтому на обязанности специалистовъ лежитъ отыскать причину этого явленія и подумать о мѣрахъ къ улучшенію успѣховъ.

Извѣстный знатокъ классической древности Шлиманъ причину этой малоуспѣшности усматривалъ въ томъ, что учениковъ въ теченіи всего гимназическаго курса держать на заучиваніи грамматическихъ правилъ и сами древніе авторы заучиваются только съ тою цѣлью, чтобы выводить изъ нихъ новыя грамматическія правила или находить въ нихъ подтвержденіе старыхъ правилъ. Самъ онъ изучилъ языкъ совершенно другимъ способомъ. «Въ январѣ 1856 года, рассказываетъ онъ самъ въ своей біографіи, когда мнѣ было уже 34 года, я принялся за изученіе греческаго языка. Первымъ моимъ учителемъ былъ Николай Паппадакосъ, вторымъ — Θεоклитъ Вимпочъ, оба изъ Аѳинъ. И въ этомъ случаѣ я въ точности придерживался моей прежней методы; чтобы въ короткое время усвоить необходимый запасъ словъ, я приобрѣлъ новогреческій переводъ «Поля и Виргиніи» и сталъ читать его, внимательно сравнивая каждое слово съ соотвѣтствующимъ словомъ французскаго оригинала; послѣ перваго

прочтенія я уже зналъ на память, по крайней мѣрѣ, половину встрѣтившихся въ книгѣ словъ; прочитавъ книгу еще разъ такимъ же способомъ, я усвоилъ почти все слова, не потративъ при этомъ ни одной минуты на отыскиваніе ихъ въ словарь. Такимъ образомъ, мнѣ удалось въ теченіи шести недѣль одолѣть трудности новогреческаго языка. Тогда я принялся за изученіе древнегреческаго языка, и въ три мѣсяца пріобрѣлъ въ немъ познанія, достаточныя для пониманія нѣкоторыхъ древнихъ авторовъ и въ особенности Гомера, котораго я съ величайшимъ воодушевленіемъ перечитывалъ нѣсколько разъ. Затѣмъ, я въ теченіи двухъ лѣтъ занимался исключительно древнегреческой литературой, причемъ въ продолженіе этого времени прочиталъ всехъ древнихъ классиковъ курсорно, а Илиаду и Одиссею по нѣскольку разъ. Изъ греческой грамматики я заучилъ только склоненія и правильные и неправильные глаголы; на изученіе же грамматическихъ правилъ я не сталъ тратить ни одной минуты моего драгоценнаго времени; такъ какъ я видѣлъ, что все эти мальчики, которыхъ въ гимназіяхъ по восьми и болѣе лѣтъ терзаютъ и мучаютъ скучными грамматическими правилами, по окончаніи курса не въ состояніи даже написать греческое письмо безъ сотни грубѣйшихъ ошибокъ, то я долженъ былъ притти къ убѣжденію, что въ школахъ господствуетъ совершенно ложная метода. По моему мнѣнію, вполне основательное знаніе греческой грамматики можетъ быть пріобрѣтено только практикой, т. е. внимательнымъ чтеніемъ классической прозы и заучиваніемъ на память образцовыхъ отрывковъ изъ нея. Слѣдуя этому, въ высшей степени простому методу, я изучилъ древнегреческій языкъ, какъ живой языкъ, и поэтому пишу на немъ совершенно гладко и безъ всякаго затрудненія бесѣдую на немъ о какомъ угодно предметѣ, никогда не забывая языка. Со всеми правилами грамматики я знакомъ въ совершенствѣ, хотя и не знаю, прописаны ли они въ грамматикахъ, или нѣтъ. Но еслибы кто нибудь сталъ отыскивать ошибки въ моихъ греческихъ сочиненіяхъ, то такому критику я всегда могу доказать вѣрность употребленнаго мною выраженія тѣмъ, что приведу ему на память тѣ мѣста изъ классиковъ, гдѣ эти выраженія встрѣчаются.»

Вотъ какимъ образомъ Шлиманъ пріобрѣлъ столь глубокое знаніе греческаго языка. Увлекаясь своей методой, онъ убѣдительно рекомендуетъ принять ее и въ школахъ, т. е. сначала учить мальчиковъ новогреческому языку, поручая это дѣло природнымъ грекамъ; когда мальчики свободно овладѣютъ современнымъ греческимъ языкомъ какъ устно, такъ и на

письмѣ, — что Шлиманъ считаетъ достижимымъ въ шесть мѣсяцевъ, — то тѣ же учителя могутъ перейти съ ними къ древнегреческому языку и, слѣдуя все тому же методу, въ одинъ годъ довести своихъ учениковъ до того, что они будутъ владѣть древнегреческимъ языкомъ, какъ живымъ, будутъ понимать всѣхъ классиковъ и съ легкостью будутъ излагать свои мысли письменно обо всякой темѣ, взятой въ предѣлахъ классическихъ авторовъ. Увлеченіе Шлимана очевидно: путь, которымъ достигъ своей цѣли взрослый человѣкъ, обладавшій притомъ необыкновенными способностями и энергичной волей, занимавшійся исключительно этимъ однимъ языкомъ, едва ли можетъ быть рекомендованъ для цѣлаго класса въ 30—40 незрѣлыхъ мальчиковъ съ самыми различными способностями, вообще не особенно старательныхъ и обязанныхъ при этомъ изучать еще массу другихъ предметовъ.

Другой специалистъ, написавшій подь псевдонимомъ Іоаннида книжку «Говорите по-аттически» (Лейпцигъ, 1889 г., изданіе Коха), говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Ничто не вредило такъ изученію греческаго языка въ нашихъ гимназіяхъ, какъ мнѣніе, что греческій языкъ, въ сущности, нельзя изучить основательно. Просто поразительно, какъ мало между людьми, «учившимися по гречески», встрѣчается такихъ, которые могутъ съ нѣкоторою опредѣленностью указать, какъ въ аттическомъ діалектѣ передаются простѣйшія понятія, напр., «я приду къ тебѣ». Еслибы по-латыни кто нибудь не вспомнилъ тотчасъ «veniam», то сказали бы, что онъ не усвоилъ себѣ даже первыхъ основаній языка, а еслибы такой субъектъ не сумѣлъ разграничить «veniam» и «ibo», то мы, съ полнымъ правомъ, стали бы жаловаться на недостаточность обученія и полагали бы, что такая неувѣренность не можетъ также не отразиться на пониманіи смысла латинскихъ авторовъ? Но въ греческомъ? Попробуйте, и вы удивитесь, какъ мало вы найдете такихъ, которые не затруднятся отвѣтить вамъ обычнымъ у аттиковъ «ἤξω παρὰ σέ». — Предложите молодому человѣку, окончившему курсъ гимназіи съ аттестатомъ зрѣлости по греческому языку, стаканъ греческаго вина: едва ли онъ будетъ въ состояніи поблагодарить за него по-гречески хоть въ нѣсколькихъ подходящихъ словахъ, или сказать, что вино ему нравится. Конечно, умѣнье говорить не составляетъ задачу изученія греческаго языка въ гимназіяхъ, но при такомъ многолѣтнемъ и усиленномъ изученіи языка это умѣніе должно бы явиться само собою».

Дѣйствительно, въ первые два года греческаго обученія мы гораздо болѣе изучаемъ законы языка, нежели самый языкъ. Молодые учителя, которымъ обыкновенно поручается начальное обученіе, считаютъ своимъ долгомъ вести его, по возможности, научно. Но чѣмъ болѣе они при этомъ углубляются въ происхожденіе и образованіе каждой отдѣльной формы, тѣмъ менѣе ихъ ученики овладѣваютъ всею массою формъ. Но, съ другой стороны, нельзя также вести начальное обученіе по методу Шлимана въ силу практическихъ соображеній, высказанныхъ уже выше. Первый греческій авторъ, съ которымъ должны ознакомиться наши ученики, — Ксенофонтъ. Для того, чтобы быть въ состояніи читать и понимать его, ученики наши, несомнѣнно, нуждаются въ систематической подготовкѣ. Въ чемъ же должна состоять эта подготовка? До сихъ поръ учениковъ заставляли изучать склоненія и спряженія по системѣ, установленной уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Система эта была установлена людьми, говорившими на греческомъ языкѣ такъ же, какъ на своемъ родномъ, и владѣвшими всѣми его формами въ полномъ объемѣ; для нихъ каждая форма, входящая въ эту систему, имѣла совершенно одинаковую важность. Слѣдуетъ ли и теперь еще готовить учениковъ по этой же системѣ, когда мы имѣемъ въ виду совершенно опредѣленную цѣль, а именно чтеніе Анабазиса Ксенофонта? Разрѣшеніе этого вопроса будетъ зависетьъ отъ того, какія формы въ Анабазисѣ встрѣчаются и сколько разъ онѣ встрѣчаются.

Приступая къ практическому разрѣшенію этого вопроса, Кохъ на первый разъ ограничивается формами спряженія и притомъ встрѣчающимися въ первыхъ четырехъ книгахъ Анабазиса, такъ какъ, съ одной стороны, именно греческія спряженія, благодаря необозримому разнообразію своихъ формъ, наиболѣе затрудняютъ начинающихъ учениковъ, а съ другой стороны, большинство учителей при выборѣ чтенія ограничиваются именно первыми четырьмя книгами Анабазиса. Въ виду довольно значительнаго объема этой партіи (135 страницъ Тейбнеровскаго текста) и большого разнообразія стиля (разсказъ, описаніе, характеристики, рѣчи) можно напередъ заключить, что находящійся въ ней запасъ глагольныхъ формъ будетъ весьма содержательнымъ.

На этихъ 135 страницахъ всего 7125 глагольныхъ формъ, которыя онъ и приводитъ въ систематическомъ порядкѣ въ 10 таблицахъ, называя каждый глаголъ отдѣльно и показывая, въ какой именно формѣ и сколько разъ онъ встрѣчается въ первыхъ четырехъ книгахъ Ана-

базиса. Мы приведемъ только таблицу, представляющую собою общій сводъ всѣхъ таблицъ:

Разряды глаголовъ.	praes. indic.	connect.	optativ.	imperativ.	infinitiv.	particip.	Imperfectum.	Aorist. indic.	connect.	optativ.	imperativ.	infinit.	particip.	Futurum.	Perfect. и провозвон.	Adiect. verbale.	Всего.
verba pura	50	4	12	1	70	75	135	70	4	5	3	22	44	23	8	7	533
v. gutturalia	55	8	13	4	67	63	114	54	8	5	3	15	34	18	38	11	510
v. labialia	15	2	6	—	14	26	22	25	3	5	3	12	23	10	7	1	174
v. dentalia.	32	1	6	5	40	55	61	38	9	2	—	15	31	11	19	8	333
verba на — έω	86	14	38	—	103	124	134	62	3	14	1	35	36	38	24	7	719
verba на — άω	17	6	9	4	56	64	67	36	4	2	—	8	23	15	13	3	327
verba на — ίω	4	—	1	—	5	4	3	4	—	1	1	5	3	1	6	1	39
v. liquida	38	10	8	6	31	30	75	95	7	9	6	25	24	19	27	2	412
v. на — ρι	213	45	104	7	258	271	493	97	17	26	—	54	94	74	51	20	1824
остальные глаголы (IV—VIII разряда)	289	33	97	7	158	316	333	399	39	63	7	144	195	86	77	11	2254
Всего.	799	123	294	34	802	1028	1437	880	94	132	24	335	507	295	270	71	7125

3080

1972

Примечаніе: Изъ 1970 формъ аориста только 199 (= 11%) принадлежатъ къ страдат. залого, и при томъ 164 формы къ 1-му, а 35 ко 2-му аористу страдат. залога.

Кохъ теперь разматриваетъ современную систему начальнаго обученія примѣнительно къ этимъ выводамъ по отдѣльнымъ группамъ.

1. Формы Perfecti. Извѣстно, что формы, производныя отъ основы perfecti, представляютъ наиболѣе трудности для изученія. Страннымъ образомъ ихъ обыкновенно проходятъ между аористомъ activi и passivi (см. самый употребительный у насъ учебникъ Григоревскаго) и этимъ погрѣшаютъ противъ двухъ простыхъ законовъ педагогики: проходить все родственное въ связи и переходить отъ легкаго къ трудному. Такою же странною окажется теперешняя система, если сравнить количество встрѣчающихся перфектныхъ формъ съ количествомъ всѣхъ другихъ глагольныхъ формъ. Среди 7125 глагольныхъ формъ первыхъ четырехъ книгъ Анабазиса встрѣчается только 270 перфектныхъ формъ, т. е. неполныхъ 4%. Но помимо количества и качество этихъ формъ наводитъ на размысленія. Оказывается, что въ этихъ 270 формахъ 130 относятся къ страдательному залогу и притомъ въ числѣ послѣднихъ — 98 причастій, 24 формы — къ среднему залогу, въ томъ числѣ 14 причастій, 112 формъ къ дѣйств. залогу, въ томъ числѣ 34 формы изъявит. наклоненія и 50 формъ причастія. Что же отсюда слѣдуетъ? Такъ какъ формы, производимыя отъ основы perfecti, представляютъ для учениковъ особыя затрудненія по своему образованію, и такъ какъ онѣ встрѣчаются весьма рѣдко, то ихъ слѣдуетъ проходить только по окончаніи всего глагола на ω , т. е. непосредственно передъ глаголами на μ ; далѣе, слѣдуетъ начинать съ perfectum passivi и указывать на то, что чаще всего употребляется причастіе, значеніе котораго должно быть тщательно выяснено; что же касается особенно рѣдко встрѣчающагося per. activi, то слѣдуетъ довольствоваться объясненіемъ тѣхъ формъ, которыя дѣйствительно встрѣчаются, а не заставлять учениковъ образовывать ихъ отъ всевозможныхъ глаголовъ, что является только совершенно непроизводительной тратой времени.

2. Такъ называемые неправильные глаголы. Глаголы для болѣе удобнаго прохожденія обыкновенно раздѣляются на три большія группы: 1) правильные глаголы на ω , 2) глаголы на μ , 3) неправильные глаголы на ω . Раздѣленіе это господствуетъ и въ нашихъ школьныхъ грамматикахъ и въ книгахъ для упражненія въ переводахъ.

Основной педагогическій принципъ гласитъ, что усвоеніе правильнаго должно предшествовать усвоенію неправильнаго. Но какъ же быть, когда формы такъ называемыхъ правильныхъ глаголовъ соста-

вляють меньше половины всей массы встрѣчающихся глагольных формъ? По таблицѣ оказывается, что изъ 7125 глагольных формъ на *verba muta* приходится 1017 формъ, т. е. 14,3%, на *verba contracta* 1085 формъ, т. е. 15,2% (въ томъ числѣ на *verba* на — *ω* только 39 формъ, т. е. 0,5%), на *verba liquida* 412 формъ, т. е. 5,8%; всего же правильные глаголы на — *ω* составляютъ 42,8%. Между тѣмъ отъ глаголовъ на *μ* встрѣчаются 1824 формы, т. е. 25,6%, а отъ неправильныхъ глаголовъ на *ω* — 2254 формы, т. е. 31,6%, что вмѣстѣ составляетъ 57,2%, т. е. больше половины всѣхъ глагольных формъ. Какой же отсюда можно сдѣлать практической выводъ? А такой, что различіе правильныхъ глаголовъ на *ω* должно быть совершенно оставлено, и что при прохожденіи глаголовъ слѣдуетъ руководствоваться не только сомнительною ихъ правильностью (всякому извѣстно, какое множество особенностей приходится заучивать и при такъ называемыхъ правильныхъ глаголахъ), но въ такой же степени, — если не въ бѣльшей — ихъ употребительностью. Безполезно объяснять новичку усиленіе основы настоящ. времени; для него *ἤφθην*, *ἐλήφθην*, *ἐλείφθην*, несмотря на *ἄπτω*, *λαμβάνω*, *λείπω*, должны принадлежать къ одной группѣ, а именно къ основамъ на губной звукъ; для него важно только образованіе аористовъ. Глаголы, какъ *ἔρχομαι*, *γίγνομαι*, *λαμβάνω*, *ὄρα*, которые въ первыхъ четырехъ книгахъ Анабазиса встрѣчаются съ 134, 116, 104, 48 = 402 формами аориста (что составляетъ гораздо больше, чѣмъ всѣ перфектныя формы, которыхъ всего 270), никакъ нельзя откладывать до второго года обученія.

Этимъ же соображеніемъ слѣдуетъ руководствоваться относительно такъ называемаго второго аориста *activi et medii*. По старой системѣ онъ обыкновенно проходитъ послѣ всѣхъ другихъ временъ; между тѣмъ по статистикѣ оказывается, что онъ встрѣчается даже чаще, чѣмъ первый аористъ, а именно первый аористъ въ первыхъ четырехъ книгахъ Анабазиса встрѣчается 822 раза, а второй аористъ *activi et medii* — 951 разъ! Поэтому Кохъ требуетъ, чтобы ученики съ самаго начала знакомились съ аор. II *indic.*, который представить для нихъ не болѣе затрудненія, чѣмъ обыкновенно заучиваемое ими *imperfectum*. Вообще же, по мнѣнію Коха, пора уже намъ отказаться отъ своей привычки объяснять сначала всякую форму по корню, характеру времени, соединительной гласной, окончанію и проч., а потомъ уже заучивать ее. Развѣ мы при начальномъ обученіи латинскому языку разъясняемъ ученикамъ образованіе формъ *seri* и *capio*, *purugi* и *pungo*?

Нѣтъ; мы просто заставляемъ ихъ заучивать эти формы, и именно благодаря такой простой системѣ, ученики гораздо легче овладѣваютъ формами латинскаго языка, нежели греческаго. Такъ будемъ же и по-гречески заучивать глаголы а *verbo*, довольствуясь аористомъ дѣйств. и страдат. залоговъ, т. е. заучивать: *κωλύω, ἐκώλοσα, ἐκωλύθην; τάττω, ἔταξα, ἐτάχθην; λαμβάνω, ἔλαβον, ἐλήφθην* и проч., а объясненіе можно отложить до систематическаго повторенія всѣхъ глаголовъ во второмъ году обученія.

3. Будущее время Сигматическое будущее обыкновенно проходятъ совмѣстно съ сигматич. аористомъ; Кохъ предлагаетъ проходить сигматическое будущее только тогда, когда уже пройдены всѣ аористы, т. е. непосредственно передъ плавными глаголами, основываясь, во первыхъ, на своей статистикѣ, по которой въ первыхъ четырехъ книгахъ Анабазиса число формъ будущаго времени составляетъ только около 4%, а, во вторыхъ, на томъ, что и среди этихъ формъ значительная часть употреблена въ модальномъ значеніи (въ относит. предложеніяхъ; послѣ *ἔπειτα*; optat. futuri послѣ *ἔτι* и *εἰ* и проч.), для усвоенія котораго ученику необходимо упражняться раньше на употребленіи *coniunctivi* и *optativi* какъ *praesentis*, такъ и *aoristi* въ придаточныхъ предложеніяхъ съ союзами. По мнѣнію Коха, для ученика, который возможно скорѣе долженъ приступить къ чтенію связнаго текста, безконечно важнѣе получить ясное понятіе о наиболѣе часто встрѣчающихся видахъ придаточныхъ предложеній (предложенія цѣли, косвенные вопросы, *ἕαν* с. *coniunctivo*, конструкція глаг. *φοβεῖσθαι*, причастіе при *ὄρα* и *ἀκούειν*, запрещеніе черезъ *μή* с. *coni. aor.*), нежели проанализировать полторы сотни перфектныхъ формъ. Далѣе Кохъ подробно говоритъ о такъ называемыхъ повѣствовательныхъ временахъ и подробно разъясняетъ разницу между *imperf.* и *aorist.*, а также между повелит. наклоненіемъ *praesentis* и *aoristi*.

Этотъ отдѣлъ его статьи не имѣетъ для насъ особеннаго значенія съ точки зрѣнія русскаго языка, который самъ располагаетъ глагольными формами несовершеннаго и совершеннаго вида; употребленіе этихъ формъ въ русскомъ языкѣ, за малыми исключеніями, вполне соответствуетъ употребленію формъ *praesentis* и *aoristi* въ греческомъ языкѣ, какъ это и выяснилъ превосходно Э. Черный въ своемъ «Синтаксисѣ греческаго языка», а еще подробнѣе въ своей статьѣ «Объ отношеніи видовъ русскаго глагола къ греческимъ временамъ», напечатанной въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за ноябрь и декабрь 1876 г. и февраль, мартъ и апрѣль 1874 г. и изданной также

отдѣльными оттисками, на которую ссылается и самъ Кохъ. Отдѣль этотъ весьма важенъ съ точки зрѣнія нѣмецкаго языка, который не имѣеть формъ совершеннаго и несовершеннаго вида и какъ повѣствовательное время обыкновенно употребляетъ *imperfectum*.

Общіе же выводы, къ которымъ приходитъ самъ Кохъ, слѣдующіе:

1) Въ первые 200 уроковъ ученика слѣдуетъ совершенно избавить отъ изученія формъ *perfecti*, а затѣмъ заучивать только такія формы, которыя дѣйствительно встрѣчаются въ Анабазисѣ и въ *Hellenica* (вмѣсто которыхъ у насъ читаются *Memorabilia*).

2) Ученикъ съ перваго же урока долженъ механически заучивать *indicat. aor. II* (*ἔλαβον, εἶδον, ἤλθον*) и умѣть пользоваться имъ.

3) Послѣ склоненій ученикъ долженъ заучивать глаголы не съ грамматической точки зрѣнія, но съ точки зрѣнія важности ихъ для чтенія автора, слѣдов. а *verbo*, ограничиваясь на первый разъ *praesens*-омъ и аористомъ *activ. et passiv.* (*λαμβάνω, ἔλαβον, ἐλήφθην; λείπω, ἔλιπον, ἐλείφθην* и проч.).

4) При заучиваніи формъ *coniunctivi, optativi, infinitivi, participii*, ученикъ обязательно долженъ также знакомиться съ наиболѣе употребительными у Ксенофонта видами придаточныхъ предложеній.

5) *Futurum* онъ долженъ изучать только тогда, когда онъ будетъ въ состояніи понять его многообразное модальное употребленіе, стало быть, только послѣ аориста.

Вотъ, въ существенныхъ чертахъ, содержаніе статьи Коха. Если уже нѣмецкій педагогъ, имѣющій дѣло съ образцово поставленной школой, находитъ неудовлетворительнымъ господствующій нынѣ методъ при начальномъ обученіи греческаго языка, такъ какъ этотъ методъ приводитъ къ слишкомъ ничтожнымъ результатамъ, то это тѣмъ болѣе приходится сказать о нашихъ русскихъ гимназіяхъ. Главные учебники, которыми пользуются въ нашихъ гимназіяхъ, это — грамматикѣ Курціуса, Кремера или Коха въ разныхъ передѣлкахъ, также грамматикѣ Нидерле и Чернаго; къ нимъ примыкаютъ различныя «книги для упражненій», которыя также всѣ переведены съ нѣмецкаго. Мы ничего не имѣемъ противъ употребленія вышеназванныхъ грамматикъ и насколько не отрицаемъ ихъ научныхъ достоинствъ, но тѣмъ не менѣе мы должны констатировать тотъ фактъ, что къ концу гимназическаго курса ученики наши, за малыми исключеніями, обыкновенно обнаруживаютъ познанія сомнительнаго достоинства, какъ по грамматикѣ, такъ по умѣнію разобратъ въ новомъ текетѣ. Мы думаемъ, что съ

этимъ вполне согласятся все тѣ изъ нашихъ уважаемыхъ коллегъ, которые не имѣютъ привычки предаваться самообольщенію и которые на испытаніяхъ зрѣлости умѣютъ отличить въ отвѣтѣ абитуриента его собственныя слова отъ подсказа учителя, который въ болѣе вѣжливой формѣ принято называть «наведеніемъ». Намъ кажется, что помимо многихъ другихъ причинъ, хорошо извѣстныхъ каждому специалисту, эти плохіе уснѣхи зависятъ также въ значительной степени отъ слишкомъ научнаго метода первоначальнаго обученія. Первоначальное обученіе у насъ обыкновенно ведется двумя способами, въ сущности весьма мало отличающимися другъ отъ друга: или учитель придерживается того порядка, который установленъ въ употребляемой имъ грамматикѣ, и, стало быть, заставляетъ учениковъ заучивать грамматику, что называется, «отъ доски до доски», прибѣгая для вѣщаго укрѣпленія заучиваемыхъ формъ къ переводамъ безконечнаго числа фразъ изъ «книги для упражненій», или же онъ, наоборотъ, придерживается того порядка, который указанъ въ его «книгѣ для упражненій», и къ этой послѣдней уже приспособляетъ свою грамматику, что, въ сущности, сводится на то же самое. Въ томъ и другомъ случаѣ обученіе ведется, если хотите, вполне научно; грамматическія формы и правила проходятся въ строгой постепенности и системѣ, чуть ли не вытекаая одно изъ другого; но на самомъ дѣлѣ такой методъ оказывается весьма не практичнымъ, если имѣть въ виду ближайшую цѣль, къ которой должно вести начальное обученіе. Цѣль эта та же, что и въ нѣмецкихъ гимназіяхъ: требуется кратчайшимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрнѣйшимъ путемъ довести учениковъ до умѣнія самостоятельно читать и переводить древнихъ авторовъ, какъ это и сказано вполне ясно въ объяснительной запискѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія къ учебному плану древнихъ языковъ, первыя слова которой гласятъ: «Обученіе древнимъ языкамъ въ гимназіяхъ должно быть главнѣйше направлено къ тому, чтобы приучить учениковъ къ осмысленному чтенію древнихъ авторовъ». Первое греческое произведеніе, съ которымъ должны ознакомиться наши ученики и на чтеніи котораго они должны сосредоточиваться въ продолженіе 1½ лѣтъ, это — Анабазисъ Ксенофонта. Поэтому, ближайшею цѣлью начальнаго обученія должно быть сообщеніе ученикамъ именно того, что направлено исключительно на пониманіе Анабазиса. Посмотрите же на все эти «книги для упражненій», которыя служатъ ученикамъ единственной пищей въ продолженіи первыхъ 1½ лѣтъ; сколько здѣсь ненужныхъ мелочей и тон-

костей, требующихъ очень много времени для прочнаго усвоенія и очень мало пригодныхъ ученику, когда ему дается въ руки текстъ Анабазиса! Между тѣмъ на изученіе этихъ тонкостей уходятъ самыя лучшіе годы, когда память учениковъ еще свѣжа, и когда они съ гораздо большею пользою и основательностью могли бы усвоить именно то, что имъ при чтеніи автора понадобится на каждомъ шагу. Таблицы Коха вполне наглядно показываютъ это по отношенію къ глаголу; еслибы произвели такія же точныя статистическія изслѣдованія для другихъ отдѣловъ этимологіи, то результаты, вѣроятно, оказались бы не менѣе удивительными. Будемъ же помнить слова вышеназванной объяснительной записки, что «при прохожденіи этимологіи соблюдается не столько система, сколько метода» (стр. 74); оставимъ систематическое прохожденіе грамматики до того времени, когда ученики уже въ достаточной степени освоятся съ самимъ языкомъ; тогда и систематическое изученіе грамматики не представитъ имъ особенныхъ затрудненій. На первыхъ же порахъ будемъ болѣе руководиться методическими соображеніями, ни на минуту не теряя изъ виду нашей первой цѣли — подготовить учениковъ къ осмысленному чтенію Анабазиса. Къ этой практической цѣли должны быть направлены все наши усилія и, если мы достигнемъ ея, то труды наши будутъ вполне вознаграждены и дальнѣйшій успѣхъ также будетъ вполне обезпеченъ.

Но для пракческаго осуществленія этихъ соображеній прежде всего нужны подходящіе учебники, выработанные именно по такому практическому методу, а такихъ у насъ, къ сожалѣнію, пока еще очень мало, да и эти немногіе учебники опять таки, къ сожалѣнію, встрѣчаются нашими педагогами съ большимъ недоувѣріемъ. Самъ авторъ статьи, послужившей намъ темой, составилъ такую книгу для упражненій (на нѣмецкомъ языкѣ), въ которой уже съ первыхъ §§ предлагаетъ, наряду съ формами *imperfecti*, наиболѣе употребительныя *aoristi* II, какъ *εἶδον*, *ἔλαβον*, *ἤλθον* и проч., и затѣмъ быстро переходитъ къ связнымъ статьямъ. Въ Германіи эта практическая метода все болѣе начинаетъ входить въ употребленіе; назовемъ только учебникъ *Hüttemann'a*, по которому ученики уже съ XIV-го § приступаютъ прямо къ чтенію Анабазиса (правда, нѣсколько форсированнымъ путемъ), а изъ новѣйшихъ: *Griechisches Lese- und Uebungsbuch* д-ра *Herwig'a*, — необыкновенно искусно и вмѣстѣ съ тѣмъ изящно съ точки зрѣнія языка составленная греческая христоматія, которая должна служить именно книгой для начальнаго изученія греческаго языка.

Въ русской учебной литературѣ намъ пока извѣстны только два учебника, вышедшіе изъ самой практики и задавшіеся тѣми же практическими соображеніями: это — *Arrhiani Anabasis*, обработанный для учениковъ III кл. В. Ракушаномъ и «Пособіе для первоначальнаго обученія греческому языку», А. Приселкова, въ которомъ для усвоенія основныхъ элементовъ греческой этимологіи предлагаются 10 басенъ съ соотвѣствующими русскими метафразами, послѣ которыхъ ученики прямо приступаютъ къ чтенію связнаго пересказа 1-ой книги Анабазиса*). Обѣ эти книги съ большимъ успѣхомъ употребляются въ качествѣ учебниковъ въ большинствѣ гимназій Кавказскаго Учебнаго Округа. Остается только, въ интересахъ самаго дѣла, пожелать, чтобы число ихъ увеличилось и чтобы идеи, выраженные великими практиками Запада и уже нашедшія себѣ откликъ и въ нашемъ педагогическомъ мірѣ, получили и у насъ болѣе широкое осуществленіе и практическое примѣненіе.

*) Обѣ книги вышли въ Тифлисѣ: первая въ 1887 году, вторая въ 1891 г. изд. 2-ое, исправленное и значительно дополненное.

М. Т. Цицеронъ

О ПРИРОДѢ БОГОВЪ.

[См. „Гимназія“ кн. II.]

КНИГА ВТОРАЯ.

I. (1) Когда Котта сказалъ это, Веллей воскликнулъ: По истинѣ, я поступилъ неосторожно, попытавшись мѣряться съ академикомъ и притомъ искуснымъ ораторомъ! Конечно, я не побоялся бы ни академика, не обладающаго даромъ слова, ни ритора, незнакомаго съ этой философіей, какъ бы онъ ни былъ краснорѣчивъ. Меня, вѣдь, не смущаетъ ни потокъ пустыхъ словъ, ни тонкость мыслей, если рѣчь суха. А ты, Котта, въ обоихъ отношеніяхъ крѣпокъ; недоставало тебѣ только публики и судей¹⁾. Но объ этомъ въ другой разъ, а теперь слушаемъ Луцилія, если это ему угодно.

(2) На это сказалъ Бальбъ: Я, съ своей стороны, предпочелъ бы слушать того же Котту, лишь бы только онъ ввелъ намъ истинныхъ боговъ съ тѣмъ же краснорѣчіемъ, съ какимъ уничтожилъ ложныхъ. Конечно, вѣдь философъ, понтификъ и человѣкъ, какъ Котта, долженъ имѣть мнѣніе о безсмертныхъ богахъ не ошибочное и расплывчатое, какъ академики, но, какъ наши, стойкое и опредѣленное. Противъ Эпикура сказано довольно и даже слишкомъ, но я жажду услышать, что ты самъ, любезный Котта, думаешь.

— Развѣ ты забылъ, возразилъ Котта, что²⁾ я сказалъ сначала, что я, особенно въ такихъ вопросахъ, легче могу сказать, чего я не

¹⁾ Подраз.: для того, чтобы получить извѣстность блестящаго защитника.

²⁾ 1, 60.

думаю, чѣмъ что думаю. (3) Да еслибы я и имѣлъ какое-нибудь ясное убѣжденіе, я всетаки желалъ бы слушать по очереди тебя, потому что самъ я говорилъ столь много.

На это сказалъ Бальбъ: Сдѣлаю по твоему и поведу рѣчь возможно короче, потому что, по уличеніи заблужденій Эпикура, съ моего разсужденія снята длинная рѣчь. Вообще, весь этотъ вопросъ о безсмертныхъ богахъ наши дѣлятъ на четыре части. Во первыхъ, они научаютъ, что боги существуютъ; затѣмъ, каковы они; потомъ, что міръ управляется ими; наконецъ, что они заботятся о человѣческихъ дѣлахъ. Для нашей теперешней бесѣды возьмемъ двѣ первыя части, а третью и четвертую, такъ какъ онѣ слишкомъ велики, полагаю, слѣдуетъ отложить на иное время.

— Вовсе нѣтъ! возразилъ Котта: мы вѣдь, во первыхъ, имѣемъ теперь досугъ¹⁾, а во вторыхъ, говоримъ о такихъ вопросахъ, которые должно предпочесть даже дѣламъ.

II. (4) Тогда сказалъ Луцилій: Первая часть, повидимому, даже не нуждается въ рѣчи. Ибо что можетъ быть столь яснымъ и очевиднымъ, когда мы взираемъ на небо и созерцаемъ небесныя тѣла, какъ не то, что есть какое-то божество наивысшаго разума, которое всѣмъ этимъ управляетъ? Еслибы это было не такъ, какъ бы могъ, при всеобщемъ одобреніи, говорить Энній: «Взгляни на эту сіяющую высь, которую всѣ называютъ Юпитеромъ²⁾? Да, конечно, и Юпитеромъ, и владыкой надъ міромъ, и управляющимъ всѣмъ посредствомъ своего мановенія, и, какъ говоритъ тотъ-же Энній, «отцомъ боговъ и людей», и покровительствующимъ, и весьма могучимъ богомъ. И дѣйствительно, если кто въ этомъ сомнѣвается, я не понимаю, почему бы ему нельзя было сомнѣваться и въ томъ, есть ли солнце или нѣтъ. (5) Ибо какимъ образомъ послѣднее очевидное перваго? И еслибы мы не имѣли въ умахъ этой мысли въ качествѣ знанія и твердаго убѣжденія, то она не оставалась бы столь стойкою, не укрѣплялась бы продолжительностью времени и не могла бы стариться вмѣстѣ съ вѣками и человѣческими поколѣніями. Вѣдь, мы видимъ же, что другія мнѣнія, вымышленныя и суетныя, зачахли отъ продолжительнаго времени. Кто именно думаетъ, что существовалъ Гиппокентавръ или Химера? или гдѣ можно

¹⁾ Бесѣда происходитъ во время Латинскихъ праздниковъ 1, 15.

²⁾ Изъ трагедіи Эннія Thyestes. См. Vahlen, Ennianae poesis reliquiae p. 142.

найти столь глупую старую бабу, которая бы боялась тѣхъ чудовищъ подземнаго царства, въ которыя нѣкогда вѣрили?

Ибо измышленія фантазіи время уничтожаетъ, а данныя природою сужденія укрѣпляетъ. Поэтому и въ нашемъ народѣ и у другихъ поклоненіе богамъ и святое почитаніе религіозныхъ обрядовъ со дня на день увеличивается и совершенствуется¹⁾.

(6) И это происходитъ не благодаря слѣпому случаю, но потому что, съ одной стороны²⁾, боги часто воочию обнаруживаютъ свою силу. Такъ, напримѣръ, у Регильскаго озера въ войнѣ съ латинянами, когда диктаторъ А. Постумій сражался съ Октавіемъ Мамиліемъ³⁾ въ Тускуланской области, видѣли, что въ нашемъ строю сражались верхомъ на лошадяхъ Касторъ и Поллуксъ⁴⁾; и въ новѣйшее время тѣ же Тиндариды сообщили о побѣдѣ надъ Персеемъ⁵⁾. Именно, когда П. Ватиній, дѣдъ извѣстнаго намъ молодого человѣка⁶⁾, былъ ночью на пути въ Римъ изъ префектуры Реате⁷⁾, двое юношей на бѣлыхъ коняхъ сообщили ему, что въ тотъ день взять въ плѣнъ царь Персей, а онъ донесъ сенату. Сначала его бросили въ тюрьму за то, что, какъ думали, онъ легкомысленно говорилъ о государственномъ дѣлѣ, но потомъ, когда, по доставленіи отъ Павла официальнаго донесенія, оказался тотъ-же самый день, сенатъ одарилъ его помѣстіемъ и свободою отъ военной службы. Сверхъ того, существуетъ преданіе, что въ тотъ самый день, когда у рѣки Сагры⁸⁾ локры поразили кротонцевъ въ весьма большомъ сраженіи, объ этой битвѣ слышали на олимпійскихъ играхъ. То обстоятельство, что часто ясно слышали голоса фавнов⁹⁾, что часто видѣли боговъ, за-

¹⁾ Этому противорѣчитъ сказанное Бальбомъ въ § 9 о пренебреженіи авспицій.

²⁾ Эти слова находятся въ соотвѣтствіи съ началомъ § 7.

³⁾ Въ 496 г. до Р. X.

⁴⁾ По Гомеру, сыновья спартанскаго царя Тиндарея (Od. XI, 299) и Леды. У Гезіода они — сыновья Зевса, Διόσκορον.

⁵⁾ Македонскій царь Персей разбитъ былъ въ 168 г. до Р. X. Л. Эмилиемъ Павломъ при Пиднѣ.

⁶⁾ Противникъ Цицерона въ процессѣ П. Сестія.

⁷⁾ Нынѣ Kieti. Префектурой назывался городъ, не имѣвшій собственной судебной власти и получавшій изъ Рима судью — praefectus iuri dicendo.

⁸⁾ Нынѣ Sagriano, приморская рѣка въ Бруттіи. Событіе относятъ къ VI до Р. X.

⁹⁾ Фавнъ — римскій богъ полей и лѣсовъ, позднѣе отождествленъ съ греч. Паномъ.

ставило любого человѣка не тупоумнаго или не безбожнаго признать, что боги существуютъ.

III. (7) А предсказанія и предчувствія будущаго доказываютъ ли что иное кромѣ того, что таковымъ людямъ божество указываетъ (*ostendere*), являетъ (*monstrare*), предвѣщаетъ (*portendere*), предсказываетъ (*praedicere*), отъ чего и употребляются слова *ostenta*, *monstra*, *portenta* и *prodigia*. И если преданія про Мопса, Тирезія, Амфиарея, Калханта и Гелена¹⁾ мы и считаемъ за вымыселъ, созданный произволомъ сказаній (однако и самыя сказанія не приняли бы ихъ въ число предвѣщателей, еслибы дѣйствительность совершенно тому противурѣчила), то развѣ мы, наученные также отечественными примѣрами, не подтвердимъ владычества боговъ? Насъ нисколько не убѣдитъ высокомѣріе П. Клавдія²⁾ въ первую пуническую войну? Онъ даже шутя смѣялся надъ богами и, когда цыплята, выпущенные изъ клѣтки, не хотѣли клевать, велѣлъ погрузить ихъ въ воду, чтобы они могли напиться, такъ какъ де не хотятъ клевать. Эта насмѣшка, послѣ пораженія флота, принесла много слезъ ему самому, а римскому народу большое бѣдствіе. А развѣ товарищъ его Юній³⁾ въ ту же войну не потерялъ отъ бури, послѣ того какъ не повиновался авспиціямъ? И вотъ, Клавдій былъ осужденъ народомъ, а Юній самъ наложилъ на себя руки (8). Целій⁴⁾ пишетъ, что Г. Фламиній⁵⁾ палъ у Тразименскаго озера, къ большому несчастію для государства, вслѣдствіе пренебреженія къ религіи.

Изъ ихъ гибели можно понять, что государство было усилено властью тѣхъ людей, которые повиновались религіознымъ обычаямъ. И если мы пожелаемъ сравнить свое съ иностраннымъ, то окажется, что въ прочихъ отношеніяхъ мы или равны или даже ниже, а въ отношеніи религіи, т. е. почитанія боговъ, много выше. (9) Или, можетъ быть, должно отнести съ презрѣніемъ къ извѣстному жезлу Аттія Навія,

1) Прорицатели героическаго періода греческой исторіи.

2) Консуль Р. Claudius Pulcher разбитъ былъ Адгербаломъ въ 249 г. до С. Х. у мыса Drepanum.

3) L. Junius Puleus потерялъ кораблекрушеніе у мыса Pachynum въ 249 г.

4) Caelius Antipater, историкъ временъ Гракховъ, написавшій исторію второй пунической войны.

5) G. Flaminius Neros разбитъ былъ Ганибаломъ у Тразименскаго озера въ 217 г.

которымъ онъ, съ цѣлью напасть на слѣдъ свиньи¹⁾, распредѣлилъ страны виноградника? Я бы думалъ такъ, еслибы царь Гостилій²⁾ не велъ весьма большихъ войнъ по его гаданію. Но съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря небрежности знати,³⁾ авгурская наука была заброшена, пренебрегли и правдивостью авспицій, а оставили одну только внѣшность. Такимъ образомъ, величайшія государственныя дѣла, и въ числѣ ихъ войны, на которыя опирается благополучіе государства, ведутся безо всякихъ авспицій; не соблюдается никакихъ авспицій при переправѣ черезъ рѣку⁴⁾, никакихъ по наконецникамъ копій⁵⁾, никакихъ и въ то время, когда созываютъ мужей въ строй⁶⁾, вслѣдствіе чего вывелись завѣщанія непосредственно передъ началомъ битвы⁷⁾. Ибо наши вожди начинаютъ вести войны, сложивъ съ себя авспиціи. (10) А у нашихъ предковъ такъ велика была сила религіи, что нѣкоторые полководцы самихъ себя принесли за государство въ жертву безсмертнымъ богамъ, покрывши голову и произнося опредѣленные слова посвященія. Я бы могъ много привести изъ сивиллиныхъ вѣщаній и много отвѣтовъ гаруспиковъ, чтобы подтвердить то, что ни для кого не должно быть сомнительнымъ⁸⁾.

¹⁾ Здѣсь сказано „съ цѣлью напасть на слѣдъ свиньи“ вмѣсто — „съ цѣлью отыскать угодный божеству виноградъ, для принесенія его въ жертву, по обѣту, за отысканіе потерявшейся свиньи“, какъ объ этомъ разсказывается de div. 1, 31.

²⁾ Аттій Навій училъ въ царствованіе Тарквинія Приска, какъ и самъ Цицеронъ говоритъ de div. 1, 31.

³⁾ Члены авгурской коллегіи обыкновенно выбирались изъ знати.

⁴⁾ Peremnia (изъ per и amnis) назывались авспиціи, которыя должны были производить должностныя лица при переходѣ черезъ рѣчки и источники, когда отправлялись для исполненія своихъ обязанностей. Fest. p. 250: Petronia amnis est in Tibrim perfluens, quam magistratus auspicato transeunt cum in Campo quid agere volunt. Quod genus auspicii peremne dicitur.

⁵⁾ По электрическимъ огнямъ (огни св. Эльма) на наконецникахъ дротиковъ, стоявшихъ передъ палатками въ лагерѣ, и знаменъ Tac. Annal. XII, 64. Bell. Afr. 47.

⁶⁾ „Сзывать мужей“ (viros или exercitum vocare) — техническій терминъ для созыва на битву или на сходку. Когда войско стояло наготовѣ, полководецъ производилъ авспиціи. Въ это время солдаты устно, въ присутствіи трехъ или четырехъ свидѣтелей, дѣлали, на случай смерти, завѣщанія (in procinctu testamenta). Эти завѣщанія имѣли полную законную силу

⁷⁾ Когда перестали дѣлать авспиціи передъ битвой, прекратились также и in procinctu testamenta, потому что для этого уже не было времени.

⁸⁾ Именно, что боги существуютъ.

IV. Однакожь, науку и нашихъ авгуровъ и этрусскихъ гаруспиковъ подтвердило само дѣло въ консульство П. Сципіона и Г. Фибула¹⁾. Когда Тиберій Гракхъ²⁾, во второе свое консульство, председательствовалъ при выборѣ ихъ въ консулы³⁾, сборщикъ голосовъ первой центуріи⁴⁾, лишь только доложилъ ихъ имена, тутъ же внезапно умеръ. Тѣмъ не менѣе Гракхъ довелъ комиціи до конца, но такъ какъ онъ сознавалъ, что этотъ случай сталъ для народа причиной безпокойствія совѣсти, то доложилъ объ немъ въ сенатъ⁵⁾. Сенатъ рѣшилъ передать дѣло въ обычную инстанцію. Введены были гаруспики и дали отвѣтъ, что председатель комицій былъ незаконный. (11) Тогда Гракхъ, какъ слышалъ я отъ отца, въ гнѣвѣ воскликнулъ: «Въ самомъ дѣлѣ? Я, незаконный? Я, который сдѣлалъ предложеніе о выборѣ въ качество консула и авгура и по совершеніи авспицій? Или, можетъ быть, вы, иностранцы туски, имѣете право на авспиціи у римскаго народа и можете быть толкователями комицій?»⁶⁾ Послѣ того онъ велѣлъ имъ выйти вонъ. Впоследствии же онъ прислалъ изъ провинціи письмо въ авгурскую коллегію о томъ, что, читая авгурскія книги, онъ де вспомнилъ, что онъ избралъ мѣсто для авспицій у Сципіоновыхъ садовъ несогласно съ уставомъ⁷⁾, потому что, когда онъ потомъ вступилъ въ городскую черту для засѣданія сената, при возвратѣ, переходя ту же черту, онъ забылъ совершить авспиціи; поэтому де консулы избраны незаконно. Августы доложили дѣло въ сенатъ; сенатъ рѣшилъ, чтобы консулы отказались отъ должности. Они отказались.

¹⁾ Въ 162 г. до Р. X.

²⁾ Отецъ извѣстныхъ народныхъ трибуновъ.

³⁾ Подраз. — въ консулы слѣдующаго года.

⁴⁾ Т. е. центуріи, подававшей голоса первой, по жребію.

⁵⁾ Какъ въ высшую инстанцію, наблюдающую за всѣмъ культомъ. Сенатъ уже отъ себя передавалъ вопросы, относившіеся къ культу, въ компетентную коллегію жрецовъ.

⁶⁾ Т. е. сакральныхъ предписаній на случай комицій.

⁷⁾ Передъ *comitia centuriata*, имѣвшими мѣсто на Марсовомъ полѣ, авгуръ на открытомъ мѣстѣ внѣ города очерчивалъ своимъ жезломъ *templum*, т. е. область наблюденія полета птицъ, и въ очерченныхъ предѣлахъ ставилъ палатку. При переходѣ черезъ городскую черту, *pomerium* , всякій разъ требовались авспиціи, и въ такомъ только случаѣ *tabernaculum* былъ *rite captum*. Такъ какъ при вторичномъ переходѣ померія Гракхъ забылъ произвести авспиціи, то онъ велъ, такимъ образомъ, комиціи незаконно.

Какихъ намъ искать болѣе важныхъ примѣровъ? Мужъ великой мудрости и, пожалуй, самый выдающійся предпочелъ сознаться въ своей оплошности, хотя могъ и скрыть ее, чѣмъ чтобы на государствѣ лежала вина, а консулы сочли за лучшее тотчасъ сложить съ себя власть, чѣмъ удерживать ее противно религіи хотя бы одну минуту. (12) Великъ авторитетъ авгуровъ! Ну, а искусство гарусниковъ развѣ не божественно?

Кто созерцаетъ эти случаи и безчисленные другіе въ этомъ же родѣ, развѣ не сочтетъ себя вынужденнымъ признать существованіе боговъ? Ибо, конечно, по необходимости должны существовать тѣ, чьи толкователи существуютъ; стало быть, мы должны признать, что существуютъ боги¹⁾.

Но, быть можетъ, не все происходитъ, что предсказано? Больные также не всѣ выздоравливаютъ; однако вслѣдствіе этого лечебная наука не перестаетъ быть наукою. Боги даютъ указанія будущихъ событій. Если сдѣлали ошибку по отношенію къ нимъ, то виноваты не боги, а человѣческое толкованіе. Такимъ образомъ, между всѣми людьми всего свѣта главное согласно: именно, всѣмъ людямъ врождена²⁾ и словно начертана въ умахъ мысль, что есть боги. О томъ, каковы они, мнѣнія разнообразны, но никто не отрицаетъ ихъ существованія.

V. (13) Нашъ Клеанѳ³⁾ сказалъ, что понятія о богахъ образовались въ человѣческихъ душахъ вслѣдствіе четырехъ побужденій. Первымъ привелъ онъ то, о чемъ я сейчасъ говорилъ, что беретъ свое начало отъ предчувствія будущаго; другое мы получаемъ отъ большихъ выгодъ, которыми пользуемся благодаря температурѣ воздуха, плодородію земель и, вообще, обилію многихъ иныхъ удобствъ; (14) третье — явленія природы, которыя страшатъ наши умы, какъ молніи, ненастья, бури, метели, градъ, опустошенія, моровая язва, землетрясенія и частый подземный гулъ, каменные дожди⁴⁾ и словно окровавленные

¹⁾ Какъ ни поразителенъ этотъ ходъ доказательства, однако его приводили, между прочимъ, стоики. На основаніи существованія дивинаціи заключали о существованіи боговъ и наоборотъ, — признавали необходимость дивинаціи на основаніи существованія боговъ. De div. 1, 10.

²⁾ Выраженіе не точно. Стоики не признавали врожденныхъ понятій; всѣ представленія основывались на впечатлѣніяхъ, выведенныхъ изъ опыта.

³⁾ 1, 37.

⁴⁾ Отъ вулканическихъ изверженій.

дождевыя капли¹⁾; затѣмъ обвалы или внезапныя разсѣлины земли, потомъ противуестественныя уроды между людьми и скотиною, потомъ появленіе на небѣ факеловъ²⁾, затѣмъ тѣ звѣзды, которыя греки называютъ кометами, а наши волосистыми (*cincinnatae*), которыя въ октавіанову войну³⁾ были предвѣстницами большихъ бѣдствій; затѣмъ двойное солнце⁴⁾, что, какъ я слышалъ отъ отца, случилось въ консульство Тудитана и Аквилія, въ тотъ годъ, въ который погасло другое солнце, П. Африканъ. Устрашенные этими явленіями люди догадывались, что есть какая то небесная и божественная сила. (15) Четвертое побужденіе и притомъ положительно самое великое — равномерность движенія и вращенія неба, солнца, луны и, вообще, всѣхъ созвѣздій, ихъ различіе, разнообразіе, красота и порядокъ. Взглядъ на все это уже самъ по себѣ достаточно указываетъ, что это не случайно. Такъ, если бы кто нибудь взошелъ въ какой-нибудь домъ, или гимназію, или на форумъ, то, видя во всемъ цѣлесообразность, мѣру, благоустройство, не могъ бы судить, что это происходитъ безъ причины, но понималъ бы, что есть нѣкто, который стоитъ во главѣ и которому повинуются; въ гораздо еще большей степени, въ виду столь великихъ движеній и столь великихъ чередованій, въ виду порядка въ столь многихъ и столь великихъ предметахъ, относительно которыхъ неизмѣримое и безконечное время никогда нисколько не обмануло человѣческихъ ожиданій, онъ долженъ будетъ рѣшить, что, по необходимости, столь великія природныя движенія управляются какимъ-то разумомъ.

VI. (16) Что касается Хрисиппа⁵⁾, то, хотя онъ и обладаетъ весьма проникательнымъ умомъ, однако говоритъ такъ, что кажется, будто не самъ открылъ это, а научился у самой природы. «Если» говоритъ онъ, «въ природѣ вселенной что-нибудь есть такое, чего не можетъ создать ни человѣческій разумъ, ни разумокъ, ни человѣческая сила,

1) Въ Италіи нѣрѣдко наблюдаются дождевыя капли, окрашенныя въ красный цвѣтъ метеорною пылью.

2) Метеоры.

3) Въ 87 г. въ отсутствіе Суллы вспыхнуло междоусобіе между консулами Гн. Октавіемъ и маріанцемъ Корнелиемъ Суллою. Изгнанный изъ Рима Цинна, при поддержкѣ Марія и Серторія, силою ворвался въ городъ. Въ происшедшемъ кровопролитіи палъ Октавій.

4) *Sen. nat. quaest. 1, 11: Graeci parhelia appellant. Sunt autem imagines solis in nube spissa et vicina in modum speculi.*

5) 1, 39.

ни могущество, то, конечно, существо, создавшее это, лучше человѣка. А какъ можно было бы лучше назвать это существо, если не богомъ? Ибо, если нѣтъ боговъ, что можетъ быть во вселенной лучше человѣка? У него, вѣдь, одного только разумъ, выше котораго ничего быть не можетъ. Если же какой нибудь человѣкъ полагаетъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего лучше, чѣмъ онъ, то это признакъ безумнаго высокомѣрія. Стало быть, есть нѣчто лучшее. Итакъ, существуетъ, конечно, божество».

(17) Или, можетъ быть, при видѣ большого и красиваго дома ты не можешь прийти къ убѣжденію, что онъ, хотя и не видишь хозяина, построенъ для мышей и ласочекъ? а если такое великолѣпіе міра, столь великое разнообразіе и красоту небесныхъ тѣлъ, столь много великихъ морей и земель сочтешь своимъ только жилищемъ, а не безсмертныхъ боговъ, то развѣ не покажется, что ты совершенный безумецъ?

Или, можетъ быть, мы не поймемъ даже и того, что все, расположенное въ болѣе высокихъ областяхъ, лучше, земля же расположена всего ниже и ее окружаетъ самый плотный воздухъ? Итакъ, по одной и той же причинѣ то же самое, что, какъ мы видимъ, приходится также на долю нѣкоторыхъ странъ и городовъ (именно, что умы людей тупѣе вслѣдствіе большей плотности атмосферы), пришлось на долю рода человѣческаго, такъ какъ люди поселены на землѣ, т. е. въ самой плотной области вселенной¹⁾.

(18) И однако, именно на основаніи существованія ума у людей мы должны думать, что существуетъ нѣкій разумъ, и притомъ болѣе проникательный, божественный. «Откуда, вѣдь, человѣкъ его схватилъ?» какъ говоритъ Сократъ у Ксенофонта²⁾. Да, если кто спроситъ, откуда въ насъ влага и тепло, разлитое въ тѣлѣ, и самая земляная плотность мяса, наконецъ, то воздухо-образное дыханіе, то намъ это ясно, потому что одно мы получили отъ земли, другое отъ влаги, иное отъ огня, а иное отъ того воздуха, который мы вдыхаемъ.

¹⁾ Развитіе мысли должно бы было итти слѣдующимъ образомъ: такъ какъ верхнія области лучше низкихъ, то и обитатели послѣднихъ ниже по своимъ качествамъ, чѣмъ обитатели верхнихъ, небесныхъ областей. Въ нашемъ мѣстѣ мысль не договорена.

²⁾ Мем. I, 4, 8: νοῦν δὲ λόγον ἄρα οὐδαμῶς ὄντα σε εἰδοχῶς πῶς δοκεῖ συναρπάσαι.

ВП. А гдѣ мы нашли, откуда достали то, что превосходить все это, я разумью разсудокъ и, если угодно въ большемъ количествѣ словъ, — разумъ, умъ, размышленіе, благоразуміе? Или, можетъ быть, все прочее находится въ мірѣ, а этого одного, что всего выше, въ немъ нѣтъ? Но, конечно, изо всего нѣтъ ничего лучше міра, ничего превосходнѣе, ничего прекраснѣе, и не только нѣтъ ничего, но нельзя и представить себѣ ничего лучшаго. И если нѣтъ ничего лучше разсудка и мудрости, то, по необходимости, эти качества имѣются въ томъ, что мы признали самымъ лучшимъ.

(19) А далѣе? Кого не заставитъ одобрить мои слова столь великая связь во всемъ¹⁾, согласная, единомышленная, непрерывная? Могла ли бы земля въ одно время цвѣсти, а въ другое цѣпенѣть отъ холода? или по столькимъ предметамъ²⁾, которые самостоятельно измѣняются, можно ли было бы узнавать приближеніе и удаленіе солнца въ дни лѣтняго солнечнаго поворота и въ кратчайшіе дни года? Приливы и отливы и морскія тѣснины³⁾ приводились бы въ движеніе восходомъ и захожденіемъ луны? И даже при одномъ только обращеніи всего неба могли бы сохраниться неравномѣрныя движенія⁴⁾ звѣздъ? Конечно, это не могло бы происходить такимъ образомъ и при взаимно гармоническомъ отношеніи всѣхъ частей вселенной, еслибы тѣ не сдерживались однимъ божественнымъ и непрерывно дѣйствующимъ духомъ.

(20) Эти положенія, если разсуждать о нихъ болѣе подробно и пространно, какъ я намѣренъ дѣлать, легко избѣгнуть нападокъ академикомъ; если же, по обыкновенію Зенона, дѣлать краткія и сжатые умозаключенія, тогда они болѣе открыты для нападеній. Ибо, какъ проточная вода или едва только или вовсе не портится, а въ замкнутомъ вмѣстилищѣ легко подвергается порчѣ, такъ и потокъ рѣчи сливается нападками хулителя, а краткая сжатая рѣчь не легко можетъ охранять самое себя.

1) *ἑρμᾶδες* стойковъ, т. е. органическая связь всѣхъ частей вселенной и ихъ взаимодѣйствіе. Для стойковъ міръ есть органическое цѣлое — τὸ ζῆλον.

2) Напр., растенія, которыя самостоятельно развиваются подъ вліяніемъ солнца.

3) Явленія прилива и отлива въ Средиземномъ морѣ наблюдаются преимущественно въ проливахъ.

4) Планеты и звѣздъ.

VIII. (21) То именно, о чемъ мы говоримъ пространно, Зенонъ такъ выражаетъ сжато: «То, что обладаетъ разумомъ, лучше того, что не обладаетъ разумомъ. Ничего нѣтъ лучше міра. Стало быть, міръ обладаетъ разумомъ». Подобнымъ образомъ можно доказать, что міръ мудръ; подобнымъ образомъ, что онъ блаженъ; подобнымъ образомъ, что онъ вѣченъ; ибо все, что имѣетъ эти качества, лучше того, что ихъ не имѣетъ. Но нѣтъ ничего лучше міра. Изъ этого выходитъ, что міръ есть богъ.

(22) Онъ же дѣлаетъ такое умозаключеніе: «Никакая часть чего либо, не обладающаго чувствомъ, не можетъ быть чувствующей. Части міра обладаютъ чувствомъ¹⁾. Стало быть, и міръ не лишенъ чувства». Онъ же продолжаетъ и выражается еще болѣе сжато: «Ничто», говоритъ онъ: «не обладающее душою и разумомъ, не можетъ отъ себя породить существо одушевленное и обладающее разумомъ. Міръ порождаетъ существа одушевленные и обладающія разумомъ. Стало быть, міръ одушевленъ и обладаетъ разумомъ». Онъ же, какъ часто дѣлаетъ, посредствомъ сравненія сдѣлалъ заключеніе такимъ образомъ: «Еслибы на маслинѣ выросли мелодически играющія флейты, то развѣ можно было бы сомнѣваться, что у маслины имѣется нѣкоторое знаніе игры на флейтѣ? А еслибы платаны производили ритмически звучащіе струнные инструменты, то, конечно, также можно было бы думать, что платанамъ присуща музыкальность. Итакъ, почему же не считать міра одушевленнымъ и мудрымъ, въ виду того, что онъ изъ себя порождаетъ одушевленные и мудрыя существа?»

IX. (23) Но такъ какъ я началъ говорить иначе, чѣмъ сказалъ въ началѣ (я именно сказалъ, что эта первая часть не нуждается въ рѣчи, потому что-де для всѣхъ очевидно существованіе боговъ), то всетаки желаю подкрѣпить это самое положеніе физическими доводами. Дѣло, именно, въ томъ, что весь органическій міръ заключаетъ въ себѣ элементъ теплоты²⁾, безъ котораго не можетъ ни питаться, ни расти. Ибо все, что тепло и огненно, возбуждается и приводится въ движеніе

¹⁾ Насколько человекъ есть часть міра. Лактанцій (2, 5) указываетъ на слабость этой аргументаціи: *Si mundi pars est homo, quia mortalis est homo, mortalis sit et mundus necesse est, nec tantum mortalis, sed etiam omnibus morbis subiectus.*

²⁾ Этотъ „тепловой элементъ“ стоиковъ должно понимать въ матеріальномъ смыслѣ, потому что только матеріальное, по ученію стоиковъ, имѣетъ дѣйствительное существованіе.

своей собственной силой, а то, что питается и растеть, пользуется нѣкоторымъ опредѣленнымъ и равномернымъ движеніемъ. Какъ долго оно остается въ насъ, столь же долго остается чувство и жизнь. Когда же теплота прекратится и потухнетъ, то и мы сами погибаемъ и гаснемъ.

(24) А сколько теплоты во всякомъ тѣлѣ, Клеанъ поясняетъ еще слѣдующими доказательстами. Онъ говоритъ, что нѣтъ никакой столь тяжелой пищи, которая бы не сварилась въ теченіе дня и ночи; еще и въ остаткахъ ея, извергаемыхъ природою, заключается теплота. Затѣмъ, жилы и артеріи не перестаютъ пульсировать, словно какимъ-то огненнымъ движеніемъ, и часто было замѣчаемо, что исторгнутое сердце какого-нибудь животнаго трепетало съ такой подвижностью, что подражало быстротѣ огня. Итакъ, все живущее, животное или растеніе, живетъ вслѣдствіе заключенной въ немъ теплоты. Изъ этого должно понять, что этотъ тепловой элементъ имѣетъ въ себѣ жизненную силу, простирающуюся на всю вселенную.

(25) Мы это легче увидимъ, точнѣе изяснивъ все свойство этого всепроникающаго огня. Итакъ, всѣ части міра (я буду касаться самыхъ важныхъ) поддерживаются, благодаря теплотѣ. Прежде всего, это можно ясно видѣть на элементѣ-землѣ. Ибо мы видимъ, что и отъ взаимнаго удара камня о камень высѣкается огонь, и что при свѣжемъ копаніи земля дымится отъ теплоты, а изъ неизсякающихъ колодцевъ добывается теплая вода, и это происходитъ преимущественно въ зимнее время, потому что большое количество теплоты заключается въ пещерахъ земли, а послѣдняя зимою плотнѣе и по этой причинѣ крѣпче удерживаетъ вложенную въ нее теплоту¹⁾.

Х. (26) Слишкомъ длинна была бы рѣчь, и много доводовъ, посредствомъ которыхъ можно было бы доказать, что всѣ сѣмена, воспринимаемая землею, и всѣ растенія, которыя она, сама родивши изъ себя²⁾, удерживаетъ, всходятъ и растутъ вслѣдствіе надлежащей мѣры теплоты. Что и съ водой также соединена теплота, доказываетъ прежде всего жидкій составъ воды и способность ея разливаться. Она и не замерзала бы отъ холодовъ и не густѣла бы ни отъ снѣга, ни отъ инея,

¹⁾ Lucr. 6, 845: Frigore cum premitur porro omnis terra coitque et quasi concrescit, fit scilicet, ut coeundo exprimat in puteos, si quem gerit ipsa calorem.

²⁾ Theophr. hist. pl. 2, 1. αἱ γενέσεις τῶν φυτῶν ἢ αὐτόματα ἢ ἀπὸ σπέρματος.

еслибы она же, отъ присоединенія теплоты растаявши и сдѣлавшись жидкой, не разливалась. Такимъ образомъ, отъ сѣвернаго вѣтра и другихъ холодовъ влага твердѣетъ, и она же опять размягчается, будучи согрѣтой, и таетъ отъ теплоты. Затѣмъ и моря, волнуемая вѣтрами, настолько согрѣваются, что можно легко понять, что въ этихъ столь великихъ массахъ воды заключена теплота. И эту теплоту должно считать не пришлою извнѣ, но вызванною волненіемъ изъ самыхъ внутреннихъ частей моря, что случается также и съ нашимъ тѣломъ, когда оно дѣлается теплымъ отъ движенія и упражненія. Даже самъ воздухъ, который по своей природѣ наиболѣе холоденъ,¹⁾ вовсе не лишень теплоты. (27) Наоборотъ, онъ соединенъ съ теплотою, и даже съ большимъ ея количествомъ. Самъ онъ, именно, происходитъ отъ испаренія водъ; воздухъ, вѣдь, должно считать словно, такъ сказать, паръ отъ нихъ; а паръ происходитъ отъ движенія заключающейся въ водѣ теплоты. Сходство съ этимъ явленіемъ мы можемъ наблюдать на водѣ, которая кипитъ на огнѣ. Затѣмъ, остающаяся четвертая стихія²⁾ міра и сама цѣликомъ по своей природѣ горяча и всѣмъ прочимъ стихіямъ удѣляетъ спасительную и животворную теплоту. (28) Изъ этого выводять заключеніе, что, такъ какъ всѣ стихіи міра поддерживаются теплотою, то и самъ міръ также сохраняется въ такой продолжительности подобной и одинаковой стихіей, и тѣмъ болѣе, что, какъ должно понять, та теплота и огонь настолько разлиты во всей природѣ, что въ нихъ заключена сила произрожденія и причина творенія. Отъ нихъ, по необходимости, рождается и растетъ все живое и весь растительный міръ.

XI. (29) Есть, стало быть, элементъ, который поддерживаетъ органическую связь міра и охраняетъ его, и притомъ не безъ чувства и разума. Все, вѣдь, въ мірѣ, что не первично и не просто, а соединено и связано съ другимъ, по необходимости, имѣетъ въ себѣ нѣчто первенствующее, какъ напримѣръ, въ человѣкѣ разумъ, въ животномъ нѣчто похожее на разумъ, изъ чего исходятъ стремленія къ разнымъ предметамъ.³⁾ Въ деревьяхъ и, вообще, растительномъ царствѣ, пер-

¹⁾ Стойки приписывали стихіямъ опредѣленные признаки; такъ, огню — теплоту, водѣ — влажность, воздуху — холодъ, землѣ — сухость. Признаки однихъ стихіи могли соединяться въ извѣстной степени съ другими; такъ, съ водою — теплота, холодъ и т. д.

²⁾ Огненный эфиръ.

³⁾ Имѣется въ виду инстинктъ.

венствующее начало заключается, какъ полагають, въ корняхъ. Первенствующимъ началомъ я называю то, что греки зовутъ ἡγεμονικόν, и превосходитъ чего не можетъ и не должно быть ничего въ каждомъ родѣ. Такимъ образомъ также и то, въ чемъ заключается первенствующее начало всей природы, по необходимости, лучше всего и всего достойнѣе безграничнаго господства надъ всѣмъ. (30) Мы видимъ, что въ частяхъ міра (ничего, вѣдь, нѣтъ во всемъ мірѣ, что не было бы частью вселенной) заключается чувство и разумъ. Въ той, стало быть, части,¹⁾ въ которой заключается первенствующее начало міра, по необходимости, заключаются эти качества, и притомъ болѣе проникательныя и болѣе совершенныя. Поэтому міръ, по необходимости, мудръ, и тотъ элементъ, который все обнимаетъ и держитъ, превосходитъ все совершенствомъ разума, и потому міръ есть богъ, и органическая связь всей вселенной поддерживается божественнымъ элементомъ.²⁾ Притомъ этотъ огонь вселенной болѣе чистъ, прозраченъ и подвиженъ и, по этимъ причинамъ, болѣе удобенъ для возбужденія чувствъ,³⁾ чѣмъ эта наша теплота, благодаря которой предметы, намъ извѣстные, сохраняются и живутъ.

(31) Поэтому неразумно утверждать, что, между тѣмъ какъ люди и звѣри поддерживаются этой теплотой и потому двигаются и чувствуютъ, міръ не имѣетъ чувства, міръ, который поддерживается чѣмъ инымъ, свободнымъ и чистымъ огнемъ, и притомъ самымъ проникательнымъ и подвижнымъ, тѣмъ болѣе, что этотъ огонь, составляющій принадлежность вселенной, приходитъ въ движеніе не вслѣдствіе побужденія кого-либо и не по внѣшнему импульсу, но самъ собою, добровольно. Вѣдь, что можетъ быть сильнѣе міра, что могло бы побуждать и приводить въ движеніе ту теплоту, которою тотъ поддерживается?

ХІІ. (32) Послушаемъ, что говоритъ объ этомъ⁴⁾ Платонъ, божество, такъ сказать, философъ. На его взглядъ, есть два движенія: одно свое собственное, другое возбуждаемое извнѣ. То, что само приводится въ движеніе по своему усмотрѣнію, божественнѣе того, что побуждается чужимъ толчкомъ. Первое движеніе, какъ онъ утверждаетъ, заключается только въ душахъ, и отъ нихъ, по его мнѣнію,

¹⁾ Въ эфирѣ.

²⁾ Стало быть, стоики представляли себѣ всю вселенную въ качествѣ живого существа (ζῳον), разумная душа котораго есть божество.

³⁾ Ожидалось бы: для чувственного воспріятія.

⁴⁾ Plato. Phaedrus p. 245 с.

идеть начало движенія. Поэтому,¹⁾ такъ какъ всякое движеніе происходитъ отъ огня вселенной, а этотъ огонь приводится въ движеніе не чужимъ импульсомъ, а по своему собственному усмотрѣнію, то, по необходимости, онъ есть душа. Изъ этого слѣдуетъ, что міръ одушевленъ. Изъ этого также можно будетъ уразумѣть, что въ немъ есть умъ, потому что, конечно, міръ лучше, чѣмъ какое-либо существо. Именно, какъ нѣтъ никакой части въ нашемъ тѣлѣ, которая бы не была менѣе важной, чѣмъ мы сами, такъ и вся вселенная, по необходимости, имѣетъ большія достоинства, чѣмъ какая нибудь часть вселенной. Если это такъ, то міръ, по необходимости, мудръ. Ибо, еслибы это было не такъ, то человѣкъ, составляющій часть міра, въ виду того, что обладаетъ разумомъ, долженъ бы былъ стоять выше, чѣмъ весь міръ.

(33) И даже, если мы пожелаемъ отъ самыхъ низкихъ, неразвитыхъ существъ подвигаться впередъ до самыхъ высокихъ и совершенныхъ, мы, по необходимости, дойдемъ до божественнаго существа. Именно, прежде всего²⁾ мы замѣчаемъ, что природа поддерживаетъ растительное царство, которому не удѣлила ничего больше, кромѣ того, что его охраняетъ, питая и давая ростъ. (34) Звѣрямъ же дала она чувство и движеніе и съ какою-то способностью хотѣть стремленіе къ спасительному и отвращеніе отъ гибельнаго; человѣку она дала это въ ббльшей степени, потому что прибавила³⁾ разумъ, который бы управлялъ страстными пожеланіями, и то давалъ бы имъ волю, то сдерживалъ бы ихъ.

XIII. Четвертая и самая высокая ступень принадлежитъ тѣмъ существамъ, которыя рождаются добрыми и мудрыми отъ природы, которымъ съ самаго начала врожденъ правильный и всегда одинаковый разумъ; а таковой должно считать выше человѣческаго разума и должно приписать божеству, то есть міру, въ которомъ, по необходимости, находится тотъ совершенный и законченный разумъ.

(35) Нельзя, вѣдь, говорить, чтобы въ какомъ либо устройствѣ не было чего нибудь самаго высокаго и совершеннаго. Именно, какъ мы

¹⁾ По ученію Платона, душа не матеріальна. Поэтому, рассужденіе не въ духѣ Платона.

²⁾ Все, существующее на землѣ, стоики дѣлили на четыре класса: 1) міръ неорганической, 2) растительный, 3) животный и 4) люди.

³⁾ Посидоній, слѣдуя Аристотелю, полагалъ, что всѣ высшія ступени душевной жизни заключаютъ въ себѣ и низшія.

видимъ, что въ виноградной лозѣ, что въ скотинѣ, если не воспрепятствовала какая нибудь сила, природа при правильномъ развитіи достигаетъ предѣла, и какъ живопись, и зодчество, и прочія искусства достигаютъ нѣкоторой степени совершенства въ своемъ произведеніи, такъ и во вселенной, и гораздо еще болѣе, по необходимости, достигается законченность и совершенство. Ибо прочимъ существамъ много внѣшнихъ обстоятельствъ можетъ препятствовать совершенствоваться, а вселенной ничто не можетъ препятствовать, потому что она ни отъ чего независимо сама содержитъ въ себѣ все существа. Поэтому, необходимо существованіе¹⁾ той четвертой и высшей ступени, къ которой не можетъ подступиться никакая (враждебная) сила.

(36) А это та ступень, на которую ставятъ вселенную. Такъ какъ послѣдняя такова, что, съ одной стороны, стоитъ во главѣ всего, а, съ другой, ничто не можетъ ей препятствовать, то, по необходимости, вселенная умна и даже, сверхъ того, мудрая²⁾. Что невѣжественнѣе утвержденія, что то существо, которое все собою обнимаетъ, не самое лучшее, или, такъ какъ оно самое лучшее, отказа назвать его, во первыхъ, — одушевленнымъ, затѣмъ — обладающимъ разумомъ и умомъ и, на послѣдокъ, мудрымъ? Ибо какимъ образомъ оно можетъ быть иначе самымъ лучшимъ? Ибо, еслибы оно было похоже на растенія или даже звѣрей, не должно бы было считать его самымъ превосходнымъ, а скорѣе самымъ несовершеннымъ, и, еслибы оно обладало разумомъ, но однако не было бы мудрымъ съ самаго начала, положеніе міра было бы скорѣе хуже человѣческаго. Человѣкъ, вѣдь, можетъ сдѣлаться мудрымъ³⁾, а вселенная, если она была неразумной въ вѣчный промежутокъ истекшаго времени, конечно, никогда не достигнетъ мудрости; такимъ образомъ, она будетъ ниже человѣка. Такъ какъ это бессмысленно, то вселенную надо считать и мудрою съ начала и божествомъ. (37) Нѣтъ, вѣдь, кромѣ міра никакого иного существа, которое бы ни въ чемъ не имѣло недостатка и которое бы во всѣхъ отношеніяхъ было цѣлесообразно и абсолютно совершенно и закончено.

¹⁾ Ожидалось бы заключеніе въ томъ смыслѣ, что, за отсутствіемъ препятствій къ совершенству, четвертая ступень самая совершенная.

²⁾ Здѣсь не дѣлается различія между господствующимъ во вселенной элементомъ — міровой душою, которой долженъ быть приписанъ этотъ предикатъ, и самой вселенной.

³⁾ Sen. ep. 90, 46: *virtus (= sapientia) non contingit animo nisi instituto et edocto et ad summum assidua exercitatione perducto.*

драму можно сравнить съ нашей пантомимой. Въ ней встрѣчаются страшныя и трагическія приключенія, а между тѣмъ главное лицо, вполнѣ степенное, обставлено комическими аксессуарами, гдѣ играютъ постоянную роль сатиры. Мы имѣемъ понятіе объ этомъ родѣ драмы по сатирической пьесѣ Еврипида Циклопъ.

Древніе, однако, литературную обработку сатирической драмы приписывали старшему современнику Хойрила, **Пратинѣ** (*Πρατίνης*) изъ Фліунта*), дѣятельность котораго относятъ къ 500 году до Р. Х. Самыя произведенія Пратины совсѣмъ неизвѣстны намъ.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ первому гениальному трагику, Эсхилу, познакомимъ читателя вратчѣ съ построеніемъ греческой трагедіи.

Греческая трагедія состояла обыкновенно изъ слѣдующихъ частей:

1. *Πρόλογος*, соотвѣтств. нашему I-му акту; такъ называлась часть драмы предъ первымъ выходомъ хора;
2. *Πάροδος*, выступленіе хора на сцену; этимъ-же словомъ называлась и первая лирическая пѣснь хора;
3. *Ἐπεισόδιον πρῶτον*, или первый эпизодъ, соотв. II акту**);
4. *Στάσιμον πρῶτον*, первая пѣснь, которую исполнялъ хоръ, стоя на мѣстѣ (при *πάροδος* онъ дѣлалъ движеніе);
5. *Ἐπεισόδιον δεύτερον*, соотвѣт. III-му акту;
6. *Στάσιμον δεύτερον*, вторая пѣснь хора;
7. *Ἐπεισόδιον τρίτον*, актъ IV-й;
8. *Στάσιμον τρίτον*, третья пѣснь хора;
9. *Ἐξοδος*, актъ 5-й.

Итакъ, греческая трагедія состояла обыкновенно изъ 5-ти актовъ, раздѣленныхъ четырьмя пѣснями хора. Первый актъ назывался *πρόλογος*, послѣдній *ἔξοδος*, остальные *ἐπεισόδια*. И во время самаго эпизода могли пѣться хоровыя пѣсни, въ которыхъ участвовали не только хористы, но и актеры; такъ бывало, когда приходилось выразить плачь, и тогда пѣсня называлась *κομικός*; пѣсня, исполняемая однимъ актеромъ на сценѣ, называлась *ἀπὸ σκηνῆς*.

Драматическія представленія давались у Аѳинянъ во время праздниковъ въ честь Діониса. Такихъ праздниковъ было четыре. 1. Діонисіи сельскія (*Διονύσια τὰ κατ' ἀγρούς*) въ декабрѣ, 2. Ленэйскія или Ленэи (*Λήναια*) въ январѣ, 3. *Ἀνθεστήρια* въ февралѣ и 4. Діонисіи великія (*μεγάλα* или *τὰ ἐν ἄστεϊ*) въ мартѣ. Сельскія Діонисіи были самыми древними, и праздновали ихъ не въ Аѳинахъ, а въ домахъ, гдѣ, во время развитія драмы, довольствовались обыкновенно постановкою тѣхъ пьесъ, которыя раньше были уже представлены въ Аѳинахъ. Ленэйскія Діонисіи были

*) Флиудъ, независимый городъ на сѣв.-вост. Пелопоннеса.

**) Этимологія слова *ἐπεισόδιον* = то, что слѣдуетъ за входомъ (хора). Такое названіе давалось частямъ пьесы между двумя пѣснями хора, которыя-то и составляли самое дѣйствіе драмы, или содержаніе пьесы.

учреждены въ эпоху Пизистрата, и на этомъ праздникѣ состязались съ своими трагедіями Фринихъ, Хойриль, Пратина и Эсхиль. Немного спустя послѣ Персидскихъ войнъ были учреждены и Великія Діонисіи; съ этого времени вошло въ обычай ставить трагедіи въ дни Великихъ Діонисіевъ, а на Ленеискихъ Діонисіяхъ играли комедіи. Впрочемъ, такого порядка не всегда держались.

Всѣ новыя пьесы давались обыкновенно въ состязательномъ порядкѣ. Великими Діонисіями завѣдывалъ архонтъ-эпонимъ. Авторы-драматурги, желавшіе состязаться, предлагали свои пьесы архонту, и, если архонтъ допускалъ поэта на состязаніе, то онъ „давалъ ему хоръ“, т. е. назначалъ ему хорега, обязаннаго поставить на сцену обученный и приготовленный хоръ*). — Какъ велись самыя состязанія, о томъ мы почти ничего не знаемъ. Что же касается распредѣленія наградъ, то это дѣлали 10-ть судей, выбиравшихся по жребію по одному изъ филоу. Каждая побѣда отмѣчалась на треножникѣ, воздвигавшемся на красивомъ столбѣ или зданіи. Такая отмѣтка называлась *διδασκαλία*, и содержаніемъ ея были свѣдѣнія о представленныхъ къ состязанію драмахъ, объ авторахъ ихъ, о мѣстѣ и времени представленія и объ успѣхѣ драмы. Эти *дидаскаліи* впервые были собраны Аристотелемъ, и изъ нихъ Аристофанъ Византій, знаменитый грамматикъ III-го вѣка до Р. Х., составилъ впоследствии свои неоцѣненные предисловія ко всѣмъ пьесамъ.

Актеры играли въ маскахъ (*πρόσωπα*), представлявшихъ извѣстные типы, надѣвали парики и высокіе сапоги (*κόθουρος*). Для увеличенія объема тѣла подкладывались подушки. Въ комедіяхъ маски были иного типа, чѣмъ въ трагедіяхъ. [Со всѣми этими аксессуарами можетъ читатель познакомиться въ книгѣ Велишскаго: Бытъ грековъ и римлянъ].

[Есть не мало различныхъ школьныхъ пособій, изъ которыхъ можно подробно познакомиться съ устройствомъ театра древнихъ грековъ, но особенно въ этомъ случаѣ можно рекомендовать книгу Велишскаго, довольно распространенную, подъ заглавіемъ: Бытъ грековъ и римлянъ. Прага 1878].

Итакъ, греческая трагедія, въ ея простѣйшемъ видѣ, была создана Теспидомъ, Фринихомъ, Хойриломъ и Пратиной; Аѳины уже имѣли особое зданіе театра; сценическіе приемы были выработаны, и періодически происходили состязанія въ драматическихъ произведеніяхъ. Весь матеріалъ, необходимый для настоящей трагедіи былъ готовъ; оставалось только ожидать появленія гениальнаго мастера.

Такими гениальными драматургами были: Эсхиль, Софокль и Еврипидъ, жившіе и дѣйствовавшіе послѣдовательно одинъ за другимъ.

Эсхиль (*Αἰσχύλος*, 525—456 г.) родился въ Елевзинѣ, гдѣ совершались извѣстныя мистеріи. Въ 490 году Эсхиль сражался въ рядахъ греческихъ войскъ, на Марафонскомъ полѣ. Но уже за шесть лѣтъ передъ тѣмъ онъ

*) Хорегъ въ этомъ случаѣ несъ почетную государственную повинность, называвшуюся *χορηγία*.

одержалъ побѣду въ состязаніи съ Пратиной. Изъ семидесяти трагедій Эсхила 52 были увѣнчаны первой наградою. По причинамъ, различно объясняемымъ, Эсхиль за три года до смерти удалился изъ Аѳинъ въ Сицилію, гдѣ былъ принятъ съ величайшими почестями. Тамъ онъ умеръ въ 456 году отъ удара черепахи, случайно упавшей ему на голову изъ когтей орла. Аѳиняне почтили память его честью, которая не была оказана ни одному поэту: они пожелали, чтобы его трагедіи вновь появлялись на драматическихъ состязаніяхъ. Въ Аѳинахъ была сооружена ему статуя, и аѳинскій театръ былъ украшенъ его изображеніемъ. Двѣ послѣднія почести были оказаны также Софоклу и Еврипиду.

Характеристическую черту Эсхилovýchъ трагедій составляетъ величавость и возвышенность какъ мыслей, такъ и языка, при чемъ образы въ его твореніяхъ и общій тонъ его стиля даютъ чувствовать происхожденіе его драмы изъ лирической пѣсни. Идея, проникающая всѣ произведенія Эсхила, это — рокъ, могущественный и страшный, который царитъ не только надъ людьми, но и надъ богами, и деспотически направляетъ всѣ ихъ дѣйствія; благодаря присутствію этой идеи, трагедіи Эсхила преисполнены чѣмъ-то въ родѣ религіознаго ужаса; суровый судъ рока, а то и слѣпой капризъ его мѣняютъ безпрестанно судьбу могущественнѣйшихъ родовъ и даже цѣлыхъ націй. Отсюда весь трагизмъ и то сверхчеловѣческое величіе, въ какомъ представляются намъ дѣйствующія лица въ борьбѣ ихъ со столь неодолимымъ противникомъ.

Изъ 70-ти трагедій Эсхила до насъ дошло только семь: 1. Персы (Πέρσαι), 2. Семеро противъ Тивъ (Ἑπτὰ ἐπὶ Θήβας), 3. Прикованный Прометей (Προμηθεὺς δεσμώτης), 4. Молящія (Ἰκέτιδες), 5. Агамемнонъ (Ἀγαμέμνων), 6. Хозфоры (Χοηφόροι) и 7. Евмениды (Ἐμμενίδες). Послѣднія три трагедіи составляли трилогію*), подъ названіемъ Орестея (Ὀρέστεια). По грандіозности замысла и по художественной законченности эта трилогія считается однимъ изъ величайшихъ твореній міра. Содержаніе этой трилогіи составляетъ въ высшей степени трагическая исторія дома Атридовъ, начиная съ измѣны Клитемнестры и убійства ею своего мужа, Агамемнона, и окончивая преступною местию Ореста-матереубійцы, местию, связанною съ поэтически-изображенными въ лицѣ Евменидъ угрызеніями совѣсти сына-убійцы, который въ послѣдствіи освобождается отъ преслѣдованія неумолимыхъ Ериній или Евменидъ, только благодаря заступничеству

*) Со времени Эсхила установилось правило, чтобы во время трагическихъ состязаній въ Діонисовы праздники каждый состязующійся поэтъ представлялъ 4-ре драмы: три трагедіи и одну сатирическую драму. Такихъ 4-ре драмы составляли одно подъ названіемъ тетралогіи. Три же трагедіи, безъ сатирич. драмы, составляли то, что называлось у древнихъ трилогіей. Эти три трагедіи давались одна влѣдъ за другою, такъ-какъ сюжетомъ ихъ служило, по большей части, одно сказаніе. До насъ дошла цѣликомъ только одна трилогія, — Эсхилова Орестея.

Паллады Аѳины *). — Прикованный Промеѳей есть отъ начала до конца грандіознѣйшая картина казни и мукъ гордаго Титанида, полного сознанія великихъ услугъ, оказанныхъ имъ челоѳчеству, и не желающаго уступить волю верховнаго бога-Зевса. — Трагедія Персы интересна какъ первая попытка грековъ поставить пьесу изъ современной исторіи. Дѣйствіе происходитъ въ Сузахъ. Персидскіе старцы (хоръ) совѣщаются о дѣлахъ въ отсутствіе царя Ксеркса. Наконецъ, является и самъ царь, вернувшійся съ похода безъ войска, безъ кораблей, безъ блестящей и многочисленной свиты, въ беспорядочной одеждѣ, убитый горемъ. Для грековъ главный интересъ пьесы заключался въ повѣствованіи дѣйствующихъ лицъ о радостныхъ для нихъ эпизодахъ войны, о бѣгствѣ Персовъ черезъ Геллеспонтъ, о битвахъ при Саламинѣ и Платеяхъ.

Трагедія Семеро противъ Тивъ имѣетъ содержаніемъ своимъ сказаніе о борьбѣ между сыновьями Эдипа, Етеокломъ и Полиномъ. Трагедія эта исполнена боеваго духа героическихъ временъ, такъ-что самъ Эсхиль (у Аристофана, *Βάρραχοι*) говоритъ о ней, какъ о драмѣ, „полной Арес“ **).

Умоляющія, драма, представляющая лучшій образецъ ранней, простой трагедіи, развитой Эсхиломъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой пьесѣ является хоръ, именно 50 дочерей Даная, прибывшихъ въ Аргосъ просить защиты отъ преслѣдованія двоюродныхъ братьевъ, сыновей Египта.

Въ техническомъ отношеніи заслуга Эсхила для греческой драмы состояла въ томъ, что онъ къ одному Теспидовому актеру прибавилъ еще другаго, и въ первыхъ своихъ пьесахъ (Умоляющія, Персы, Приков. Промеѳей) онъ вводитъ уже двухъ актеровъ, а въ послѣднихъ (въ Орестеѣ) даже трехъ, воспользовавшись въ этомъ случаѣ усовершенствованіемъ своего новаго соперника, Софокла, со времени котораго постоянно уже дѣйствуютъ три актера (*ὀποκρίται* ***), называвшіеся, по значенію своихъ ролей, первый протагонистомъ, *πρωταγωνιστής*, второй девтерагонистомъ, *δευτεραγωνιστής*, и третій тритагонистомъ, *τριταγωνιστής* †). — Хоръ въ трагедіяхъ

*) Съ содержаніемъ этой Орестей можно познакомиться въ прекрасной и общедоступной книгѣ Штоля Мнѣ классической древности, или въ Исторіи всеобщей литературы Корша. Поэтически изложено въ той-же книгѣ Штоля и содержаніе Приков. Промеѳей. Впрочемъ, эта послѣдняя трагедія есть и въ переводѣ на русскій яз. (Апфельрота).

**) Стихъ 1021: *δρᾶμα ποιήσας Ἄρεςος μιστόν*.

***) Кромѣ актеровъ, могло быть въ трагедіи и неопредѣленное число статистовъ, или пѣмьхъ лицъ, *χωρᾶ πρόσωπα*.

†) Древнія комедіи тоже исполнялись обыкновенно тремя актерами. Греческіе драматурги составляли свои трагедіи такъ, что всѣ роли могли быть распределены между тремя актерами, и нѣсколько ролей обыкновенно возлагалось на тритагониста, хотя и первые два актера иной разъ, кромѣ своихъ главныхъ, брали на себя выполненіе и второстепенныхъ ролей. Женская роль обыкновенно исполнялась девтерагонистомъ.

Эсхила, кромѣ трагедіи Умоляющія, состоялъ обыкновенно изъ 15-ти человекъ, рѣже, какъ у Софокла, изъ 12-ти*). Въ это число входилъ и глава хора, называвшійся корифѣемъ, *κορυφαῖος*; если хоръ принималъ участіе въ самомъ дѣйствіи, то съ дѣйствующимъ лицомъ вступалъ въ разговоръ не весь хоръ, а отъ имени его одинъ корифѣй.

Софокль (*Σοφοκλῆς*, 495—406), уроженецъ дема *Κολωνός*, того самого, гдѣ происходитъ дѣйствіе одной изъ лучшихъ его трагедій (Эдипъ въ Колонѣ). Поэтъ рано обнаружилъ свои необыкновенныя способности. Послѣ Саламинской битвы, пятнадцати или восемнадцати лѣтъ отъ роду, онъ былъ поставленъ во главѣ хора юношей, исполнявшихъ побѣдный гимнъ и круговую пляску предъ трофеями побѣдителей. Софокль 20 разъ оставался побѣдителемъ на драматическихъ состязаніяхъ, иногда попадалъ на второе мѣсто, но никогда на третье. Послѣ представленія Антигоны Аѳиняне оказали ему особенную почесть: они избрали его въ стратеги, хотя онъ не обнаружилъ никакихъ особенныхъ военныхъ способностей. Сохранилось преданіе, что за нѣсколько времени передъ смертью сынъ Софокла просилъ лишить правъ старика-поэта, ссылаясь на его помѣшательство; но судъ призналъ жалобу сына неосновательной. Говорятъ, что Софокль вмѣсто отвѣта на заявленіе сына, прочелъ судьямъ одно мѣсто изъ своего Эдипа въ Колонѣ.

Софокль написалъ болѣе ста трагедій, изъ которыхъ сохранилось только семь. 1. Антигона (*Ἀντιγόνη*), 2. Электра (*Ἠλέκτρα*), 3. Трахинянки (*Τραχίνιαι*), 4. Царь Эдипъ (*Οἰδίπους Τύραννος*), 5. Аяксъ или Эантъ (*Αἴας, Αἴαχ*), 6. Филоктеть (*Φιλοκτῆτης*) и 7. Эдипъ въ Колонѣ (*Οἰδίπους ἐπὶ Κολωνῶν*).

Казалось, что послѣ Эсхила драматическому искусству была закрыта дорога къ дальнѣйшему совершенствованію. Если Софокль уступалъ Эсхилу въ поэтическомъ отношеніи, а Еврипиду въ философскомъ, за то онъ, несомнѣнно, превосходилъ обоихъ съ художественной стороны. Потому-то онъ и нашелъ столько подражателей среди Римлянъ и Французовъ, тогда-какъ Эсхиль и Еврипидъ сильнѣе вліяли на болѣе глубокихъ англійскихъ поэтовъ.

Техническія усовершенствованія, сдѣланныя Софокломъ въ его трагедіяхъ, немногочисленны и не важны. Онъ сократилъ хоръ съ 15-ти человекъ на двѣнадцать и прибавилъ третьяго актера, хотя, можно думать, въ Эдипѣ въ Колонѣ выступалъ еще и четвертый. Софокль повинулъ также обычай писать тетралогіи. Кромѣ того, ему приписываютъ сценическую архитектуру, т. е. разрисовку сцены. Хоръ у него пересталъ играть ту чуть не первостепенную роль, какую онъ игралъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ пьесахъ, у Эсхила, и низведенъ по большей части на степень простаго зрителя.

Ни одна трагедія Софокла не была такъ восторженно принята Аѳинянами, какъ Антигона, слышавшая за 32-е произведеніе нашего поэта. Первое, что бросается въ глаза въ настоящей пьесѣ, это обрисовка характера, или то, что называлось *ἡθοποιία*, и что вообще въ произведеніяхъ Софокла играетъ

*) Въ хорѣ комедіи было обыкновенно 24 хоревта.

первостепенную роль, тогда-какъ въ твореніяхъ Эсхила люди больше подчиняются ходу великой катастрофы, увлекающей ихъ въ ихъ роковомъ развитіи, хотя и Софокль не устраняетъ совершенно дѣйствія рока, какъ то доказываетъ его Царь Эдипъ. Въ трагедіи же Антигона аѳиняны поразилъ и очаровалъ возвышеннѣйшій характеръ дѣвушки-дочери, которая идетъ на вѣрную бѣду и добровольно приноситъ себя въ жертву ради лишь исполненія нравственнаго долга. Если въ этомъ случаѣ трагедія Софокла не такъ грандіозна, какъ трагедія Эсхила, за то она болѣе человѣчна. Съ содержаніемъ этой драмы, при томъ-же поэтически изложеннымъ, можно познакомиться въ книгѣ Штоля *), или въ переводѣ Водовозова **).

Многіе, и не безъ основанія, считаютъ другую драму Софокла Царь Эдипъ совершеннѣйшимъ созданіемъ не только Софокла, но всей аѳинской драматической литературы. И Аристотель въ своей Поэтикѣ придаетъ этой трагедіи какъ-бы значеніе образца. Не трудно понять, до какой степени долженъ былъ поражать зрителя образъ Эдипа, возвеличеннаго сначала до положенія царя, всѣми глубоко уважаемаго и любимаго, и потомъ упавшаго въ бездну скорби: человѣкъ, дотолѣ безупречный, вдругъ изобличается въ самыхъ страшныхъ преступленіяхъ, въ убійствѣ отца и въ женитьбѣ на матери; а между тѣмъ оба преступленія совершены безъ всякаго со стороны Эдипа умысла. Что можно было выбрать болѣе трагичное? И построена вся трагедія чрезвычайно художественно: дѣйствіе открывается сценой стариковъ, собравшихся подлѣ дворца Эдипа у жертвенника и умоляющихъ боговъ объ отвращеніи мора.

Выходитъ Эдипъ. Онъ говоритъ ѳиванцамъ ***):

О, дѣти бѣдныя,
 Не безызвѣстно мнѣ, зачѣмъ пришли вы.
 Я знаю, что вы всѣ больны; но, дѣти,
 Никто изъ васъ не боленъ такъ, какъ я.

 Чтò могъ придумать въ долгой думѣ,
 Тò сдѣлалъ я, и сына Меноея,
 Креонта, зятя моего, въ пѳейскій
 Домъ Феба я послалъ, чтобъ онъ спросилъ,
 Какимъ я словомъ или дѣломъ городъ
 Изъ этой бездны золь могу извлечь.

Въ это самое время приближается Креонтъ. Онъ объявляетъ отвѣтъ оракула, что ѳивы, если хотятъ избавиться отъ мора, должны или казнить, или изгнать изъ своей среды убійцу Лая †). Но о смерти Лая въ ѳивахъ

*) Миѳы классической древности, ч. I.

**) СПб. 1873. (Классная бібліотека, изд. Исакова, вып. 9-й).

***) Излагая содержаніе Царя Эдипа, мы приводимъ выдержки изъ трагедіи по переводу московск. профессора Шестакова, помѣщенному во II-й кн. Прописевъ.

†) Въ ѳивахъ нѣкогда царствовалъ Лай съ женою Іокастой. Надъ Лаемъ тяготѣла клятва Пелопса, пожелавшаго Лаю погибнуть отъ руки собственнаго сына. Думая избѣжать опредѣленія рока, отецъ прокололъ ноги новорожденному ребенку и передалъ его пастуху

знаютъ только то, что онъ убить какими-то разбойниками на пути въ Дельфы, и что спасся отъ убійства только одинъ изъ спутниковъ. Эдипъ заранѣе произноситъ надъ виновнымъ страшный приговоръ и проситъ старцевъ отыскать убійцу. Послали за прорицателемъ Тирезіемъ. Долго Тирезій ничего не хотѣлъ говорить. Тогда Эдипъ сталъ обвинять Тирезія въ убійствѣ. Тогда раздраженный пророкъ объявляетъ, что убійца Лая — Эдипъ, и что онъ мужъ своей матери. Но Эдипъ такъ далекъ отъ подобной мысли, такъ увѣренъ въ своей правотѣ, что видитъ въ словахъ Тирезія только внушеніе Креонта, желающаго завладѣть престоломъ убитаго отца. Креонтъ оправдывается, но только заступничество Юкасты и хора-старцевъ заставляють Эдипа воздержаться отъ расправы съ Креонтомъ. Наконецъ, Эдипъ остается одинъ съ Юкастой. Юкаста ему говоритъ:

- 707 Теперь, оставивъ, что сказать хотѣлъ,
 Послушай ты меня и научись,
 Что мудрости пророческой родъ смертныхъ
 Причастенъ мало. Силу словъ моихъ
 Признаешь самъ. Вотъ выслушай меня:
 711 Когда-то Лаю было предсказанье,
 714 Отъ сына будто бы ему роднаго,
 Который отъ меня ему родится,
 Судьба опредѣлила умереть.

Но вотъ, продолжаетъ Юкаста, оказывается, что Лай убитъ разбойниками, „а сынъ его не росъ у родителей и трехъ дней“. Но эти самыя слова встревожили Эдипа. У него закрадывается мысль, что онъ убійца. Эдипъ рассказываетъ Юкастѣ, въ присутствіи хора, о своемъ дѣтствѣ: о томъ, какъ онъ однажды кѣмъ-то обозванъ былъ подкидышемъ, какъ потомъ обиженный онъ отправился въ Дельфы, какъ ему оракулъ предсказалъ, что онъ убьетъ отца и женится на матери. Хоръ ободряетъ Эдипа, Юкаста идетъ молиться. Но въ это время является изъ Коринѳа вѣстникъ, и объявляетъ, что царь Полибъ умеръ, и что Коринѳяне призываютъ Эдипа на царство. Сначала эта вѣсть обрадовала и Юкасту, и Эдипа, который соображаетъ про смерть Полиба:

Такъ развѣ скорбь по мнѣ его убила?

Но прежняя мысль снова начинаетъ тревожить Эдипа. Онъ не хочетъ возвращаться въ Коринѳъ, потому что еще мать его Мeroпa жива. Но тотъ-

съ порученіемъ умертвить мальчика. Но мальчикъ попалъ къ Коринѳскому царю Полибу, который усыновилъ мальчика, давъ ему имя Эдипа (отъ οἶδος, опухоль, и ποῦς, нога). Будучи уже юношей, Эдипъ узналъ, что онъ приемышъ, и поэтому ушелъ изъ Коринѳа, тѣмъ больше, что оракулъ предсказалъ ему убійство собственного отца и женитьбу на матери. На дорогѣ, не доходя до Фивъ, Эдипъ встрѣтилъ старика, ѣхавшаго на колесницѣ въ сопровожд. слугъ. Произошла ссора, и Эдипъ убилъ старика, не зная, что то былъ Лай. Явившись въ Фивы, онъ спасъ городъ отъ сфинкса и за это получилъ царство и руку вдовы-царицы Юкасты, не зная опять, что это его мать (болѣе подробно см. Штоля, Миѳы классич. древности).

же вѣстникъ успокоиваетъ Эдипа и проситъ его не бояться; ибо онъ, Эдипъ, не находится ни въ какомъ родствѣ: вѣстникъ нѣкогда самъ принесъ Эдипа въ даръ Полибу, получивъ ребенка отъ Лаеваго пастуха, который еще и теперь живъ. Хоръ догадывается, что Ласвъ пастухъ и уцѣлѣвшій отъ разбойниковъ слуга — одно лицо. Вѣстникъ между тѣмъ совѣтуетъ спросить саму Иокасту, которая тутъ-же съ безмолвнымъ трепетомъ принимаетъ этимъ поразительнымъ разоблаченіемъ, и, наконецъ, уходитъ въ страшномъ горѣ. Появленіе ожидаемаго пастуха объясняетъ все. Вѣстникъ узнаетъ въ немъ того самаго раба, который нѣкогда передалъ ему обреченнаго на гибель ребенка. Происходитъ разговоръ между Эдипомъ и пастухомъ. Все обнаружено. Царь, посылая на себя всевозможныя проклятія, удаляется во дворецъ, откуда вскорѣ выходитъ слуга съ вѣстью, что Иокаста повѣсилась, а Эдипъ собственными руками лишилъ себя зрѣнія. Выходитъ изъ дворца и Эдипъ, уже жалкій слѣпецъ, изгнанный собственнымъ приговоромъ. Около него двѣ дочери: Антигона и Исмена. Эдипъ проситъ не отнимать у него дѣтей, но Креонтъ, сдѣлавшійся теперь правителемъ, не позволяетъ дѣтямъ слѣдовать за отцомъ. — Такъ кончается трагедія.

Переходимъ теперь къ трагедіи Филоктетъ. Филоктетъ — одинъ изъ героевъ Троянской войны. Плывъ въ Трою, греки пристали къ острову Хривъ. Тутъ имъ слѣдовало принести жертву на жертвенникѣ, сооруженномъ нѣкогда Язономъ. Мѣсто жертвенника могъ знать одинъ Филоктетъ, какъ участникъ въ походѣ Аргонавтовъ. Во время поисковъ жертвенника Филоктетъ былъ укушенъ змѣей. Страшный крикъ укушеннаго и зловоніе отъ раны не даютъ покоя грекамъ, и они, по совѣту Одиссея, оставляютъ Филоктета соннаго на Лемносѣ. Тамъ онъ въ мукахъ прожилъ десять лѣтъ. — Въ трагедіи дѣйствіе происходитъ между тремя лицами: Филоктетомъ, Одиссеемъ и Неоптолемомъ, сыномъ Ахилла. Одиссей съ Неоптолемомъ подплываютъ къ острову Лемносу съ тѣмъ, чтобы достать отъ Филоктета стрѣлы Геркулеса, безъ которыхъ, какъ стало извѣстно, грекамъ никогда не взять Трои. Но Филоктетъ сгараетъ страшною ненавистью къ Атридамъ и особенно къ Одиссею и ни за что не хочетъ помогать имъ: готовъ скорѣе умереть въ мукахъ и въ одиночествѣ на Лемносѣ. Только появленіе самаго Геркулеса заставляетъ Филоктета измѣнить свое рѣшеніе. На этомъ оканчивается драма. — Вся сила этой трагедіи заключается въ художественнѣйшей опискѣ характеровъ, и особенно характера Одиссея: онъ поражаетъ насъ настойчивостью въ стремленіи къ поставленной цѣли и тою необыкновенною энергіей ума, которая не покидаетъ его ни на одну минуту и помогаетъ выпутаться изъ самыхъ трудныхъ положеній. Чтобы достигнуть побѣды надъ Троей, онъ одинаково пренебрегаетъ опасностями, голосомъ собственной совѣсти, людскимъ мнѣніемъ, гнѣвомъ и презрѣніемъ. Онъ хладнокровенъ, онъ говоритъ именемъ всего народа, ему нѣтъ дѣла до личнаго раздраженія Филоктета и стыдливости Неоптолема. Неоптолемъ, напротивъ, молодой юноша, исполненный искренности, incapable долго обманывать и дурчить

несчастливаго человѣка; онъ неохотно идетъ на хитрости своего многоумнаго спутника; онъ совѣтливъ и сострадателенъ, какъ то и подобаетъ благородному молодому человѣку. Филоктетъ — образъ обиженнаго мужа, который, не взирая ни на физическія муки, ни на страстное желаніе увидѣть снова свою родину, ни на славу, не можетъ заглушить въ сердцѣ своемъ тѣхъ обидъ, которыя нанесли ему Атриды и въ особенности Одиссей. — Благодаря тонкой обрисовкѣ характеровъ, критика справедливо признаетъ Филоктета однимъ изъ гениальнѣйшихъ произведеній *).

Если Филоктетъ поражаетъ читателя обрисовкой характеровъ, то Эдипъ въ Колонѣ блещетъ лиризмомъ, возвышенностью нравственныхъ идей и прелестью стиха. Эдипъ, искупивъ свои невольныя преступленія долгими несчастіями и скитаніемъ, находитъ, наконецъ, пристанище въ Колонѣ, близъ Аѳинъ, въ рошѣ Евменидъ. Здѣсь-же онъ и умираетъ. Оезей принимаетъ заботы о могилѣ страдальца и отправляетъ на родину Антигону и Исмену, куда онѣ спѣшатъ, чтобы примирить своихъ братьевъ **).

Въ трагедіи Электра выведена дочь Агамемнона, которая вмѣстѣ съ братомъ Орестомъ занята мыслью о мести за своего отца. Тотъ-же сюжетъ разработанъ въ Эсхилovýchъ „Хоэфорахъ“, но тамъ главная роль принадлежитъ Оресту ***).

Трагедія Эантъ или Аяксъ есть также по преимуществу трагедія характеровъ, какъ и Филоктетъ. Нарисованъ гордый, непреклонный характеръ мужа, считающаго себя обиженнымъ тѣмъ, что не ему досталось оружіе Ахилла, послѣ смерти этого героя. Покровительствуя Одиссею, Аѳина насылаетъ на Эанта сумашествіе, въ припадкѣ котораго Эантъ принимаетъ барановъ за ахейскихъ военачальниковъ и убиваетъ ихъ. Но возвратилось къ нему сознаніе, и Эантъ, до конца остающійся вѣрнымъ своей гордости, лишаетъ себя жизни.

Седьмая трагедія Софокла носитъ заглавіе Трахинянки, отъ участія въ ней хора, составленнаго изъ дѣвушекъ города Трахины. Сюжетомъ этой трагедіи служитъ повѣсть о ревности Дейяниры и смерти Геракла. Въ общемъ эта драма признается слабѣе другихъ произведеній Софокла.

Еврипидъ (Εὐριπίδης, 480—406) родился на островѣ Саламинѣ, какъ гласило преданіе, во время самой битвы, въ которой мужественно сражался Эсхиль, и послѣ которой въ торжественной пляскѣ участвовалъ Софокль. Онъ былъ сынъ простой торговки, но получилъ хорошее образованіе подъ руководствомъ художниковъ и извѣстныхъ въ то время философовъ. Онъ считался даже другомъ Сократа. Хотя онъ началъ свое драматическое поприще въ 452 году, но на драматическихъ состязаніяхъ получилъ первую награду только въ 442 г. Онъ умеръ въ Македоніи, у царя Архелая, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Софокла въ Аѳинахъ.

*) Есть переводъ этой трагедіи, сдѣланный Н. Т. Сп. 1850.

**) Эдипъ въ Колонѣ перев. Водовозовымъ.

***) Электра переведена Котеловымъ 1874.

Еврипидъ въ трагедіи является новаторомъ и считается поэтомъ, который первый содѣйствовалъ упадку трагедіи. Аристофанъ, ненавидѣвшій вообще новаторовъ, произнесъ свой приговоръ надъ пьесами Еврипида, и этотъ приговоръ раздѣляется и потомствомъ. Но едвали въ этомъ случаѣ не виновато больше время, въ которое жилъ нашъ поэтъ, чѣмъ онъ самъ: это была пора, когда героико-трагическое міровоззрѣніе смѣнялось критикой къ прежнимъ религіознымъ вѣрованіямъ. Этимъ объясняется и болѣе свободное обращеніе Еврипида съ мѣтами. Онъ имъ меньше вѣрилъ, меньше ихъ чтилъ. Понятіе о божествѣ у него уже болѣе философское: въ его глазахъ оно было только единымъ, всеобъемлющимъ духомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ ходячими представленіями. — Идея неумолимой судьбы замѣнена у него идеей страсти, и онъ первый показалъ зрителю не героя, а человѣка. Если въ его драмахъ не было той художественной цѣльности, за то у него ярко выступаетъ борьба страстей и характеровъ, въ которой-то и слѣдуетъ видѣть огромный успѣхъ въ исторіи драмы. — Хоры въ трагедіи Еврипида уже не такъ тѣсно связаны со всѣмъ драматическимъ дѣйствіемъ, и играютъ въ его пьесахъ роль болѣе внѣшнюю, чѣмъ существенную. Выражаясь общими словами о характерѣ Еврипидовыхъ драмъ, мы должны сказать, что третій трагикъ старался главнымъ образомъ поразить зрителей разными эффектами и растрогать ихъ чувствительными сценами. При этомъ дѣйствіе драмы у него до того запутывалось, что необходимо было вмѣшательство какого-нибудь бога, чтобы распутать весь узелъ дѣйствія*). — Что касается до общаго сравненія трехъ трагиковъ, то ихъ принято характеризовать тремя словами: Эсхиль — „возвышенное“, Софокль — „прекрасное“, Еврипидъ — „трогательное“.

Изъ 92-хъ (или 75-ти) до насъ дошло восемнадцать полныхъ трагедій Еврипида и одна сатирическая драма. 1. Гекуба (Ἐκάβη), 2. Орестъ (Ὀρέστης), 3. Финикиянки (Φοίνισσαι), 4. Мѣдея (Μήδεια), 5. Ипполитъ вѣнец-носецъ (Ἰππόλυτος στεφανηφόρος), 6. Алкестида (Ἀλκίσις), 7. Андромаха (Ἀνδρομάχη), 8. Молящія (Ἰκέτιδες), 9. Гераклиды (Ἡρακλεΐδαι), 10. Троянки (Τρωάδες), 11. Елена (Ἑλένη), 12. Ионъ (Ἴων), 13. Бѣшенный Гераклъ (Ἡρακλῆς μαινόμενος), 14. Электра (Ἠλέκτρα), 15. Ифигенія въ Тавридѣ (Ἰφιγένεια ἢ ἐν Ταύροις), 16. Ифигенія въ Авлидѣ (Ἰφιγένεια ἢ ἐν Αὐλίδι), 17. Вакханки (Βάκχαι), 18. Резъ (Ῥῆσος); сатирическая драма носитъ названіе Циклопъ (Κύκλωψ).

Всѣ драмы Еврипида могутъ быть раздѣлены на три разряда: на драмы, въ которыхъ Еврипидъ является продолжателемъ своихъ двухъ предшественниковъ, и образцомъ которыхъ могутъ служить Ифигенія; другія трагедіи, какъ Ипполитъ и Медея, особенно ярко воспроизводятъ порывы сердечной страсти; третій родъ драмъ, какъ Ионъ, можно назвать романическими.

*) Оттуда поговорка: deus ex machina.

Долго было бы излагать содержаніе всѣхъ трагедій; поэтому, мы ограничимся только краткимъ указаніемъ на сюжетъ каждой*), и предложимъ содержаніе сатирич. драмы Циклопъ, какъ единственный дошедшій до насъ образецъ этого рода произведеній.

1. Гекуба изображаетъ страданія несчастной вдовы Пріама, царя Троянскаго. — 2. Орестъ-трагедія, сюжетомъ которой служитъ изображеніе ряда опасностей, которыя встрѣтилъ въ Аргосѣ сынъ и убійца Клитемнестры. — 3. Финикіянки рисуютъ братоубійственную войну сыновей Эдипа, Етеокла и Полиника. — 4. Медея, одна изъ наиболѣе художественныхъ трагедій Еврипида, относится къ циклу сказаній объ Аргонавтахъ, и рисуетъ намъ въ яркихъ краскахъ бѣшеную ревность женщины, покинутой Язономъ. — 5. Ипполитъ Вѣнценосецъ-трагедія, содержаніемъ которой служитъ рассказъ о томъ, какъ жена царя аѳинскаго Тезея полюбила своего пасынка Ипполита и, отвергнутая этимъ послѣднимъ, лишила себя жизни, обвинивъ передъ отцомъ Ипполита въ преступной страсти къ ней пасынка; повѣривъ словамъ жены, Тезей проклялъ сына и изгналъ его изъ Аѳинъ; вмѣшательство Артемиды открыло Тезею его заблужденіе, но уже было поздно, потому что Ипполита, удалявшася съ родины, разбили лошади на смерть. — 6. Алкестида-трагедія, въ которой поэтъ изображаетъ самопожертвованіе жены Адмета (царя города Феръ), рѣшившейся умереть за мужа, но возвращенной къ жизни Геракломъ, который посѣтилъ домъ Адмета какъ-разъ въ то время, когда „Смерть“ явилась за Алкестидой. — 7. Андромаха изображаетъ ревность Герміоны (дочери Менелая), второй жены Неоптолема (сына Ахилла), къ Андромахѣ (вдовѣ Гектора), которую раньше любилъ Неоптолемъ; Герміона была невѣстой Ореста, который убиваетъ Неоптолема и уводитъ Герміону въ Спарту. — 8. Молящія-трагедія, изображающая борьбу, предпринятую Тезеемъ по просьбѣ матерей семи героевъ, павшихъ подъ Тивами; матери умоляли Тезея помочь имъ отнять у враговъ трупы павшихъ героевъ для погребенія. — 9. Гераклиды: потомки Геракла, преслѣдуемые Еврисеемъ, находятъ убѣжище у аѳинскаго царя Демофонта; ведется война съ Еврисеемъ, который попадаетъ въ плѣнъ и дѣлается жертвой мести Гераклидовъ. — 10. Троянки сюжетомъ имѣютъ эпизодъ послѣ взятія Трои, именно смерть сына Гекторова, Астіанака, и дѣлежъ плѣнныхъ. — 11. Елена-трагедія, содержаніемъ для которой послужилъ одинъ изъ рассказовъ объ Еленѣ, по которому она жила въ Египтѣ чистой и непорочной, между тѣмъ какъ Парисъ увезъ въ Трою лишь пустой призракъ, принятый имъ за дочь Тиндарея. — 12. Ионъ трагедія, изображающая опасность, которая угрожала этому юношѣ со стороны матери до

*) Изъ трагедій Еврипида въ переводѣ на русскій языкъ существуютъ: 1. Троянки, Шестакова, Казань. 1876; 2. Ифигенія въ Тавридѣ, Басистова. СП. 1876; 3. Андромаха, Котелова. СП. 1879; 4. Ипполитъ Вѣнценосецъ, Его-же. СП. 1879; 5. Циклопъ, NN. М. 1877.

того момента, когда она признала въ немъ своего сына*). — 13. Бѣшен- ный Гераклъ изображаетъ намъ греческаго героя, приведеннаго Герою въ состояніе бѣшенства, въ припадкѣ котораго Гераклъ убиваетъ жену и дѣтей. — 14. Электра рисуетъ намъ дѣвушку, проникнутую чувствомъ мести къ матери, убившей ея отца, Агамемнона. — 15. Ифигенія въ Тавридѣ-трагедія, сюжетомъ которой служитъ рассказъ о томъ, какъ былъ узнанъ Орестъ, сынъ Агамемнона, своею сестрою въ тотъ самый моментъ, когда она, въ качествѣ жрицы Артемиды, готова была принести брата въ жертву богинѣ. — 16. Ифигенія въ Авлидѣ изображаетъ тѣ затруд- ненія, которыя встрѣчаетъ Агамемнонъ при исполненіи задуманнаго имъ принесенія въ жертву дочери Ифигеніи, и тѣ душевныя волненія, которыя вызваны этимъ жертвоприношеніемъ. — 17. Вакханки-трагедія, изобра- жающая смерть царя Пенѳея, котораго убиваютъ бѣшенныя Менады за со- противленіе введенію культа Вакха. — 18. Резъ-трагедія, сюжетомъ которой послужилъ рассказъ о смерти еракійскаго царя Реза, союзника Троянъ, и различныя похожденія, составляющія содержаніе X-й рапсодіи Илиады. — Циклопъ, сатирическая драма, посвященная извѣстному при- ключенію Одиссея въ пещерѣ Полифема**). Сатиры съ своимъ отцомъ Си- леномъ попадаютъ къ Полифему незадолго до прибытія туда Одиссея. Сдѣлавшись рабами циклопа, сатиры пасутъ его стада и убираютъ его жи- лице. Силень рассказываетъ про плаваніе сатировъ, про ихъ крушеніе, про нравы циклоповъ, при чемъ очень хвастливо рисуетъ и свою небывалую храбрость. Приходятъ со стадами съ поля сатиры и весело пляшутъ. Въ это время видитъ Силень судно, а затѣмъ и людей. Подходитъ Одиссей и называетъ себя по имени. „Знаю, знаю, краснобай, тебя хорошо“. Услышавъ про нравы циклоповъ, Одиссей спѣшитъ отплыть; но хочетъ сначала запа- стись провизіей. Силень, большой любитель выпить, охотно готовъ за вино отдать Одиссею всѣ сыры и всѣ стада Полифема. Но въ это время появ- ляется Полифемъ, при чемъ бранитъ сатировъ и грозитъ имъ, какъ тѣ по- добаютъ строгому хозяину. Наконецъ, чудовище замѣчаетъ и иноземцевъ, а подлѣ нихъ разную провизію. Красное лице и распухшій лобъ Силена убѣждаютъ циклопа въ подозрѣніи, что вѣрный его слуга упорно сопротив- лялся пришельцамъ, которые силою отняли провизію. Силень поддерживаетъ догадку Полифема и раздѣляетъ вполне желаніе людоѣда полакомиться человѣческимъ мясомъ. Силень изображенъ въ Циклопѣ пьяницей, трусомъ, лжецомъ, отдѣлывающимся отъ своихъ бѣдъ боками другихъ. Происходитъ рядъ сценъ очень комичнаго характера. Наконецъ, Одиссей напаиваетъ Полифема и сонному чудовищу прокалываетъ единственный глазъ. Тутъ

*) *Іоу былъ сынъ Аполлона и Креузы, дочери аонискаго царя Эрехея; Креуза бро- сила нѣкогда своего сына и вышла за мужъ за царя Ксуѳа. Іонъ былъ воспитанъ дельфій- ской Пифіей. Впослѣдствіи Ксуѳъ признаетъ въ Іонѣ сына, прижитаго имъ отъ другой жен- щины. Въ припадкѣ ревности Креуза хочетъ убить и невѣрнаго мужа, и Іона. Но вдругъ она признаетъ въ Іонѣ своего собственнаго сына, и Ксуѳъ назначаетъ его своимъ преемникомъ.

***) Гомеръ, О д и с с е я, IX, 166—566.

изображены комичныя сцены, какъ слѣпой циклопъ ищетъ своихъ ослѣпителей, раздражаемый при этомъ издѣвательствами сатировъ, обрадованныхъ тѣмъ, что могутъ теперь возвратиться къ своему господину — Діонису.

Кромѣ Эсхила, Софокла и Еврипида въ V вѣкѣ были и другіе трагики, выступавшіе на драматическихъ состязаніяхъ. Но отъ нихъ сохранились почти только одни имена. То были **Іонъ**, **Ахей** и **Агаѳонъ** (Ἀγάθων, род. ок. 448 г.), другъ Еврипида. Ему приписывается рѣчь, которую приводитъ Платонъ въ своемъ *Συμπόσιον*. Упоминаетъ о немъ и Аристотель въ своей *Поэтикѣ* (гл. XVIII). Агаѳону приписывается оригинальная пьеса *Цвѣтокъ* (Ἄνθος), въ которой сказывался переходъ къ такъ называемой „новой комедіи“.

Къ трагикамъ V вѣка относятся еще имена: Біона, Евфоріона, Филокла, Гофона (сынъ Софокла), Каркина, надъ которымъ ѣдко издѣвался Аристофанъ, и др.

Въ IV вѣкѣ трагедія приходитъ уже въ совершенный упадокъ и разложеніе, и носитъ слѣды пустой декламаціи и реторики, и Аристотель, между прочимъ, говоритъ о **Херемонѣ** (Χερήμων, ок. 375 г.) и его трагедіи *Кентавръ*, что смѣшеніе разныхъ стиховъ не даетъ еще право называться поэтомъ*). Другой поэтъ IV вѣка, **Теодентъ** (Θεοδέκτης, ликіецъ), въ своихъ произведеніяхъ, отъ которыхъ, какъ и отъ трагедій Херемона, до насъ дошли лишь отрывки, упраздняетъ окончательно характеры, чувства, самую поэзію, и наполняетъ свои драмы одной реторикой. —

Драматическое искусство проявляется теперь въ комедіи.

„Изобрѣтеніе комедіи приписываютъ себѣ Мегаряне, какъ живущіе въ Греціи, такъ и сицилійскіе, изъ коихъ послѣдніе ссылаются въ этомъ случаѣ на Епихарма. И доряне приводятъ въ доказательство своихъ правъ на комедію то обстоятельство, что деревни, которыя у Аѳинянъ называются δῆμοι, у Мегарцевъ называются κῶμαι, а κωμῶδια происходитъ не отъ слова κῶμος (что значитъ процессія пирующихъ), а отъ κῶμαι (деревни), и κωμῶδοι (пѣвцы оргій) происходятъ не отъ κωμᾶζειν (принимать участіе въ оргіяхъ), а отъ того, что участники въ оргіяхъ [первоначальные актеры], будучи выгнаны изъ городовъ, обратились съ своими представленіями въ деревни“**). Вотъ что мы знаемъ о первыхъ зачаткахъ комедіи. Кто первый придалъ шуточнымъ фарсамъ, происходившимъ по деревнямъ (κῶμαι), или сопровождавшимъ веселія пирушки (κῶμος), литературную форму комедіи, мы не знаемъ. Аѳиняне приписывали эту заслугу мегарянину **Сузаріону** (ок. 580 г.), современнику Эсхида; въ его рукахъ комедія стала сатирой въ видѣ діалога и пѣсни съ соотвѣтственной пляской. Однако фабула въ комедію была внесена позже Сузаріона.

Первымъ комикомъ-поэтомъ считается **Епихармъ** (Ἐπίχαρμος, ок. 500 г.), уроженецъ острова Коса, процвѣтавшій въ Сиракузахъ при тиранѣ Геронѣ,

*) *Поэтикѣ*, гл. I.

**) Arist., *Poëtice*, гл. III.

слѣдовательно лѣтъ за 50-ть до Аристофана. Епихармъ, будучи прежде всего философомъ (Пифагорейской школы), надѣленъ былъ также комическимъ талантомъ и написалъ нѣсколько драматическихъ сатиръ, въ которыхъ, напр., Зевсъ изображенъ былъ въ видѣ тучнаго обжоры, Аѳина въ видѣ уличной пѣвицы, Гераклъ прозорливымъ животнымъ. Выражаясь общими словами, заслуга Епихарма и прелесть его произведеній заключалась въ обрисовкѣ отрицательныхъ сторонъ общественной жизни, въ живомъ изображеніи извѣстныхъ классовъ греческаго общества: крестьянъ, рабовъ, паразитовъ и пр. *). Отъ Епихарма до насъ дошли только весьма ничтожные фрагменты.

Комедія строилась по тому-же плану, какъ и трагедія. Сцена и оркестра были въ комедіи тѣ-же самыя. И въ комедіи тѣ-же три актера, только на каждого изъ нихъ выпадало большее число ролей. И въ комедіи актеры были въ маскаxъ; только типы масокъ комическихъ отличны были отъ трагическихъ. Фантастичны были маски и костюмы хоревтовъ, если представить себѣ, что хоръ долженъ былъ изображать собою птицъ, ось, облака и т. п. Но техника комедіи имѣла и свои особенности. Главную изъ этихъ особенностей составляла такъ наз. парабаза (*παράβασις* **), коренной элементъ комедіи. Въ парабазѣ, начинавшейся обыкновенно вслѣдъ за первымъ удаленіемъ актеровъ со сцены, поэтъ обращался въ стихахъ, написанныхъ анапестами, къ зрителямъ, черезъ корифея хора, съ заявленіемъ о своихъ личныхъ дѣлахъ, о дѣлѣ своего сочиненія, о своихъ отношеніяхъ къ соперникамъ и т. п.; за такимъ заявленіемъ слѣдовала лирическая пѣснь дѣлаго хора или частей его, въ которой, послѣ хвалы какому-ниб. божеству, выражалась та или иная жалоба на городъ, или насмѣшка надъ народомъ, касающаяся какого-ниб., по большей части современнаго, событія. Въ иныхъ комедіяхъ (и Аристофановыхъ) не бывало, однако, парабазы. — Пляски комическаго хора отличались не только вольнымъ характеромъ, но и цинизмомъ, и носили особое названіе *кордака*, *χόρδαξ*.

Уже древніе различали три стадіи развитія аѳинской комедіи: 1. „Древняя комедія“, представителями которой считаются Аристофанъ и его соперники, Евполидъ и Кратинъ; характерною чертою ея была очень свободная критика общественныхъ дѣлъ и дѣятелей; 2. „Средняя комедія“ (390—320) была только карриатурой на современные нравы; она хорова и имѣла и привела къ 3. „Новой комедіи“ (320—250 г.), представителемъ которой является Менандръ; это — комедія характеровъ, къ которой относятся пьесы римскихъ комиковъ Плавта, Теренція и др.

1. Древняя комедія была чисто-политическаго характера, съ карриатурами на извѣстныхъ лицъ:

*) Полагають, что Амфитріонъ римскаго комика Плавта, а слѣдов. и Амфитріонъ Мольера, заимствованъ у Епихарма, которому, по словамъ Горация, часто подражалъ Плавтъ, но съ которымъ онъ не могъ сравниться.

**) *Πρὸς τὸ θέατρον παραβῆναι*, т. е. выступать лицомъ къ зрительной залѣ.

Евполидъ и Кратинъ съ Аристофаномъ поэты,
 Какъ и другіе творцы могучіе древнихъ комедій,
 Если заслуживалъ кто описанья, какъ воръ иль бездѣльникъ,
 Какъ любодѣй, иль убійца, иль чѣмъ и другимъ пресловутый,
 То такого они съ большою свободой клеймили*).

„Древняя“ комедія была обязана **Евполиду** (Ἐπόλις, афинянинъ) и **Кратину** (Κρατῖνος, афинянинъ), старшимъ современникамъ Аристофана, изъ которыхъ второму (ок. 520—423) приписываютъ ту заслугу, что онъ первый придалъ литературную форму грубымъ праздничнымъ комическимъ играмъ. Евполиду еще древніе удивлялись за его пластическій талантъ и богатую фантазію; высоко цѣнили его благородный гнѣвъ и высокій патріотизмъ. Отъ обоихъ комиковъ до насъ дошли лишь отрывки, хотя мы знаемъ сюжеты нѣкоторыхъ комедій Евполида, какъ, напр., комедіи Δῆμοι, осмѣивавшей крайности демократіи, комедіи Βάπται, направленной противъ распущенной частной жизни Алкивіада и его товарищей, и др.

Но главнымъ представителемъ „Древней“ комедіи считается Аристофанъ, единственный комическій писатель, произведенія котораго уцѣлѣли.

Аристофанъ (Ἀριστοφάνης, ок. 450—386), уроженецъ Аѳинъ, или, по другимъ извѣстіямъ, Родоса. Подробностей о жизни и дѣятельности великаго греческаго комика, котораго древніе называли по преимуществу κωμικός**), мы не знаемъ. Знаемъ только, что комедія его Облака, первая, по его собственнымъ словамъ, дана въ 427 г., когда ему не было еще 30-ти лѣтъ. Знаемъ также, что послѣдняя его комедія Плутось была въ первый разъ представлена (или возобновлена) въ 390 г.

Изъ 54-хъ (или 44-хъ) комедій, написанныхъ Аристофаномъ, до насъ дошли 11-ть. Ихъ можно раздѣлить на три разряда:

А. Комедіи политическаго характера: 1. Ахарняне (Ἀχαρνῆς), 2. Всадники (Ἴππῆς), 3. Миръ (Εἰρήνη), 4. Люсистрата (Λυσιστράτη);

Б. Комедіи, направленныя противъ современныхъ философовъ и риторовъ: 5. Облака (Νεφέλαι), 6. Осы (Σφήκες), 7. Совѣщающіяся (женщины) въ народномъ собраніи (Ἐκκλησιαζούσαι), 8. Плутось (Πλοῦτος);

В. Комедіи, представляющія сатиру на литературу: 9. Празднующія оесмофоріи (Θεσμοφοριαζούσαι) и 10. Лягушки (Βάτραχοι). — Комедія Птицы (Ὀρνίθες) представляетъ смѣшеніе политики, литературы, философіи.

Хотя у героевъ Аристофана и есть черты, которыя могутъ считаться общечеловѣческими, въ общемъ все-таки о греческомъ комикѣ слѣдуетъ сказать, что онъ не даетъ намъ типовъ, а даетъ намъ людей своего города и своего времени, при чемъ рисуетъ ихъ въ каррикатурномъ видѣ, хотя его каррикатуры часто имѣютъ больше сходства съ изображаемымъ лицомъ, чѣмъ самые портреты. И вся его комедія есть карриатура на аѳинское общество временъ Перикла; тѣмъ не менѣе мы не можемъ не согласиться съ тѣмъ, что ни одинъ историкъ, ни даже самъ Фукидидъ не представили

*) Horat., Sat., I, 4, v. 1—5. Перев. Фета.

**) Какъ Софокла — τραγικός.

этого общества въ болѣе вѣрной картинѣ, чѣмъ Аристофанъ, въ подтвержденіе чего можно привести извѣстный историческій фактъ: когда тираннъ сиракузскій Діонисій просилъ Платона прислать ему такую книгу, которая наилучше познакомила бы его, тиранна, съ Аѳинами, съ духовнымъ складомъ ихъ жителей, съ ихъ нравами, характерами и пр., то философъ послалъ именно комедіи Аристофана. — И дѣйствительно, ничего болѣе назидательнаго нельзя было найти для Діонисія: онъ имѣлъ предъ глазами сатиру на самую крайнюю демократію, какая когда-либо существовала. Но замѣчательнѣе всего то, что сатира, осмѣивавшая народъ, представлялась въ театрѣ, наполненномъ тѣмъ самымъ народомъ. Никогда изображеніе дѣйствительности не сопровождалось такою дерзостью и такою волнностью, какую мы видимъ въ комедіяхъ Аристофана, и тѣмъ не менѣе народъ аѳинскій все разрѣшалъ автору. Для примѣра изложимъ здѣсь вкратцѣ содержаніе комедіи *Всадники*.

Народъ аѳинскій изображенъ въ видѣ добраго старика-господина. У него два невольника: Демосѳенъ и Никія; но ихъ товарищъ Клеонъ, пафлагонецъ, кожевникъ, презрѣнный плутъ, завладѣлъ умомъ старика и управляетъ имъ какъ хочетъ. Да и вообще господинъ-„народъ“ окруженъ паразитами и льстецами, которые на перебой стараются снискать милости у „народа“. Дѣло идетъ о томъ, кто больше будетъ ухаживать за господиномъ, кто больше будетъ надувать его. Одинъ изъ враговъ Клеона, аристократъ, задумываетъ вступить въ борьбу съ Клеономъ и побѣдить этого демагога его-же собственнымъ оружіемъ; онъ отыскиваетъ колбасника и заставляетъ его выслушать, какими средствами можно было бы наилучшее выжить кожевника. Сцена чрезвычайно комичная, когда приходитъ къ простофилѣ-„народу“ другой претендентъ и старается посредствомъ разныхъ обѣщаній занять у „господина“ то мѣсто, которое занимаетъ Клеонъ; этотъ послѣдній не хочетъ уступить своему сопернику, и вотъ оба распинаются предъ „народомъ“ съ своими увѣреніями и предложеніями. Еще никому не удавалось изобразить въ болѣе живыхъ краскахъ безсовѣстныхъ уловокъ двухъ мнимовѣрныхъ слугъ господина, которые осыпаютъ его всевозможною лестью единственно изъ желанія пріобрѣсти его расположеніе, а потомъ и власть. „Народъ“ прогоняетъ кожевника, какъ негодяя, и, переваренный теперь въ котлѣ колбасникомъ, помолодѣвъ, не хочетъ и слышать больше о шарлатанахъ и демагогахъ. Самъ колбасникъ перестаетъ быть мошенникомъ и добросовѣстно служитъ съ тѣхъ поръ своему господину.

Мужество, съ которымъ комикъ выражаетъ свое негодованіе противъ наглого, но въ ту пору весьма могущественнаго демагога, много сглаживаетъ безцеремонность нападокъ, поражающая читателя рѣзкостью выражений. Ни одинъ актеръ не рѣшился изобразить на сценѣ властнаго Клеона; тогда Аристофанъ самъ надѣлъ его маску, народъ отъ души смѣялся надъ собою, а Клеонъ былъ слишкомъ ловкій демагогъ, чтобы преслѣдовать гражданина за то, надъ чѣмъ народъ хохоталъ.

Комедія Ахарняне была представлена во время Пелопоннеской войны и была направлена противъ сторонниковъ войны.

Въ комедіи Миръ идея та-же, что и въ Ахарнянахъ. Тригей*), главное лицо комедіи возносится на небо на навозномъ жукѣ и узнаетъ отъ Гермеса причину бѣдствій Греціи: оказывается, богиня мира заперта въ пещерѣ, и пещера завалена грудой камней. Съ помощью гражданъ изъ разныхъ мѣстъ, Тригей освобождаетъ богиню, что вызываетъ общую радость и повсемѣстныя празднества. Одни только оружейники въ отчаяніи. Тригей женится на „Жатвѣ“, подругѣ богини мира.

Въ Лизистратѣ Аристофанъ изображаетъ заговоръ женъ, которыя условились заставить своихъ мужей заключить миръ со Спартою. Комедія отличается чрезвычайною вольностью.

Еще бѣльшую, можно сказать, непочтительностью къ тому или другому лицу проникнуты сатиры на философію и литературу. Аристофанъ, будучи сторонникомъ старины, былъ самымъ яростнымъ противникомъ всякихъ новыхъ идей и всѣхъ новаторовъ какъ въ сферѣ философіи, такъ и въ сферѣ литературы. Въ пору дѣятельности Аристофана жажда разнообразныхъ знаній охватила грековъ. Философія и краснорѣчіе выдвинулись на первый планъ. Потребность къ умственному развитію породила особый классъ людей, которыхъ называли софистами. Но эти софисты если до известной степени и приносили пользу обществу, удовлетворяя жажду его къ познаніямъ, за то, съ другой стороны, дѣйствовали на гражданъ разлагающе, внося среди нихъ скептицизмъ и недоверіе къ вѣками признаннымъ истинамъ. Противъ этихъ-то софистовъ выступилъ Аристофанъ въ своей комедіи Облака**). Вотъ краткое содержаніе комедіи. Старикъ-аѳинянинъ Стрепсиадъ удрученъ долгами, которые накопились, благодаря главнымъ образомъ расточительности и страсти къ лошадамъ его сына Фидиппида. И вотъ посылаетъ онъ сначала сына, а потомъ и самъ идетъ въ школу софистовъ, содержимую Сократомъ, учиться тѣмъ хитростнымъ изворотамъ и ораторскимъ приемамъ, съ помощью которыхъ всякое неправое дѣло можно сдѣлать правымъ и наоборотъ. Сынъ, прошедши науку въ школѣ Сократа, примѣняетъ ее потомъ противъ роднаго отца и не только бьетъ его, но еще и доказываетъ, что имѣетъ право это дѣлать.

Комедія Осы есть насмѣшка Аристофана надъ страстью аѳинянъ къ судебнымъ процессамъ.

Содержаніе комедіи Совѣщающіяся въ народномъ собраніи состоитъ въ томъ, что женщины рѣшаютъ взять на себя государственное хозяйство и все управленіе, и, такъ-какъ оракулъ нѣкогда возвѣстилъ, что и самое безумное рѣшеніе обратится аѳинянамъ въ пользу и благо, то новое правительство провозглашаетъ все и всѣхъ общимъ достояніемъ.

*) Что собств. значить винодѣль.

**) Есть переводъ этой комедіи на русск. языкъ, сдѣланный Муравьевымъ-Апостоломъ въ 1821 г.

Жертвою нападокъ Аристофана въ его литературныхъ комедіяхъ является Еврипидъ, надъ которымъ поэтъ особенно-злбно издѣвается въ своихъ *Лягушкахъ*. Нападаетъ же Аристофанъ на Еврипида за тѣ нововведенія, которыя этотъ трагикъ внесъ въ свои драмы, и поэтъ здѣсь не знаетъ мѣры своему сарказму.

Въ комедіи *Птицы* нападаетъ на аѳинское легкомысліе и легковѣріе, на склонность аѳинянь строить воздушные замки; но въ этой комедіи скорѣе преобладаетъ фантастическій юморъ, чѣмъ сатирическая желчь.

Однако, тотъ самый Аристофанъ, который такъ немилосердно относился ко всему, что носило характеръ новшества, въ религиозныхъ вопросахъ является самъ новаторомъ. Въ настоящее время невольно спрашиваешь, какимъ образомъ Аѳиняне, осудившіе Сократа на смерть за нечестіе, въ тоже время совершенно оставляли въ покоѣ Аристофана, который издѣвался надъ Олимпійскими богами столь-же свободно, какъ могъ это дѣлать только впоследствии Лукіанъ (род. ок. 120 г. по Р. Х.). На этотъ вопросъ можно отвѣтить самими произведеніями поэта, въ которыхъ Аристофанъ рисуешь намъ современное ему аѳинское общество, преисполненное противорѣчій и непослѣдовательности, готовое допускать всякое кощунство и насмѣшки надъ богами, но относящееся съ ненавистью къ серьезной критикѣ скептиковъ-философовъ на установленныя вѣрованія. Самый языкъ Аристофана, могущій оскорблять дѣломудреннаго человѣка, указываетъ на разнузданность и нравственную распущенность общества, отдѣльные представители котораго лицемѣрно умѣли выставить себя предъ грубымъ народомъ блюстителями государственныхъ интересовъ, когда дѣло касалось серьезной опасности собственно для ихъ личныхъ или сословныхъ интересовъ со стороны такихъ благородныхъ мыслителей, какимъ былъ Сократъ.

Говоря объ Аристофанѣ, нельзя умолчать, что онъ былъ не только поэтомъ-комикомъ, но и поэтомъ-лирикомъ. Отличаясь необыкновенною гибкостью таланта, Аристофанъ свои насмѣшки и циническія выраженія облакалъ въ граціозныя формы лирической поэзіи. И хотя и лиризмъ Аристофана проникнутъ чисто эллинскимъ вдохновеніемъ, онъ все-же чувствуется нами легче, чѣмъ лиризмъ въ дошедшихъ до насъ одахъ Пиндара. Оды Пиндара въ настоящее время кажутся мертвыми буквами для читателей, непосвященныхъ въ глубокое знакомство древне-греческой литературы, тогда-какъ прелесть лиризма Аристофановскихъ отрывковъ чувствуется почти каждымъ изъ насъ. Если читатель только смѣется при чтеніи, напр., стиховъ, посвященныхъ богамъ, то нельзя этого сказать о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Аристофанъ превозноситъ преданность отечеству, прелести деревенской жизни, чувство любви и т. п. Хотя эти мѣста въ поэзіи Аристофана для насъ и лишены того музыкальнаго рѣзма, которымъ сопровождалось ихъ чтеніе, они все-же восхищаютъ насъ своимъ паѳосомъ. Иные отрывки въ комедіяхъ нашего поэта исполнены такой восторженности, какая прилична была бы для любого трагическаго хора. Характеристическая черта

Аристофановой лирики — это оригинальность стиля, поражающего насъ богатствомъ новыхъ и въ тоже время столь удачно составленныхъ словъ и предложений.

Лирическая поэзія и драма были настолько связаны между собою въ дни Перикла, что, если лирической поэтъ и могъ не быть драматургомъ, зато каждый драматургъ долженъ былъ непременно быть вмѣстѣ съ тѣмъ и лирикомъ. Но счастливая гибкость таланта Аристофана въ немъ по преимуществу живо проявляетъ то, что принято называть аттицизмомъ, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть особенную изысканность вкуса, ненарушаемую нисколько плоскостью многихъ выраженій нашего комика. Такъ судилъ и Платонъ, когда составлялъ для Аристофана эту прекрасную эпитафію:

Αἱ Χάριτες τέμενός τι λαβεῖν, ὅπερ οὐχὶ πεσεῖται,
Ζητοῦσαι ψυχὴν εἶρον Ἀριστοφάνους.

Такъ думалъ и Иоаннъ Златоустъ, который, вообще относясь съ большою снисходительностію къ отрицательнымъ сторонамъ язычества, чѣмъ тѣ было въ послѣдствіи, читалъ Аристофана съ наслажденіемъ и держалъ его всегда подъ изголовьемъ.

II. **Средняя** комедія (ἡ μέση κωμῳδία), представителями которой являются преемники Аристофана, господствовала въ Аѳинахъ послѣ Пелопоннесской войны до македонскаго владычества. Отличительною чертою „Средней“ комедіи было упраздненіе прежняго хора и парабазы. Гораций говоритъ *):

Вслѣдъ за тѣмъ комедія Древняя съ громкимъ успѣхомъ
Вышла на свѣтъ; но свободу свою довела до зазорной
Крайности, вызвавшей строгость закона. Законъ состоялся,
И, утрата возможность вредить, хоръ смолкнулъ постыдно.

Другою отличительною чертою „Средней“ комедіи считалось пристрастіе къ обсужденію загадокъ (γρίφοι) на сценѣ, изъ которыхъ многія еще уцѣлѣли въ отрывкахъ. Публика, лишенная, согласно новому аѳинскому закону, возможности видѣть на сценѣ политическихъ дѣятелей, потребовала отъ комедіи загадокъ и поэты въ своихъ пьесахъ задавали загадки, а публика ихъ обсуждала и разрѣшала.

Число комедій, относящихся къ этому періоду, насчитываютъ болѣе 800-тъ, и авторовъ ихъ ок. 40-ка. Образецъ „Средней“ комедіи мы имѣемъ уже въ *Плутосѣ* **) Аристофана, комедіи, въ которой нѣтъ парабазы и роль хора ограничивается только участіемъ въ діалогѣ. Въ число классическихъ писателей „Средней“ комедіи александрійскіе ученые внесли только двухъ: Антифана и Алексиду.

Антифанъ (Ἀντιφάνης, извѣст. ок. 390 г.), уроженецъ Родоса; ему приписывали 280 комедій. Изъ отрывковъ, сохранившихся отъ Антифана, мы видимъ, что этотъ поэтъ особенно смѣялся надъ поклонниками Пифагорейской школы философовъ. Въ его глазахъ Пифагорейцы — притворщики, вѣрные

*) Horat., *Ars poetica*, ст. 281. Перев. Фета.

**) *Плутосъ* (Πλοῦτος) въ перев. на русск. языкъ значить богатство.

буквъ, но не духу своего ученія; такъ, напр., въ одномъ изъ отрывковъ мы находимъ, между прочимъ, такой разговоръ: „Однако, Епихоритъ принадлежитъ къ селтѣ Пивагорейцевъ, и тѣмъ не менѣе это не мѣшаетъ ему ѣсть собачье мясо“*). — «Положимъ; но только мясо неживой собаки . . . это уже недушевленное существо».

Алексидъ (Ἀλεξίς, ок. 390—284), уроженецъ Θурій въ южной Греціи. Ему приписывали 245 пьесъ. Отъ него, какъ и отъ Антифана, остались многочисленные отрывки, по которымъ мы можемъ судить, что это былъ врагъ и Платона, и Пивагорейцевъ и поклонникъ чувственныхъ наслажденій. Алексидъ служить переходною ступенью къ „Новой“ комедіи.

III. **Новая** комедія (νέα κωμῳδία, 320—250 г.) воспроизводила сцены дѣйствительной жизни, картины нравовъ и характеровъ. Самыми выдающимися представителями „Новой“ комедіи были Менандръ и Филемонъ. „Новая“ комедія всегда считала своимъ родоначальникомъ Еврипида, приблизившаго героическіе сюжеты къ обыденной жизни.

Менандръ (Μένανδρος, 342—290), уроженецъ Аѳинъ, и **Филемонъ** (Φιλῆμων, ок. 340 г.), уроженецъ Сиракузъ, оставили намъ въ своихъ отрывкахъ большею частью только нравственные изрѣченія, остроумныя замѣчанія и поговорки. Судя по имѣющимся даннымъ и свидѣтельствамъ древнихъ, Филемонъ создалъ комедію, которая считается наиболѣе похожею на нашу современную.

Безъ сомнѣнія, „Новая“ комедія изображала еще картину современнаго аѳинскаго общества; но это изображеніе уже приближалось къ изображенію общечеловѣческаго типа отрицательнаго характера. Тутъ уже выступаютъ на сцену лица, которыя почти не встрѣчаются у Аристофана: любовники, скряги, хвастуны, интриганы, обманутые старики, слуги-плуты и т. п. Отъ Менандра заимствовали эти роли Плавтъ и Теренцій, отъ которыхъ выше-сказанные типы заимствованы въ свою очередь Мольеромъ. Римская комедія есть только отраженіе „Новой“ комедіи, процвѣтавшей въ Аѳинахъ въ теченіи части IV-го и всего III вѣка до Р. X. и бывшей послѣднимъ выраженіемъ жившаго поэтическаго генія Аѳинянъ. Было бы интересно разобрать типы „Новой“ комедіи въ первоначальномъ ихъ появленіи; но, къ сожалѣнію, отъ образцовъ этой комедіи до насъ дошли только нѣкоторые славныя имена, да фрагменты, не представляющіе никакой цѣльности.

Чтобы болѣе исчерпать обзоръ литературы „Аттической эпохи“, приведемъ еще нѣкоторыя имена, извѣстныя въ V-мъ и IV вѣкѣ въ области лирики и эпоса.

Представителями чистой лирики въ эту эпоху упоминаются:

Меланиппидъ (Μελανίππιδης, современникъ Сократа), уроженецъ о-ва Мела, извѣстенъ диоирамбами, которымъ онъ, однако, придалъ особый характеръ,

*) Какъ извѣстно, одного изъ главныхъ статей ученія Пивагорейцевъ, было — воздержаніе отъ животной пищи.

давъ перевѣсъ музыки надъ поэзіей. Отъ него, какъ и отъ нижеслѣдующихъ поэтовъ, до насъ дошли только отрывки.

Филоксенъ (Φιλόξενος, 435—380 г.) изъ Киоеръ, ученикъ Меланиппида; надъ нимъ смѣется Аристофанъ въ своемъ Плутосъ, какъ надъ новаторомъ въ лирикѣ и музыкѣ.

Кинесія (Κινησία, ок. 415 г.) Аѳинскій, о произведеніяхъ котораго Платонъ въ своемъ діалогѣ „Горгія“ говоритъ, что они направлены не къ тому, чтобы нравственно возвышать слушателей, а единственно къ тому, чтобы забавлять толпу.

Затѣмъ, слѣдуютъ три современника Пелопоннесской войны: **Фринъ** (Φρῶνις, лесбіецъ), передѣлавшій правила (νόμοι) Терпандра, **Тимоеей** (Τιμόθεος, изъ Милета), игравшій уже на одиннадцатиструнной китарѣ, при чемъ нововведенія его были приняты во всей Греціи, какъ послѣднее слово музыкальнаго искусства и лирики, и **Полиэйдъ** (Πολύειδος), славившійся и любимый публикою дидрабристъ.

Элегическими стихами извѣстны въ эту пору: **Іонъ** Хиосскій, **Діонисій** Аѳинянинъ, **Критія** Аѳинскій и нѣкоторые др. Стихотворенія ихъ были посвящены вину, пляскѣ и всякаго рода веселію. Впрочемъ, аѳинскіе государственные люди и въ эту эпоху охотно высказывали въ элегической формѣ свои мысли объ общественныхъ дѣлахъ. Діонисій былъ виднымъ государственнымъ дѣятелемъ временъ Перикла; Критія, одинъ изъ тридцати тиранновъ, превозноситъ, напр., въ одной дошедшей до насъ элегіи доблесть спартацевъ, въ другой обращается къ Алкивіаду.

Изъ эпиковъ V-го и IV вѣка назовемъ **Паніазиду** (Πανόσις, изъ Галикарнасса), дядю Геродота, написавшаго поэму Гераклею (Ἡράκλεια), которую греки ставили выше всѣхъ другихъ поэмъ, посвященныхъ похождениямъ того-же героя. Онъ-же написалъ и другую поэму Ἴωνικά, въ которой повѣствуется о древнѣйшей исторіи іонійцевъ Малой Азіи. Отъ него сохранились немногіе отрывки.

Другой эпикъ **Хэрилъ** (Χοιρίλος, ок. 404 г.), уроженецъ Сама, написалъ поэму Персеиду, т. е. исторію Персидскихъ войнъ, въ которой поэтъ прославляетъ доблесть грековъ.

Антимахъ (Ἀντίμαχος, ок. 404 г.) по прозванію Колофонскій сочинилъ обширную поэму Θиваида, которую древніе цѣнили очень высоко. Тотъ-же Антимахъ извѣстенъ также своими работами по исправленію и толкованію гомеровскихъ поэмъ.

Одновременно съ созданіемъ величайшихъ образцовъ въ области поэзіи вообще и драмы по преимуществу, аѳинскій геній проявилъ себя и въ области **прозы**. „Аттическая“ эпоха, или періодъ времени отъ Персидскихъ войнъ до Александра Вел. былъ порою, когда литературная, художественная проза окончательно сложилась въ Аѳинахъ.

Проза сравнительно поздно получила свое развитіе. До VI-го вѣка все излагалось у нихъ въ метрической формѣ. Первый памятникъ греческой

прозы принадлежит **Ферекиду** (Φερειόδης, въ перв. полов. VI вѣка), уроженцу острова Сира (ὁ Σύριος) и учителю Пифагора. Ему приписывается сочиненіе объ естествовѣдѣніи и богословіи, *περὶ φύσεως καὶ θεῶν*.

Въ тоже время зарождается и проза историческая. Казалось бы, естественнѣе всего, чтобы у каждаго народа исторія зарождалась изъ эпической поэзіи, изъ сказаній о славномъ прошломъ героическихъ временъ. Однако, въ древности только Греки оказываются народомъ, имѣвшимъ истинное понятіе объ исторіи; только у грековъ зарождается исторія въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Ибо исторіи мы не находимъ ни у Евреевъ, у которыхъ Библия представляетъ смѣсь дѣйствительныхъ событій съ эпосомъ и лирикой; ни у Индусовъ и Персовъ, которые не пошли дальше эпической поэзіи; ни у Египтянъ и Ассирійцевъ, которые только приводили въ систематическій порядокъ измышленія своихъ жрецовъ; ни, наконецъ, у Китайцевъ, которые ничего другаго не знали, кромѣ безсодержательной и сухой хронологіи. Исторія, быть можетъ, изъ всѣхъ литературныхъ родовъ наиболѣе есть плодъ греческаго генія: греки, а никто другой въ древности создали изъ нея науку и искусство.

Первые шаги на пути къ настоящей исторіи были сдѣланы **логографами**, или лѣтописцами Греціи. Они стояли еще на эпической почвѣ и могли только повторять и приводить въ хронологическій порядокъ ходячія сказанія о прошломъ. Подъ словомъ логосъ (λόγος) греки разумѣли всякое сообщеніе въ прозаической формѣ, и аѳиняне называли логотграфами и тѣхъ, кто писалъ для другихъ судебныя рѣчи. Первыхъ лѣтописцевъ Греціи назвалъ логографами **Θυκιδίδης** *). Само собой разумѣется, эти логографы, составляя свои лѣтописи, не заботились о томъ, чтобы придать своимъ трудамъ критическую обработку; они, наталкиваясь на противорѣчія въ миѳическихъ и народныхъ сказаніяхъ, просто отбрасывали одни преданія и допускали другія. Тѣмъ не менѣе эти логографы способствовали выработкѣ историческаго стиля и подготовили перваго историка Греціи, Геродота.

Первымъ логографомъ признается **Надмъ** (Νάδμος) изъ Милета, жившій въ VI вѣкѣ. Онъ написалъ исторію основанія своего роднаго города, озаглавленную *Κτίσις Μιλήτου καὶ τῆς ὅλης Ἰωνίης* въ четырехъ книгахъ. Для насъ его сочиненіе не существуетъ.

Другой логографъ, тоже изъ Милета, **Гекатей** (Ἐχάταιος); извѣстенъ болѣе своего предшественника. Онъ родился ок. 549 г. и умеръ вскорѣ послѣ битвы при Платеяхъ (479 г.). Гекатей составилъ родословныя многихъ знаменитыхъ родовъ и написалъ также сочиненіе подъ заглавіемъ „Вокругъ земли“ (*Περίοδος γῆς*), изъ двухъ книгъ котораго одна называлась Европа, а другая Азія. Въ сохранившихся отрывкахъ Гекатея мы впервые встрѣчаемъ болѣе свободное отношеніе къ миѳическимъ сказаніямъ.

*) Кн. I, гл. 21.

Ферекидъ (Φερειός, въ V вѣкѣ), уроженецъ острова Лероса (у Каріи), замѣчательнъ особенно тѣмъ, что его сочиненія служили главнымъ источникомъ для позднѣйшихъ географовъ. Онъ собралъ сказанія объ исторіи Аттики и составилъ аѳинскія родословія, начиная отъ Эанта (Дякса) вплоть до Мильтіада. Сочиненіе его, въ 10-ти книгахъ, отъ которыхъ до насъ дошли лишь отрывки, носило разныя названія: *ιστορίαι*, *θεογονία*, *ἀρχαιολογία Ἀττικῆ* и др.

Харонъ (Χάρων, ок. 460 г.), уроженецъ милетской колоніи Лампсака, посвятилъ этнографическіе очерки Персіи, Ливіи и др. странамъ и написалъ лѣтописи своего роднаго города*). — Такія-же этнографическія описанія, родословія и хроники писалъ и **Гелланикъ** (Ἑλλάνικος, ок. 420—395 г.), уроженецъ Митилены и современникъ Геродота. Ему, между прочимъ, приписывается хронологическій списокъ женщинъ, которыя съ древнихъ временъ были жрицами при алтарѣ Геры въ Аргосѣ, съ разсказами объ аргосскихъ событіяхъ, связанныхъ съ именами этихъ жриць.

Вотъ почти всѣ имена греческихъ логографовъ, жившихъ до Геродота или во время его. Всѣ они, не исключая и тѣхъ, которые не были сами іонійцами, писали на іонійскомъ нарѣчій, единственномъ въ ту пору, уже имѣвшемъ своихъ прозаиковъ.

Геродотъ (Ἡρόδοτος, 484—406 г.) происходилъ изъ дорійскаго города (Малой Азій) Галикарнасса, отчего и называется Ἀλικαρνασσεύς. Геродотъ, по всей вѣроятности, получилъ еще въ юности хорошее образованіе, между прочимъ, и отъ наставника своего поэта Паніазиды, своего дяди по матери. Онъ съ молодыхъ уже лѣтъ посвятилъ свою жизнь путешествіямъ по разнымъ странамъ извѣстнаго тогда обитаемаго міра, и даже объѣхалъ побережье Чернаго моря до Колхиды (тамъ, гдѣ нынѣ городъ Поти). Ему было около тридцати лѣтъ, когда онъ вернулся на родину; но вскорѣ Геродотъ, преслѣдуемый галикарнассскимъ тиранномъ Лигдаміемъ, вынужденъ былъ бѣжать изъ роднаго города и поселился на островѣ Самѣ, откуда потомъ, за нѣсколько лѣтъ до смерти, переѣхалъ на постоянное жительство въ городъ Θυρίи, въ южной Италіи, основанный аѳинянами на мѣстѣ древняго Сибариса. Когда, именно, Геродотъ посѣтилъ Грецію, достовѣрно неизвѣстно; мы знаемъ только, что онъ объѣхалъ всѣ достопримѣчательныя мѣстности ея и читалъ выдержки изъ своей Исторіи на праздникахъ Панаѳенейскихъ.

Александрійскіе ученые III вѣка раздѣлили трудъ Геродота на девять книгъ и каждую озаглавили именемъ одной изъ девяти музъ. Первые четыре книги посвящены повѣствованію о событіяхъ, происходившихъ до начала Персидскихъ войнъ. Вторыя пять излагаютъ повѣствованіе о Персидскихъ войнахъ вплоть до Платейской битвы (479 г.).

*) То, что мы обозначаемъ словомъ „лѣтописи“, то у римлянъ называлось *Annales*, у грековъ — *ἱστορίαι*, откуда слово *г*о*р*о*г*р*а*ф*ь* (*ἱστογράφος*), лѣтописецъ, какъ назывались многіе древніе историки.

Геродотъ въ своемъ трудѣ задался мыслью описать великую борьбу Греціи съ Азіей. Историкъ начинается съ первыхъ, мифическихъ, поводовъ къ непріязненнымъ столкновеніямъ Европы съ Азіей, и въ первой-же книгѣ начинается разсказъ объ Іо и Европѣ, переходя затѣмъ къ Троянской войнѣ. Продолжая свое повѣствованіе дальше, Геродотъ разсказываетъ о лидійскомъ царствѣ, начиная съ 700-го съ лишкомъ года до Р. Х., о Крезѣ, о завоеваніи Лидіи Киромъ, а потомъ и о возвышеніи персидскаго царства, вмѣстѣ съ изложеніемъ исторіи Мидіи. Первая книга (Κλειώ¹) заканчивается смертью Кира въ походѣ его противъ Массагетовъ. — Вторая книга (Εὐτέρπη²) начинается повѣствованіе воцареніемъ Камбиза и знакомитъ при этомъ подробно съ Египтомъ, его природою, населеніемъ и памятниками. — Третья книга (Θάλεια³) разсказываетъ о завоеваніи Египта, о смерти Камбиза, о воцареніи Дарія Гистаспа, объ административныхъ и финансовыхъ мѣрахъ этого послѣдняго, о многочисленныхъ возстаніяхъ, сопровождавшихъ вступленіе его на тронъ. — Четвертая книга (Μελπομένη⁴) посвящена описанію Скивовъ, кочевниковъ, обитавшихъ по сѣверному побережью Чернаго моря, и неудачному походу Дарія противъ нихъ; другой походъ, предпринятый персами изъ Египта на западъ, въ Барку, даетъ автору поводъ въ концѣ той-же книги описать народы, жившіе по сѣверному побережью Африки. — Пятая книга (Τερψιχόρα⁵) повѣствуетъ о возстаніи малоазійскихъ грековъ. — Содержаніе шестой книги (Ἐρατώ⁶) составляетъ походъ Дарія, закончившійся Марафонской битвой. — Седьмая, восьмая и девятая (Πολύμνια, Οὐρανία и Καλλιόπη⁷) повѣствуютъ о геройской борьбѣ грековъ съ Ксерксомъ, закончившейся битвами при Саламинѣ, Платеяхъ и Микале (479 г.)⁸.

Геродота принято называть отцомъ исторіи, и не безъ основанія. Въ то время какъ логографы ограничиваются только собираніемъ въ кучу фактовъ и преданій, Геродотъ проводитъ черезъ все свое сочиненіе руководящую мысль, излагаетъ факты и событія съ критикой, хотя бы то и не строго-научной, наблюдаетъ связь, руководствуется методомъ. Возьмемъ примѣры. Тогда-какъ логографы заносятъ безъ разбора и замѣчаній въ свои лѣтописи, положимъ все, чтò относилось къ сказаніямъ о Гераклѣ, нашъ историкъ осуждаетъ легковѣріе своихъ соотечественниковъ и ссылается на природу вещей и на обычныя условія, управляющія ходомъ событій. Или, напр., взять его соображенія, въ объясненіи чуда, касающагося основанія Додонскаго оракула⁹).

1) Муза эпоса и исторіи.

2) Муза лирической поэзіи.

3) Муза комедіи.

4) Муза трагедіи.

5) Муза танцевъ.

6) Муза любовной поэзіи и мимики.

7) Πολύμνια — муза гимновъ, Οὐρανία — муза астрономіи, Καλλιόπη — муза эпоса, считавшаяся между музами старшей.

8) Геродотъ существуетъ въ русск. переводѣ, сдѣланномъ профессор. Θ. Г. Мищенко.

9) Кн. II, 54—58.

Образованный на продолжительныхъ путешествіяхъ, познакомившись съ многочисленными письменными памятниками, съ участниками или свидѣтелями событій, руководимый продуманнымъ и часто вѣрнымъ сужденіемъ, Геродотъ оказывается на столько точнымъ, что еще и въ настоящее время въ Азіи, или Скиѣи, находятъ то, что онъ описывалъ; онъ понимаетъ и содѣйствуетъ пониманію связи событій; наконецъ, если онъ и приписываетъ слишкомъ большую роль фатализму, то, съ другой стороны, часто съ чисто-философскимъ инстинктомъ понимаетъ причины удачъ и неудачъ, понимаетъ вліяніе разнообразныхъ обычаевъ и учрежденій у разныхъ народовъ. Онъ обладаетъ серьезными свойствами историка: у него есть чувство правды, хотя подчасъ и съ примѣсью наивности. Если онъ и прибѣгаетъ слишкомъ часто къ растянутымъ повѣствованіямъ, иногда даже мало занимательнымъ, то все-же онъ обнаруживаетъ удивительный талантъ рассказчика.

Въ заключеніе скажемъ о Геродотѣ, что „Музы“ обличаютъ въ греческомъ историкѣ человѣка глубоко-религіознаго, и что вся его „исторія“ проникнута идеей рока, царящаго надъ человѣкомъ и народами и руководящаго всѣми ихъ дѣлами и событіями.

Если въ Геродотѣ мы видимъ историка еще несвободнаго отъ наивности и простодушія, за то исторія, вышедшая изъ-подъ пера его младшаго современника, Фукидида, проникнута уже истинно-философскимъ и научно-критическимъ характеромъ.

Фукидидъ (Θουκυδίδης, 464—395), Аѣнининъ, сынъ Олора, происходившаго отъ аракійскихъ царей, и матери, состоявшей въ близкомъ родствѣ съ фамиліей Мильтіада, принадлежалъ къ одному изъ самыхъ богатыхъ и вліятельныхъ семействъ въ Аѣинахъ. Въ первые годы Пелопоннеской войны онъ съ успѣхомъ отправлялъ важныя общественныя должности. Но въ 424 году, когда Фукидидъ начальствовалъ надъ небольшою флотиліей у острова Тазоса, ему не удалось подоспѣть вовремя на помощь осажденному Бразидомъ Амфилою, и за это онъ былъ преданъ суду и приговоренъ къ изгнанію. По истеченіи двадцати лѣтъ (423—403), проведенныхъ имъ въ изгнаніи во Фракіи, онъ снова вернулся въ Аѣины, гдѣ черезъ восемь лѣтъ палъ отъ руки какого-то убійцы. — Отъ самаго Фукидида (I, 1) мы знаемъ, что онъ началъ писать свой трудъ приблизительно въ тридцатипятилѣтнемъ возрастѣ.

Сочиненіе Фукидида носитъ слѣдующее полное заглавіе: *Συγγραφή περὶ τοῦ πολέμου τῶν Πελοποννησίων καὶ τῶν Ἀθηναίων*, и раздѣляется на 8-мь книгъ, составляющихъ содержаніе Пелопоннеской войны (431—404 г.). Впрочемъ, Фукидидъ не окончилъ вполне задуманнаго труда: восьмая и послѣдняя книга сохранилась въ неокончателномъ видѣ; событія кончаются 411-мь годомъ, съ котораго начинается свою „исторію“ преемникъ Фукидида, Ксенофонтъ.

Мало заботясь, въ отличіе отъ своего предшественника, о томъ, чтобы понравиться читателю, Фукидидъ занятъ исключительно изслѣдованіемъ. Онъ

держится только достовѣрныхъ фактовъ и не имѣетъ ни малѣйшей вѣры въ современныя ему чудеса. Онъ заботится больше о разъясненіи событій и объ опредѣленіи причинъ и слѣдствій ихъ. Но, будучи истинно-серьезнымъ историкомъ, Фукидидъ въ тоже время является удивительнымъ писателемъ: стиль его полонъ силы и живости, выразительности и блеска, не имѣющаго, однако, ничего напускнаго, ничего общаго съ риторическими прикрасами. Чтобы убѣдиться въ справедливости этихъ словъ, достаточно прочесть, даже въ переводѣ ¹⁾, надгробную рѣчь Перикла ²⁾, описаніе чумы ³⁾, снаряженіе экспедиціи въ Сицилію ⁴⁾ и др. Все, что ему можно поставить въ упрекъ — это крайняя сжатость, по временамъ затемняющая смыслъ текста, по крайней мѣрѣ въ рѣчахъ, которыя онъ влагаетъ въ уста главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Но эта затемненность стиля происходитъ именно отъ напряженія мысли, отъ особенной заботливости сгустить слова и фразы, съ цѣлью приблизить составленную историкомъ рѣчь къ дѣйствительно произнесенной. Что касается рѣчей вообще въ историческихъ трудахъ греческихъ и римскихъ писателей, то необходимо сказать, что онѣ не только были вѣрнымъ отраженіемъ жизни древнихъ республикъ, гдѣ ἀγορά и forum ⁵⁾ имѣли столь великое значеніе, но онѣ были однимъ изъ требованій историческаго повѣствованія. Хотя въ рѣчахъ, приводимыхъ Фукидидомъ, не слѣдуетъ искать точнаго воспроизведенія того, что было произнесено въ дѣйствительности тѣмъ или другимъ изъ историческихъ лицъ, однако мы не найдемъ рѣчей, болѣе близкихъ къ дѣйствительности, какъ у Фукидида: онъ самъ говоритъ ⁶⁾: „что касается рѣчей, произнесенныхъ отдѣльными лицами или въ пору приготовленія къ войнѣ, или во время самой войны, то для меня трудно было запомнить сказанное со всею точностью какъ то, что я слышалъ самъ, такъ и то, что передавали мнѣ съ разныхъ сторонъ другіе. Рѣчи произнесены у меня такъ, какъ, по моему мнѣнію, каждый ораторъ скорѣе всего могъ, сообразно съ обстоятельствами, говорить „о текущемъ положеніи дѣла“. Фукидидъ блестяще умѣетъ очерчивать характеры немногими словами, изображать ихъ столкновенія и борьбу съ обстоятельствами, умѣетъ устраняться самъ и предоставлять говорить людямъ и событіямъ ⁷⁾.

¹⁾ Фукидидъ прекрасно переведенъ на русскій языкъ профессор. О. Г. Мищенкомъ.

²⁾ Thucyd., кн. II, 34—46.

³⁾ Thucyd., кн. II, 47—54.

⁴⁾ Thucyd., кн. VI, 27—32.

⁵⁾ Такъ назывались у грековъ и римлянъ мѣста въ городѣ, гдѣ народъ собирался для разсмотрѣнія и разрѣшенія государств. дѣлъ.

⁶⁾ Thucyd., кн. I, 22.

⁷⁾ Казалось бы, естественнѣе всего думать, что простые рассказы Геродота могутъ гораздо больше занять юнаго читателя, чѣмъ серьезное и философское повѣствованіе Фукидида. Однако, на сколько мы можемъ судить на основаніи опыта въ нашей преподавательской практикѣ, изъ греческихъ прозаиковъ, читавшихся до сего времени въ нашихъ гимназіяхъ, ни одинъ не возбуждаетъ въ юношѣ столько интереса собственно къ содержанію, какъ Фукидидъ, и, замѣчательно, это можно сказать по преимуществу о „трудныхъ“ мѣстахъ, такихъ, напр., какъ рѣчь (подробная) Перикла, описаніе чумы и др. Вотъ почему мы искренно сожалѣемъ объ исключеніи Фукидида изъ числа читаемыхъ въ гимназіи авторовъ.

Продолжателемъ Оукидида былъ **Ксенофонтъ** (Ξενοφών, 444—355 г.), сынъ Грилла, уроженецъ Аттики. Онъ принадлежалъ къ богатой семьѣ и получилъ по тогдашнему времени отличное образованіе. Былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ учениковъ и почитателей Сократа. Изъ сочиненій Ксенофонта мы знаемъ, что онъ посѣтилъ Персію уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, и тамъ поступилъ на службу къ Киру Младшему. Послѣ 400 года онъ вернулся изъ Азіи въ Грецію, когда уже Сократа не было въ живыхъ. По поводу казни этого великаго философа и своего учителя Ксенофонтъ сначала написалъ его апологію, а потомъ и свои Воспоминанія о Сократѣ. Смерть Сократа сильно вооружила Ксенофонта противъ аѳинской демократіи: его обвинили въ „лаконизмъ“, т. е. въ пристрастіи къ Лакедемонянамъ, и народное собраніе запретило Ксенофону возвращаться на родину. Послѣ этого онъ сблизился съ Агезилаемъ, царемъ лакедемонскимъ и сталъ настоящимъ лакедемонцемъ. Спартанцы наградили его помѣстьемъ въ Элидѣ, гдѣ онъ и прожилъ до глубокой старости.

Изъ сорока книгъ, написанныхъ Ксенофонтомъ, до насъ дошло 37-мъ. Онъ составляли сочиненія разнообразнаго содержанія.

Прежде всего Ксенофонтъ для насъ важенъ какъ продолжатель Оукидида. По преданію, и самый трудъ Оукидида былъ изданъ именно Ксенофонтомъ уже послѣ смерти автора Пелопоннесской войны. Сочиненіе Ксенофонта, служащее продолженіемъ исторіи Оукидида, носитъ заглавіе Гелленика (Ἑλληνικά), что собственно значитъ Эллинскія дѣла; эти Гелленика такъ и начинаются словами: „А спустя нѣсколько дней послѣ этого . . .“ (Μετὰ δὲ ταῦτα οὐ πολλαῖς ἡμέραις ὕστερον . . .). Исторія эллинскихъ дѣлъ Ксенофонта состоитъ изъ 7-ми книгъ, изъ которыхъ двѣ первыя посвящены собственно продолженію Оукидида, а пять послѣднихъ прославленію подвиговъ Агезилая. Изложеніе исторіи Ксенофонта оканчивается битвою при Мантинеѣ и смертію Епаминонда, т. е. 362-мъ годомъ. Послѣднія пять книгъ написаны Ксенофонтомъ уже въ старости. Это сочиненіе есть единственное дошедшее до насъ описаніе тѣхъ временъ современникомъ. Какъ вообще всеми своими сочиненіями, такъ и въ частности своимъ Ἑλληνικά Ксенофонтъ производитъ впечатлѣніе писателя правдиваго, аккуратнаго, но съ умомъ мало-подвижнымъ и упорно видящимъ одну только сторону вещей. Такъ, считая аѳинскую демократію нравственно испорченной и осуждая аѳинскія учрежденія, онъ въ тоже время не замѣчалъ прокрадывавшейся уже и въ Спарту порчи правовъ и учрежденій. Впрочемъ, стиль его вездѣ отличается простотою и гладкостью, за что по справедливости получилъ прозваніе аттической пчелы.

Между сочиненіями Ксенофонта наибольшее значеніе въ литературномъ отношеніи имѣетъ его Анабазисъ (Ἀνάβασις), въ которомъ онъ описываетъ походъ Кира Младшаго и отступление десяти тысячъ наемныхъ грековъ, бывшихъ въ войскѣ Кира, послѣ рѣшительнаго сраженія при Кунаксахъ въ 401 году. Ксенофонтъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ

въ событіяхъ, рассказанныхъ имъ въ Анабазисѣ. Въ Персіи въ это время царствовалъ Артаксерксъ Мнемонъ, старшій сынъ Дарія Оха. Братъ его Киръ, бывшій тогда намѣстникомъ въ Малой Азіи, задумалъ самъ сдѣлаться царемъ и съ этою цѣлью собралъ войско, привлеки къ себѣ на службу также и около 13,000 грековъ. Послѣ несчастнаго сраженія при Кунаксахъ, въ которомъ палъ Киръ, греческіе стратеги были коварно завлечены въ лагерь Персовъ и тамъ убиты, послѣ чего оставшіеся 10,000 греческихъ воиновъ выбрали своими вождами Ксенофонта и Хейрисофа. Съ неимовѣрными усиліями и лишеніями грекамъ удается обойти засаду Тиссаферна, перейти черезъ Евфратъ и Тигръ и достигнуть Трапезунта, пройдя Арменію и дргія земли, а потомъ частью сухимъ путемъ, частью моремъ добраться до предмѣстья Византіи, Хризополя, нынѣ Скутари. Оставшіеся въ концѣ концовъ 6,000 человекъ поступаютъ сначала на службу къ еракійскому царю Севеу, потомъ къ Фиброну, воевавшему противъ Тиссаферна и Фарнабаза.

Если Ксенофонтъ не былъ безупреченъ какъ патріотъ, если онъ отличался узкостью взгляда какъ политикъ, за то онъ былъ въ извѣстномъ смыслѣ строго нравственнымъ и религіознымъ до суевѣрія человекомъ, и такимъ онъ кажется для насъ въ своихъ Воспоминаніяхъ о Сократѣ (Ἀπομνημονεύματα), въ своемъ Агезилаѣ (Ἀγησίλαος), въ Киропадіи (Κυρουπαδεία), въ книгѣ Экономикъ (Οἰκονομικός), въ Похвалѣ Сократу (Σωκράτους ἀπολογία), въ Пирѣ (Συμπόσιον).

Ἀπομνημονεύματα для насъ имѣютъ большую важность какъ историческій источникъ, возстановляющій личность великаго философа. Платонъ оставилъ намъ изображеніе того-же мыслителя, но Сократъ, выводимый Платономъ, есть личность идеализованная, превращенная въ носителя идей самаго Платона, тогда-какъ Сократъ Ксенофонта ближе къ жизни, реальнѣе и вѣрнѣе. Воспоминанія написаны въ четырехъ книгахъ.

Другое сочиненіе Ксенофонта, касающееся Сократа, — Σωκράτους ἀπολογία, принадлежность котораго Ксенофонту нѣкоторые отвергаютъ, доказываетъ, что Сократъ былъ жертвой деспотической надменности судей, что судьи осудили его на смерть потому только, что философъ не пожелалъ смягчать ихъ унижительными просьбами, а напротивъ, въ сознаніи своихъ заслугъ предъ обществомъ, гордо предъявлялъ права на награду отъ государства *).

Экономикъ, или Хозяйство Ксенофонта пользовалось особеннымъ уваженіемъ въ древности. Въ немъ Сократъ предлагаетъ наилучшій способъ управленія домашнимъ хозяйствомъ.

Въ Пирѣ главная роль принадлежитъ также Сократу; это сочиненіе даетъ живую картину греческихъ пирушекъ. На этомъ пиру Сократъ развиваетъ мысль о двоякомъ существѣ Эроса (богъ любви) или любви, о любви обыденной и любви божественной **).

*) Это маленькое сочиненіе содержитъ 8-мь страницъ Теубнеровскаго изданія.

**) Экономикъ и Пиръ въ изданіи Теубнера занимаютъ 109 страницъ: 1-ое сочиненіе въ 21 главу, а второе — въ 9-ть.

Агезилай сочинение, представляющее настоящий панегирикъ спартанскаго царя*).

Нѣтъ сомнѣнiя, что долгое пребыванiе Ксенофонта въ Персiи зародило у него мысль написать сочинение о знаменитомъ основателѣ персидской монархiи, Кирѣ Старшемъ. Киропедiя или Воспитанiе Кира — пространнiй политическiй романъ, въ которомъ Ксенофонтъ развиваетъ свое представленiе о государствѣ въ формѣ отеческой и наследственной монархiи. Киропедiя самое объемистое сочинение Ксенофонта: оно состоитъ изъ восьми книгъ, въ которыхъ Киръ изображается какъ идеальный правитель государства, мудрый и добрый благодѣтель своихъ подданныхъ. Но такъ-какъ это произведение было собственно панегирикомъ Кира, то естественно, что въ немъ устранены всѣ извѣстные недостатки и промахи персидскаго царя. Для насъ Киропедiя заслуживаетъ вниманiе какъ чуть-ли не самый раннiй образчикъ популярнаго историческаго романа.

Остальныя сочиненiя Ксенофонта суть: Геронъ или о тираннiи (Ἱέρων ἢ τυραννικός) излагаетъ бесѣду Герона Сиракузскаго съ философомъ Симонидомъ, въ которой проводится параллель между тираннiей и спокойствiемъ частной жизни; О верховой ѣздѣ (Περὶ ἵππικῆς); сочинение Ἱππαρχικός говоритъ объ обязанностяхъ начальника конницы; сочинение Κονηγετικός ведетъ рѣчь объ охотѣ; трактатъ О доходахъ (Πόροι ἢ περὶ προσόδων) написанъ съ цѣлью указать средства къ поправленiю экономическаго положенiя государства; трактатъ О спартанской политикѣ (Περὶ Λακεδαιμονίων πολιτείας) въ XV главахъ говоритъ о спартанскомъ воспитанiи, военныхъ упражненiяхъ, охотѣ и пр.; трактатъ Объ афинской политикѣ (конституцiи) (Περὶ Ἀθηναίων πολιτείας**), всего въ трехъ главахъ***).

За Фукидидомъ и Ксенофонтомъ слѣдовали другiе историки IV вѣка, отъ которыхъ, впрочемъ, до насъ дошли только отрывки. То были: Ктесiя (Κτησία, изъ Книды), который, живя въ Персiи въ качествѣ врача при царѣ Артаксерксѣ Мнемонѣ, написалъ историческое сочинение въ 23-хъ книгахъ подъ названiемъ Περσικά и другое, меньшее, Ἰνδικά. Ктесiя вносилъ въ свои исторiи много вымысла, и Аристотель считалъ его не заслуживающимъ довѣрiя. — Филистъ (Φίλιστος, 430—356) изъ Сиракузъ написалъ исторiю Сицилии подъ заглавiемъ Συκελικά. — Теопомпъ (Θεόπομπος, ок. 380 г. до Р. X.), уроженецъ острова Хиѣ, написалъ два большихъ труда: 1. Ἑλληνικά, составившiя продолженiе исторiи Фукидида съ 411 по 394 годъ, и 58-мъ книгъ всеобщей исторiи, называемой Φιλίππικά, потому-что она начиналась воцаренiемъ Филиппа Македонскаго и оканчивалась его смертью. — Тимѣй (Τίμαιος,

*) Агезилай состоитъ изъ 11-ти главъ и занимаетъ 32 страницы въ изданiи Теубнера.

**) Геронъ состоитъ изъ XI главъ и занимаетъ 25 страницъ Теубнеров. изданiя; О верх. ѣздѣ — XII главъ на 27 страницахъ; Ἱππαρχικός — изъ IX главъ на 24 страницахъ; О доходахъ — изъ VI главъ на 16 страницахъ; послѣднiя два сочиненiя занимаютъ 34 страницы.

***) Всѣ сочиненiя Ксенофонта переведены на русскiй языкъ Г. А. Янчевецкимъ,

352—256), изъ Тавроменіи въ Сициліи, написалъ исторію Сициліи съ древнѣйшихъ временъ до 264 года, которая состояла изъ 68-ми книгъ. Полибій *) (214—122) оспаривалъ, между прочимъ, въ Тимѣ даже всякія способности къ исторіи. — **Ефоръ** (Ἐφορος, 405—330), происходившій изъ іонійскаго города Кумъ, вмѣстѣ съ Теопомпомъ былъ ученикомъ Исократы и считался у древнихъ авторомъ первой „всеобщей исторіи“, обвинявшей исторію грековъ и варваровъ со времени „возвращенія Гераклидовъ“ до осады Перинѳа Филиппомъ Македонскимъ (340 г.). Сочиненіе его, состоявшее изъ 30-ти книгъ, было замѣчательно по богатству собраннаго матеріала.

Общій недостатокъ всѣхъ поименованныхъ пяти позднѣйшихъ историковъ — это склонность къ риторству. Для нихъ недостаточно, подобно Фукидиду, выказать свой ораторскій талантъ на дѣйствительныхъ или вѣроятныхъ рѣчахъ историческихъ дѣятелей: они вносятъ цѣлую ретику, и имъ нравятся напыщенность и преувеличенная вычурность. Другой недостатокъ этихъ преемниковъ Фукидида и Ксенофонта — разукрашиваніе дѣйствительныхъ событій баснословными разсказами; погоня за риторическими эффектами заставляетъ этихъ историковъ быть безразличными къ истинѣ; а извѣстно, что писатель, стремящійся болѣе удивить читателя, чѣмъ поучить его, всегда склоненъ помѣстить въ своемъ повѣствованіи самыя невѣроятныя вымыслы, касается ли тѣ исторіи, или географіи. Такъ, Теопомпъ совершенно серьезно писалъ чудеса про страну Мероповъ**), чтѣ, однако, даетъ намъ лишь блѣдную копію Платоновой Атлантиды***).

Платонъ (Πλάτων, 429—348 г.) принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ греческихъ писателей, сочиненія которыхъ дошли до насъ вполне †). Онъ родился въ Аѳинахъ и первоначально носилъ имя Аристокла. Отецъ его Аристонъ и мать Перистіона были люди древняго и знатнаго рода. Въ тяжелую пору Пелопоннеской войны ему пришлось нести военную службу. Изъ сочиненій Платона мы узнаемъ, что онъ еще до сближенія съ Сократомъ,

*) XII, 3—15, 23—28.

**) Меропами назывались жители кокого-то огромнаго материка, лежавшаго за предѣлами Африки; объ этихъ-то Меропахъ и разсказываетъ Теопомпъ, какъ приводится у Aelian. Hist. var., 3. 18.

***) Подъ Атлантидой (Ἀτλαντίς) древніе разумѣли большой островъ, величиною съ Ливію, и подробности о немъ мы узнаемъ у Платона въ діалогахъ Критія (pag. 108) и Тимѣй (pag. 24). Онъ находился за Геракловыми столбами (Гибралтарскимъ прол.) и отличался богатствомъ и могуществомъ, которыхъ жители впоследствии лишились, благодаря испорченности нравовъ. Въ новѣйшее время предполагали Атлантиду на мѣстѣ Азорскихъ и Канарскихъ острововъ, или острова Св. Елены, или даже считали ее Америкой.

†) Для Грековъ, особенно въ началѣ, философія была также искусствомъ. Первые философы были въ тоже время и поэтами. Пифагоръ излагалъ свои наставленія именно въ формѣ аллегоріи, подобно тѣмъ баснямъ, посредствомъ которыхъ преподавалъ свои уроки морали Эзопъ. Изъ современниковъ и учениковъ Сократы, имена которыхъ извѣстны въ исторіи философіи, мы упомянемъ **Евклида** (Ἐκκλείδης), основателя „Мегарской школы“, соединявшей этику Сократы съ ученіемъ Элеатовъ (положившихъ начало діалектикѣ), **Аристиппа** (Ἀριστιππος), основателя „Киренской школы“, и **Антисфена** (Ἀντισθένης), основателя школы „Циниковъ“. Отъ нихъ до насъ не дошло ничего или почти ничего.

котораго былъ преданнымъ ученикомъ и поклонникомъ, познакомился съ современными направленьями въ наукѣ и искусствѣ. Послѣ смерти Сократа, Платонъ переселился въ Мегары къ ученику его Евклиду. Изъ Мегаръ онъ путешествовалъ въ Египетъ, Кирену, Южную Италию и Сицилию. Въ Киренѣ онъ изучалъ математику у знатока этой науки, Θεοδώρα. Но наиболѣе замѣчательны три его путешествія въ Сицилию къ тамошнимъ тираннамъ, Діонисію Старшему и Діонисію Младшему. Призванный ко двору Діонисія Старш., Платонъ не понравился этому властителю и даже былъ проданъ въ рабство, изъ котораго его выкупилъ одинъ киренскій другъ. Этимъ окончилось его первое путешествіе въ Сицилию, послѣ котораго съ 388 г. онъ вернулся въ Аѣины и тамъ открылъ школу въ гимназій, по-вившей названіе Академіи*). Умирая, Платонъ передалъ школу своему ученику Спевсиппу.

Сущность философіи Платона заключается въ его ученіи объ идеяхъ (ιδέαι). Въ нашу задачу не входитъ изложеніе всей философской системы Платона: это дѣло историка философіи. Мы замѣтимъ только, что, по соображеніямъ современныхъ ученыхъ и знатоковъ Платона, діалогъ его Федръ можетъ познакомить читателя съ общимъ очеркомъ всей системы нашего философа.

Сочиненія Платона дошли до насъ въ формѣ **Діалоговъ** или разговоровъ, въ которыхъ руководящая роль принадлежитъ Сократу. Но мы напрасно будемъ искать въ „діалогахъ“ дѣйствительное воспроизведеніе великаго философа, говорившаго иной разъ о Платонѣ, что „этомъ молодой человекъ влагаетъ мнѣ въ уста такія прекрасныя вещи, о какихъ мнѣ и не снилось“.

До насъ дошли 45 діалоговъ, носящихъ имя Платона. Вотъ ихъ перечень: 1. Гиппія Младшій, Ἰππίας Ἐλάττων; 2. Ἴων; 3. Ἀλκιβιάδης; 4. Хармίδης; 5. Лисидъ, Λύσις; 6. Лахетъ, Λάχης; 7. Протагорасъ; 8. Εὐθύδημος; 9. Защита Сократа, Ἀπολογία Σωκράτους; 10. Критонъ; 11. Горгія, Γοργίας; 12. Εὐθύφρων; 13. Мѣнонъ; 14. Гиппія Старшій, Ἰππίας Μείζων; 15. Краτύλος; 16. Θεαίτητος; 17. Σοφιστής; 18. Πολιτικός; 19. Παρμενίδης; 20. Φαῖδρος; 21. Μενέξενος; 22. Пиръ, Συμπόσιον; 23. Фэдонъ, Φαίδων; 24. Філіпπος; 25. Πολιτεία, Государство; 26. Τίμαιος; 27. Критіасъ; 28. Законы, Νόμοι; 29. Алкивиадъ второй, Ἀλκιβιάδης ὁ δεῦτερος или о молитвѣ;

*) Гимназія, γυμνάσιον, gymnasium: такъ называлось у грековъ мѣсто, гдѣ мальчики и юноши упражнялись гимнастикѣ и обучались разнымъ приемамъ борьбы и другаго рода состязаній (ἀγῶνες). Гимназій устраивались обыкновенно въ видѣ просторныхъ дворовъ, окруженныхъ колоннадой; чаще всего при какой-нибудь рошѣ. Тѣже гимназій были и вообще мѣстами прогулокъ и отдыха для гражданъ. Въ каждомъ городѣ была своя гимназія. Въ Аѣинахъ ихъ было нѣсколько. Какъ общественное учрежденіе, гимназій служили обыкновенно для философовъ и софистовъ мѣстомъ, гдѣ они поучали слушателей. Въ одной изъ такихъ гимназій, именно той, которая называлась Академіей, основалъ Платонъ свою школу „Академистовъ“. Наименованіе академіи получила гимназія отъ героя Акадѣма, которому былъ посвященъ участокъ земли, отведенный подъ гимназію. Впослѣдствіи времени у современныхъ народовъ принято называть словомъ академія или высшее учебное заведеніе, или общество ученыхъ и художниковъ, трудящихся для развитія наукъ и искусствъ (какъ у насъ).

30. Ἰππαρχος (о корыстолюбіи); 31. Ἀντερασταί (объ истинной философіи); 32. Θεάγης (о мудрости); 33. Κλειτοφῶν; 34. Μίνως (о законѣ); 35. Тимѣй-Локръ о душѣ міра и природы, Τίμαιος ὁ Λοκρὸς περὶ ψυχῆς κόσμου καὶ φύσεως; 36. Ἐπινομίς; 37. Ὅροι; 38. О справедливомъ, Περί δικαίου; 39. О добродѣтели, Περί ἀρετῆς; 40. Δημόδοκος; 41. Σίσυφος; 42. Ἀλκυών; 43. Ἐροξίας; 44. Ἀξίλοχος; 45. Письма, Ἐπιστολαί, числомъ 17-тъ.

Всѣ діалоги Платона принято раздѣлять на три разряда, по періодамъ времени, въ которое они были написаны. Къ первому разряду относятся діалоги, помѣщенные нами подъ №№ 1—14; они написаны въ періодъ времени до отъѣзда Платона изъ Аѳинъ; ко второму относятся діалоги подъ №№ 15—19; они написаны въ періодъ путешествій, 398—388 гг.; третій разрядъ составляютъ діалоги подъ №№ 20—28, написанные за время отъ основанія школы въ Академіи до конца жизни Платона, т. е. 388—348 гг. Принадлежность Платону остальныхъ діалоговъ оспаривается.

Всѣ почти діалоги названы по имени одного изъ участниковъ въ разговорѣ.

Приступая къ краткому анализу діалоговъ, мы будемъ разсматривать ихъ по группамъ, установленнымъ комментаторами Платона *).

А. Къ первой группѣ, которую называютъ чисто-сократическою, относятся: Лахетъ, трактующій о мужествѣ, Лисидъ, — о мужествѣ, Хармидъ, — о цѣломудріи, Евейфронъ, — о религіозности и Клейтофонъ, разсуждающій о справедливости. Въ этихъ діалогахъ одинъ изъ участниковъ бесѣды предлагаетъ на разъясненіе какое-нибудь ходячее понятіе, часто употребляемое людьми, но въ смыслѣ неопредѣленномъ или туманномъ. Сократъ останавливается на этой неопредѣленности и начинаетъ передъ слушателями разбирать признаки предложеннаго понятія. При этомъ задача Сократа состоитъ въ томъ, что онъ путемъ вопросовъ и отвѣтовъ, построенныхъ строго-логически, доказываетъ оппоненту непослѣдовательность его положеній, а слѣдовательно и неосновательность его заключеній. Но самъ Сократъ большею частью не рѣшаетъ вопроса, а ограничивается только отрицательнымъ результатомъ, опроверженіемъ не только своего противника, но и самого себя. Эта отрицательная діалектика и составляла наиболѣе выдающуюся черту манеры Сократа, оказывавшагося слабымъ въ области созидающей философіи. Такъ, въ діалогѣ Клейтофонъ, собесѣдникъ, по имени котораго названъ діалогъ, обращается къ Сократу съ тономъ упрека и говоритъ ему: „Не разъ и не два выносилъ я эти сомнѣнія и „безпокоилъ тебя просьбой разъяснить мнѣ ихъ. Наконецъ, я усталъ и „пришелъ къ убѣжденію, что ты безспорно мастеръ въ искусствѣ заставлятъ „доискиваться добродѣтели; но чтò касается послѣдующаго вопроса, какъ „найти его, то этого ты или самъ не знаешь, или не хочешь сказать . . .

*) Въ изложеніи этой части нашего Очерка мы слѣдуемъ Магаффи, Исторія классич. періода греч. литературы, Т. II, § 419 и д.

Я. А. Коменскій.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ

Часть II.

ВЕЛИКАЯ ДИДАКТИКА

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „ГИМНАЗИЯ.“

Ревель.

Типографія «Ревельскихъ Извѣстій».

1893.

Великая дидактика

содержащая всеобщее искусство всехъ учить всему

или

Я. А. Коменскій

ВЕЛИКАЯ ДИДАКТИКА

Перевелъ С. И. Р.

В. А. Коменскій

Переводъ съдѣланъ по тексту
Pädag. Klassiker, herausg. von Dr. G. A. Lindner,

Wien u. Lpz. 1892.

Издатель С. П. Б.

Великая дидактика

содержащая всеобщее искусство всёхъ учить всему

или

вѣрный и испытанный способъ

учрежденія во всёхъ общинахъ, городахъ и селахъ каждаго христіанскаго государства такихъ школь, гдѣ бы все юношество обоого пола, никого не исключая, просвѣщалось науками, совершенствовалося въ нравахъ, навывало благочестію, дабы такимъ образомъ всё могли научиться всему, что необходимо для этой и для будущей жизни,

обстоятельно, легко, прочно;

гдѣ для всего, что предлагается,

основныя начала извлекаются изъ самаго существа дѣла;

частныя истины объясняются соотвѣтственными примѣрами изъ механическихъ искусствъ;

порядокъ занятій распредѣляется по годамъ, мѣсяцамъ, днямъ, часамъ и, наконецъ,

путь указывается **легкій и вѣрный** для благополучнаго достиженія успѣха.

Великая Дидактика

Главный планъ этой нашей дидактики состоитъ въ слѣдующемъ:

Найти способъ, при которомъ учащiе меньше учили бы, а учащiеся больше учились; школы меньше вызывали бы шума, отвращенiя и напрасной работы, а больше доставляли досуга, удовольствiя и дѣльнаго успѣха; христіанское званіе могло бы имѣть въ себѣ меньше мрака, запутанности и раздора, а больше свѣта, порядка, мира и покоя.

Псаломъ 66, 2—3:

Боже, будь милостивъ къ намъ и благослови насъ; освѣти насъ лицемъ Твоимъ, дабы познали на землѣ путь Твой, во всѣхъ народахъ спасеніе Твое!

Привѣтствіе читателямъ.

1. Дидактика есть искусство учить.

Нѣкоторые замѣчательные люди, которые сожалѣли о Сизифовой работѣ¹⁾ въ школахъ, недавно направили свои стремленія къ тому, чтобы найти это искусство, но съ неравною смѣлостью и съ неравными результатами.

2. Одни указывали только способъ, какъ легче учить тому или другому языку; другіе указывали болѣе краткій путь скорѣйшаго усвоенія той или другой науки или искусства; третьи еще что-нибудь свое особенное; но почти всѣ давали извѣстныя внѣшнія предписанія, заимствованныя изъ болѣе легкой учебной практики, т. е. *a posteriori*²⁾, какъ обыкновенно выражаются.

3. Мы беремъ на себя смѣлость обобщать великое ученіе о преподаваніи, т. е. общее искусство учить всѣхъ всему и именно вѣрно учить, чтобы результатъ не замедлил показаться; далѣе, легко учить, безъ мученія или отвращенія для учащихся и учащихся, а къ высшему взаимному удовольствію тѣхъ и другихъ; далѣе, основательно учить: не только поверхностно и для вида, а для внушенія истиннаго знанія, для образованія кротости нравовъ и искренняго благочестія. Наконецъ, мы имѣемъ въ виду все это изложить *a priori*³⁾ (въ видѣ выводовъ разума), т. е. на основаніи самой неизмѣнной природы вещей, изъ которой, какъ изъ живого источника, будемъ выводить постоянно текущіе ручейки, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ свести ихъ въ одинъ общій потокъ для установленія общаго искусства.

4. Велики и вождѣленны вещи, которыя здѣсь выставляются на видъ, хотя я легко предвижу, что иному онѣ покажутся скорѣе мечтою воображенія, чѣмъ изложеніемъ существа дѣла. Пусть всякій, кто бы онъ ни былъ, воздержится отъ произнесенія своего сужденія до тѣхъ поръ, пока не познаетъ, въ чемъ дѣло; тогда предоставляется ему не только составить свое сужденіе, но и высказать его. Я не могу желать, еще менѣе требовать,

чтобы кто-нибудь поддался уговариванію изъявить свое согласіе на то, въ чемъ онъ достаточно твердо не убѣжденъ; но необходимо, чтобы всякій наблюдатель, кто бы онъ ни былъ, приносилъ къ дѣлу также свои собственныя и именно изошренныя чувства (которыя не могутъ быть ослѣплены обманомъ воображенія). Вотъ къ чему я самымъ настоятельнымъ образомъ увѣщаваю, чего требую.

5. Это, въ самомъ дѣлѣ, серьезное дѣло и, какъ оно есть предметъ желанія всѣхъ, такъ должно быть взвѣшено сужденіемъ всѣхъ и выполнено соединенными усиліями всѣхъ, такъ какъ касается общаго блага всего человѣчества. Какую лучшую и большую услугу мы можемъ оказать государству, какъ обученіе и образованіе юношества, особенно въ нынѣшнее время и при нынѣшнихъ нравахъ, когда оно такъ низко пало, что, по выраженію Цицерона, необходимо содѣйствіе всѣхъ въ дѣлѣ обузданія его. Но Филиппъ Меланхтонъ замѣтилъ, что правильно образовать юношество труднѣе, чѣмъ завоевать Трою. Сюда же относятся также слова Григорія Назіанзскаго⁵): искусство искусствъ есть образованіе человѣка, такъ какъ онъ самое разностороннее и загадочное между всѣми созданіями.

6. Потому представить искусство искусствъ трудное дѣло и требуетъ тщательнаго обсужденія не одного человѣка, а многихъ, такъ какъ ни одинъ отдѣльный человѣкъ не бываетъ такъ проницателенъ, чтобы отъ взгляда его не ускользнуло очень многое.

7. Я справедливо требую отъ моихъ читателей, даже закликаю всѣхъ, до кого дойдетъ написанное мною, во имя блага человѣчества: во первыхъ, чтобы они не приписали неразумности то, когда кто-нибудь рѣшается столь великое не только испробовать, но и пообѣщать, такъ какъ это дѣлается только для благой цѣли; во вторыхъ, чтобы они не унывали, когда первая попытка не удастся и желаемое дѣло не будетъ вполнѣ закончено нами. Необходимо, чтобы сначала сѣмя вещей возшло, затѣмъ, чтобы оно постепенно взросло. Сколь ни несовершенно это наше начинаніе и не достигаетъ предположенной цѣли, все-таки самое дѣло докажетъ, что оно есть высшая и болѣе близкая къ цѣли ступень, чѣмъ до сихъ поръ это казалось. Наконецъ, я прошу читателей, чтобы они имѣли въ себѣ столько вниманія, ревности и разсудочной проницательности, сколько приличествуетъ для высшихъ дѣлъ. Мой долгъ какъ кратко означить поводъ къ этому труду, такъ просто перечислить надписанія главъ новооткрытаго способа; затѣмъ съ полнымъ довѣріемъ первый предоставить справедливой оцѣнкѣ, послѣдній — дальнѣйшему изслѣдованію.

8. Это искусство учить и учиться на той ступени совершенства, на которую оно теперь поднялось, въ предыдущія столѣтія, въ большей своей части, было неизвѣстно⁶⁾ и потому учебное дѣло и школы настолько были исполнены работъ и тягостей, колебаній и ложныхъ взглядовъ, ошибокъ и заблужденій, что только тѣ, кто были одарены необычайными способностями, могли достигнуть сколько-нибудь основательнаго образованія.

9. Въ послѣднее время однако Богу угодно было, чтобы засвѣтилась заря наступающаго новаго вѣка, именно: Онъ возбудилъ въ Германіи нѣкоторыхъ дѣльныхъ мужей, которые, утомившись запутанностью обычнаго въ школахъ учебнаго метода, стали обдумывать болѣе легкой и короткій путь обученія языкамъ и наукамъ, одни за другими, и потому одни съ большимъ, другіе съ меньшимъ результатомъ, какъ это видно изъ написанныхъ ими дидактическихъ сочиненій и произведенныхъ опытовъ.

10. Я разумѣю здѣсь Ратиха, Любина, Гельвига, Риттера, Бодина, Глаума, Фогеля, Вольфштирна⁷⁾ и достойнаго быть поставленнымъ на первомъ мѣстѣ Іогана Валентина Андрэ⁸⁾ (который въ своихъ драгоценныхъ сочиненіяхъ прекрасно открывалъ болѣзни, какъ въ области церкви и государства, такъ и школы безразлично и указывалъ средства къ исцѣленію ихъ). Но также во Франціи начали катить этотъ камень, именно: Янъ Цецилій Фрей⁹⁾ въ Парижѣ въ 1629 году издалъ прекрасную дидактику (подъ заглавіемъ: Новый и легкой путь къ божественнымъ наукамъ и искусствамъ, языкамъ и импровизаціямъ).

11. Трудно пересказать, какое удовольствіе я чувствовалъ и какъ смягчена была моя боль объ упадкѣ отечества и о въ высшей степени стѣсненномъ положеніи всей Германіи, когда имѣлъ случай перелистывать тѣ сочиненія. Я сталъ надѣяться, что Промыслъ Всевышняго не напрасно далъ такъ сложиться обстоятельствамъ, что паденіе старой школы по времени должно было совпадать съ основополаганіемъ новой, сообразно новымъ идеямъ. Ибо кто имѣетъ намѣреніе возводить новое зданіе, тотъ сначала обыкновенно уравниваетъ почву и сноситъ менѣе удобный или пришедшій въ ветхость домъ.

12. Эта мысль возбудила во мнѣ радостную надежду, соединенную съ пріятнымъ чувствомъ; скоро однако эта надежда исчезла, и я сталъ думать, что столь значительное дѣло не можетъ быть основательно выяснено.

13. Желая полнѣе ознакомиться съ дѣломъ, я обращался письменно то къ одному, то къ другому изъ нихъ, но напрасно,

частью потому, что тотъ или другой слишкомъ ревностно оберегалъ свои чувства, частью потому, что письма не доходили до тѣхъ, кому были адресованы, и возвращались назадъ безъ отвѣта¹⁰).

14. Только одинъ изъ нихъ (знаменитый I. В. Андреэ) написалъ любезный отвѣтъ, что онъ желаетъ передать намъ свѣтила и побуждалъ насъ согласиться съ нимъ въ нѣкоторыхъ вещахъ. Поощренный этимъ, я сталъ въ самомъ себѣ чаще объ этомъ размышлять, пока, наконецъ, неудержимое стремленіе къ общественному благу не понудило меня серьезно взяться за этотъ предметъ.

15. Оставивъ въ сторонѣ чужія открытія, мысли, наблюденія и совѣты, я взялся самъ прямо изслѣдовать дѣло и выяснить причины, основанія, роды и цѣли искусства обученія (discentia, по Тертуллиану).

16. Таково происхожденіе этого моего сочиненія, которое (надѣюсь) полнѣе раскрываетъ дѣло, чѣмъ это до сихъ поръ сдѣлано; оно сначала было составлено на родномъ языкѣ для пользованія моего народа¹¹), но затѣмъ, по совѣту нѣкоторыхъ дѣльныхъ людей, переведено на латинскій языкъ, чтобы оно, гдѣ возможно, могло принести общую пользу.

17. Какъ говоритъ Любинъ въ своемъ ученіи о преподаваніи, любовь повелѣваетъ, чтобы то, что Богомъ открыто для блага человѣчества, не было завистливо скрываемо отъ рода смертныхъ, а предоставляемо для пользованія всего міра.

Такова природа всѣхъ истинныхъ благъ, что они всѣмъ могутъ быть сообщены; чѣмъ больше и чѣмъ большому количеству людей сообщаются, тѣмъ больше и тѣмъ обильнѣе они удовлетворяютъ всѣхъ.¹²)

18. Также заповѣдь человѣчности гласитъ, что, когда знаютъ для борющихся близкую помощь, то нельзя скрывать ее отъ нихъ, въ особенности тамъ, гдѣ дѣло идетъ не о пользѣ отдѣльныхъ лицъ, а многихъ, не однихъ только людей, но городовъ, провинцій, государствъ и, такимъ образомъ, цѣлаго человѣчества, какъ въ данномъ случаѣ.

19. Еслибы нашелся такой педантъ, который думалъ бы, что призванію богослова чуждо обсуждать школьные вопросы, тотъ пусть знаетъ, что я самъ носилъ это сомнѣніе въ глубинѣ своей души, но чувствовалъ, что иначе отъ него не могу освободиться, какъ послѣдовавши Богу и исполнивши то, что указало мнѣ божественное внушеніе.

20. Посему позвольте мнѣ, христіанскія души, говорить съ вами искренно! Кому я ближе извѣстенъ, тѣ знаютъ, что я чело-

вѣкъ малаго остроумія и почти безъ всякаго литературнаго образованія¹³); что я однако сожалѣю о недостаткахъ вѣка и очень стремлюсь къ тому, чтобы, какимъ бы то ни было образомъ, удовлетворить наши желанія или чрезъ собственные, или чрезъ чужія открытія (что, во всякомъ случаѣ, можетъ быть сдѣлано только милостію Божіею).

21. Если нужно тутъ что-нибудь признать правильнымъ, то это не мое дѣло, а Того, Кто изъ устъ младенцевъ устраиваетъ себѣ хвалу и кто для того, чтобы являть себя вѣрнымъ, истиннымъ и благимъ, просящему даетъ, стучащему открываетъ и ищущему даетъ найти (Лук. 11.) и Чьи оказанныя намъ благодѣянія мы не должны переносить на другихъ. Спаситель мой знаетъ, что мое сердце такъ незлобно, что учить и быть учимымъ, увѣщевать и быть увѣщеваемымъ, быть учителемъ учителей и ученикомъ учениковъ для меня не представляетъ никакого различія.

22. Что мнѣ Господь далъ уразумѣть, то я здѣсь представляю для общаго пользованія, чтобы оно стало общественнымъ благомъ.

23. Когда кто-нибудь откроетъ лучшее, то пусть поступитъ такъ же, чтобы онъ, еслибы скрылъ свой талантъ въ потовомъ платкѣ, не былъ осужденъ Господомъ, который хочетъ, чтобы всѣ Его рабы приносили прибыль, чтобы назначенный каждому талантъ приносилъ другіе таланты (Лук. 19).

Ищите великаго, что стоитъ, стояло и всегда будетъ стоять свободно.

Что ты началъ съ Богомъ, то не будетъ бесплоднымъ дѣломъ.

П о с л а н і е *)

Всѣмъ начальникамъ человѣческихъ обществъ, правителямъ государствъ, пастырямъ церквей, родителямъ и опекунамъ дѣтей благодать и миръ отъ Бога, Отца Господа нашего Іисуса Христа въ Духѣ Святомъ.

Созданнаго изъ персти земной человѣка Богъ поселилъ въ рай веселія, который насадилъ на востокѣ, не только для того, чтобы человѣкъ его хранилъ и обрабатывалъ, но чтобы онъ самъ служилъ садомъ услажденія своему Богу.

Какъ рай былъ самою пріятною частью міра, такъ человѣкъ былъ самымъ драгоценнымъ изъ твореній. Въ рай всякое дерево было великолѣпно на видъ и пріятно для вкушенія, изъ всего

*) Расширенное многочисленными цитатами посланіе здѣсь передается въ нѣсколько сокращенномъ видѣ.

того, что было разбѣяно вокругъ по поверхности земной; въ чело-
вѣкѣ была вся міровая матерія, всѣ формы и степени формъ были
какъ-бы соединены во едино, чтобы представить художественное
произведение Божественной Премудрости. Въ раю было дерево
познанія добра и зла; человекъ имѣлъ разумъ различать и волю
выбирать хорошее или худое. Въ раю было дерево жизни, въ че-
ловѣкѣ дерево безсмертія, именно, Премудрость Божія, пустившая
свои вѣчные корни въ человекъ.

Такимъ образомъ, всякій человекъ есть садъ услажденія для
своего Бога, пока онъ стоитъ на той высотѣ, на которой поста-
вленъ. Такъ и церковь, составляющая собраніе преданныхъ Богу
людей, въ Писаніи часто сравнивается съ раемъ, садомъ, виноград-
никомъ Божиимъ.

Но увы! къ нашему несчастію, мы потеряли рай тѣлес-
наго услажденія и, вмѣстѣ съ нимъ, въ то же время по-
теряли рай духовной радости, которымъ были мы сами¹). Мы изгнаны во
юдоль земную и сами сдѣлались суровою и мерз-
кою пустынею. Мы были неблагодарны за то, чѣмъ Богъ въ
изобиліи снабдилъ насъ въ раю, какъ въ отношеніи тѣла, такъ и
въ отношеніи души; потому мы по справедливости лишены сего и
отданы бѣдствіямъ тѣла и души.

Слава, хвала, честь и благословеніе во вѣки милостивому на-
шему Богу, который хотя оставилъ насъ на мгновеніе, но не от-
вергъ насъ навсегда. . . . Снова зеленѣетъ вертоградъ церкви,
услажденіе божественнаго сердца.

Но это новое насажденіе Божества подвигается ли впередъ
по надлежащему? Успѣшно ли произрастаютъ всѣ отпрыски? При-
носятся ли всѣ деревья новаго насажденія нарды, шафранъ, корицу,
мирру, пряности и дорогіе плоды? Не слышимъ-ли мы голосъ
Бога, который взываетъ своей церкви: Я насадилъ тебя, какъ
благородную лозу, — самое чистое сѣмя; какъ же ты
превратилась у Меня въ дикую отрасль чужой славы?
(Иерем. 2, 21). Это сѣтованіе Бога на то, что и новыя насажденія
рая выражаются!.....

Кто не знаетъ своей болѣзни, тотъ не думаетъ и о леченіи
ея; кто не ощущаетъ своей боли, тотъ не вздыхаетъ; кто не замѣ-
чаетъ своей опасности, тотъ не боится ея, хотя бы былъ поста-
вленъ надъ безднами и пропастями. Подобнымъ же образомъ не
удивительно, что тотъ не жалуется на являющіяся въ чело-
вѣчествѣ и церкви нестроенія, кто ихъ не замѣчаетъ. Но кто ви-
дитъ себя и другихъ покрытыми безчисленными ранами; кто при
этомъ замѣчаетъ, что его собственныя и чужія раны и болячки

все больше гноятся; кто видитъ себя и другихъ стоящими между опаснѣйшими пропастями и опутанными различными сѣтями и видитъ того или другого уже падающимъ, тому — трудно не изумиться, не ужасаться и не изнывать отъ боли.

Что въ насъ и въ нашихъ способностяхъ находится въ нормальномъ состояніи? ²⁾ Ничто. Все извращено или находится въ состояніи разрушенія. вмѣсто познанія, въ которомъ мы должны бы угодобляться ангеламъ, у большинства людей господствуетъ такое тупоуміе, что они подлежащія знанію вещи не лучше знаютъ, чѣмъ животныя; вмѣсто осмотрительности, съ которою назначенные къ вѣчности должны были бы приготовляться къ вѣчности, господствуетъ такое забвеніе не только вѣчности, но и смертности, что большинство предалось земному и преходящему, пока не наступаетъ смерть. вмѣсто божественной мудрости, чрезъ которую намъ дано познавать лучшее изъ лучшаго, уважать и пользоваться имъ, стало гнусное отвращеніе отъ того Бога, въ которомъ мы живемъ, движемся и есмь, и безумное заклинаніе Его святѣйшаго имени. вмѣсто взаимной любви и чистоты нравовъ, господствуютъ взаимная ненависть, вражда, война и убійство ³⁾; вмѣсто справедливости — неправда, несправедливость, притѣсненія, воровство и хищенія; вмѣсто цѣломудрія — нечистота и безстыдство въ мысляхъ, словахъ и дѣйствіяхъ; вмѣсто простоты и правдивости — ложь, обманъ и лукавство; вмѣсто смиренія — гордость и надменность одного передъ другимъ.

Однако для насъ остается еще двойное утѣшеніе. Во первыхъ, что Богъ для своихъ избранныхъ имѣетъ въ готовности вѣчный рай, гдѣ возвращается совершенство и именно болѣе полное и прочное, чѣмъ было первое, потерянное. Въ этотъ рай вошелъ Христосъ (Лук. 23, 43), туда былъ восхищенъ Павелъ (2 Кор. 12, 4), и великолѣпіе его созерцалъ Іоаннъ (Апокал. 2, 7, 21, 10).

Другое утѣшеніе состоитъ въ томъ, что также здѣсь, на землѣ Богъ постепенно обновляетъ рай церкви и старается пустыню ея обратить къ садъ веселія. Мы видѣли, какъ это нѣсколько разъ торжественнымъ образомъ было уже сдѣлано: послѣ грѣхопаденія, послѣ потопа, послѣ вступленія народа Израильскаго въ землю Ханаанскую, во время Давида и Соломона, послѣ возвращенія изъ Вавилонскаго плѣна и возстановленія Иерусалима, послѣ вознесенія Христа и проповѣданія евангелія всѣмъ народамъ, во время Константина и въ другихъ случаяхъ. Если также и нынѣ, послѣ свирѣпствованія столь кровавыхъ войнъ и послѣ такого опустошенія странъ, Отецъ милосердія готовъ взглянуть на насъ милостивымъ взоромъ, то мы съ благодарностью должны, для своей

пользы, идти на встрѣчу Богу и именно тѣми средствами и путями, которые укажетъ намъ премудрый и всѣмъ управляющій Богъ.

Важнѣйшее, чему насъ учить Священное Писаніе, есть то, что для исправленія человѣческой испорченности нѣтъ подѣ соднцемъ болѣе вѣрнаго пути, какъ правильное обученіе юношества. Послѣ того какъ Соломонъ прошелъ всѣ пути человѣческаго заблужденія и съ горечью созналъ, что превратности неисправимы и что недостатки неисчислимы, онъ, наконецъ, обратился къ юношеству и заклиналъ его, чтобы оно въ свои молодые дни помнило Творца, боялось Его и соблюдало заповѣди Его, потому что въ этомъ все для человѣка (Экклез. 12, 13). И въ другомъ мѣстѣ: «Наставь юношу при началѣ пути его; онъ не уклонится отъ него, когда и состарѣется» (Притч. Сол. 22, 6). Также Давидъ говоритъ: «Придите, дѣти, послушайте меня: страху Господню научу васъ» (Псал. 33, 12). Но также самъ небесный Давидъ, истинный Соломонъ, вѣчный Сынъ Божій, снишедшій съ неба для нашего исправленія, указываетъ намъ на тотъ же путь, когда Онъ говоритъ: «пустите дѣтей приходить ко Мнѣ и не препятствуйте имъ: ибо таковыхъ есть царство небесное» (Мрк. 10, 14). Намъ же прочимъ Онъ сказалъ: «истинно говорю вамъ, если не обратитесь и не будете какъ дѣти, не войдете въ царство Небесное» (М. 18, 3.)

Что за рѣчь! Послушайте и сообразите всѣ, что Господь и Учитель здѣсь высказалъ; какъ онъ дѣтямъ однимъ только усвоиваетъ дарство Божіе и объявляетъ ихъ наслѣдниками этого царства, и только тѣхъ допускаетъ къ участию въ этомъ наслѣдствѣ, которые уподобились дѣтямъ. О еслибы вы, любезныя дѣти, правильно сознали это данное вамъ Богомъ преимущество!... Здѣсь мы взрослые, которые себя однихъ признаемъ людьми, а васъ считаемъ обезьянками, себя однихъ признаемъ умными, а васъ безмысленными, себя однихъ считаемъ краснорѣчивыми, а васъ несвѣдущими въ языкѣ (*infans* = дитя), — насъ посылаютъ къ вамъ въ школу! Вы поставлены нашими учителями, ваше поведеніе должно быть для насъ примѣромъ и образцомъ.

Еслибы кто-нибудь сталъ думать, почему Богъ дѣтей ставитъ такъ высоко и прославляетъ, то для этого онъ не найдетъ другого болѣе уважительнаго основанія, какъ то, что дѣти проще и воспріимчивѣе къ тому врачеванію, которое милость Божія ниспосылаетъ для печальныхъ человѣческихъ состояній....

По этой причинѣ повелѣваетъ Христосъ, что мы взрослые должны обратитъся, чтобы быть какъ дѣти, т. е. чтобы

мы отучились отъ всего худого, что внушено намъ превратнымъ наученіемъ и что мы усвоили изъ превратныхъ примѣровъ міра, и возвратились къ прежней степени простоты, кротости, смиренія, цѣломудрія, послушанія и т. д. Но такъ какъ нѣтъ ничего труднѣе, какъ отказаться отъ разъ усвоенныхъ привычекъ, то также очевидно, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ наученнаго человѣка возвратить къ первоначальному его состоянію. Какимъ дерево выросло, высокимъ или низкимъ, съ прямыми или кривыми сучьями, такимъ оно и остается навсегда и уже не можетъ быть измѣнено въ своей формѣ. Согнутый по колесу и затвердѣвшій въ этомъ состояніи косякъ скорѣе сломится, чѣмъ можетъ быть выпрямленъ, какъ показываетъ опытъ. То же самое говоритъ Богъ о людяхъ, привыкшихъ дѣлать худое: «можетъ ли египтянинъ перемѣнить кожу свою и барсъ пятна свои? Такъ и вы можете ли дѣлать доброе, привыкши дѣлать злое?» (Перем. 13, 23). Отсюда необходимо слѣдуетъ: если должно исправить испорченность человѣчества, то это прежде всего нужно дѣлать чрезъ осмотнительное и заботливое воспитаніе юношества.

Но заботливо воспитывать юношество значитъ имѣть попеченіе о томъ, чтобы душа его предохранена была отъ испорченности этого міра, чтобы сѣмя вложенной въ нее благопристойности успѣшно возрастало чрезъ чистое и настойчивое ученіе и чрезъ добрые примѣры, чтобы, наконецъ, духъ его былъ посвященъ въ истинное познаніе Бога, человѣка и различныхъ вещей, чтобы онъ приучился въ этомъ свѣтѣ видѣть свѣтъ Божій и выше всего любить и почитать Отца свѣта. Когда это будетъ исполнено, то очевидно будетъ справедливость сказаннаго псалмопѣвцемъ: «изъ устъ младенцевъ и грудныхъ дѣтей Ты устроилъ хвалу, ради враговъ Твоихъ, дабы сдѣлать безмолвнымъ врага и мстителя» (Псал. 8, 3).

Потому Богъ далъ дѣтямъ ангела хранителя (Мѡ. 18, 10), поставилъ родителей пѣстунами ихъ и вмѣнилъ имъ въ обязанность воспитывать дѣтей въ ученіи и наставленіи Господнемъ (Ефес. 6, 4). Равнымъ образомъ Онъ также другимъ серьезно и подъ угрозою вѣчнаго наказанія приказалъ, чтобы они не соблазняли юношество дурными примѣрами (Мѡ. 18, 6, 7).

Какъ же намъ исполнить это, при столь широкомъ распространеніи испорченности міра? Во времена патріарховъ, когда эти святые мужи жили изолированно отъ міра и въ своихъ семействахъ были не только отцами, но также священниками и учителями

лями, это было всего легче. Такъ какъ дѣти ихъ были удалены отъ обращенія съ худыми людьми и они сами подавали имъ добрый примѣръ добродѣтелей, то они воспитывали ихъ легкимъ увѣщаніемъ и ободреніемъ и, гдѣ было необходимо, исправленіями. Что Авраамъ дѣлалъ такъ, въ томъ свидѣтель самъ Богъ: «ибо Я избралъ его для того, чтобы онъ заповѣдалъ сынамъ своимъ и дому своему послѣ себя ходить путемъ Господнимъ, творя правду и судъ» (Быт. 18, 19).

Но теперь мы живемъ вмѣстѣ; добрые и злые смѣшаны, и худыхъ людей значительное большинство. Примѣръ ихъ такъ сильно увлекаетъ юношество, что предписанія о слѣдованіи добродѣтели, которыя дѣлаются ему, какъ противоядіе противъ зла, или не оказываютъ никакого дѣйствія, или самое незначительное.

А что, если самыя эти предписанія добродѣтели рѣдко даются? Мало родителей, которые способны учить своихъ дѣтей чему-нибудь хорошему, или потому, что они сами ничему подобному не учились, или потому, что имѣютъ въ головѣ другія вещи и воспитаніемъ пренебрегаютъ.

Также мало учителей, которые могутъ юношество учить добруму; и если таковой найдется, то имъ овладѣваетъ какое-либо высокопоставленное лицо, поручая ему занятіе со своими, народъ же имѣетъ отъ него мало пользы.

Такимъ образомъ и выходитъ, что остальное юношество вырастаетъ безъ надлежащаго образованія, какъ лѣсъ, котораго никто не сажаетъ, не поливаетъ, не подрѣзаетъ и не направляетъ. Отсюда дикіе необузданные нравы и привычки наполняютъ міръ, города и рынки, дома и людей, которые и по душѣ и по тѣлу представляютъ сплошную путаницу. Еслибы нынѣ воскресъ какой-нибудь Діогенъ, Сократъ, Сенека или Соломонъ и пришелъ къ намъ, они нашли бы людей въ томъ же состояніи, въ какомъ были прежде. Еслибы самъ Богъ сталъ съ неба говорить, то Онъ не могъ бы сказать ничего другаго, какъ то, что разъ уже сказалъ: «всеѣ уклонились, сдѣлались равно непотребными; нѣтъ дѣлающаго добро, нѣтъ ни одного» (Ис. 13, 3).

Поэтому, если гдѣ найдется кто-нибудь, кто можетъ придумать или дать совѣтъ или воздыханіями и слезами можетъ умолить Бога, какъ лучше всего помочь воспитанію юношества, то пусть онъ не молчитъ, а пусть совѣтуетъ, думаетъ, говоритъ: проклятъ, кто сбиваетъ слѣпного съ пути, говоритъ Богъ (Второзак. 27, 18). Проклятъ, слѣдовательно, также тотъ, кто можетъ освободить слѣпного отъ его заблужденія, но не освобождаетъ. Горе тѣмъ, кто соблазнить одного отъ малыхъ сихъ, говоритъ Хри-

стось (Мѡ. 18. 6, 7). Слѣдовательно, горе также тому, кто может отвратить соблазнъ, но не отвращаетъ. Богъ не хочетъ, чтобы осель и быкъ, заблудившійся въ лѣсу или въ полѣ и лежащій больнымъ подъ своимъ бременемъ, былъ оставляемъ, но чтобы ему была оказана помощь, также когда не знаютъ, кому онъ принадлежитъ, и даже когда знаютъ, что онъ принадлежитъ врагу (Исх. 23. 4; Второз. 22, 1). Неужели ему будетъ угодно, когда мы не неразумныхъ животныхъ, а разумныя существа и не одно или нѣсколько, а весь мѣръ видимъ блуждающихъ и при этомъ остаемся беззаботными, не протягивая даже своей руки? Этого мы не должны думать.

Проклять, кто дѣло Господне дѣлаетъ небрежно, и проклять, кто удерживаетъ мечъ Его отъ крови Вавилона! 1 (Іер. 48, 10) И мы надѣмся быть свободными отъ вины, когда беззаботно смотримъ на Вавилонъ нашихъ заблуждений? Воспринемъ! обнажай оружіе, кто имъ опоясанъ или кто знаетъ, гдѣ оно скрыто въ ножнахъ, и поспѣши на разрушеніе Вавилона, чтобы получить благословеніе отъ Господа!

Итакъ, ревностно исполняйте слово Господне, вы, власти, вы, служители Всевышняго, и изгоните оружіемъ правды тотъ непорядокъ, который господствуетъ въ мѣрѣ и чрезъ который вызываетъ васъ вашъ Богъ.

Поревнуйте вы, начальствующіе, вѣрные слуги Іисуса Христа, и съ ввѣреннымъ вамъ обоюдоострымъ оружіемъ, оружіемъ рѣчи, искорените зло!.. Вы уже видѣли, что человѣческой испорченности никогда нельзя такъ успѣшно противоудѣствовать, какъ въ раннемъ возрастѣ; что деревья, которыя должны вѣчно зеленѣть, никакъ нельзя лучше сажать, какъ сажать ихъ совсѣмъ молодыми и взращивать; что не иначе можно на мѣсто Вавилона успѣшно возвести Сіонъ, какъ рановременною сломкою, обработкою, лощеніемъ и приготовленіемъ живыхъ строительныхъ камней Божіихъ — юношества для небеснаго строенія. Если мы желаемъ имѣть благоустроенныя и цвѣтушія церкви, государства и домохозяйство, то прежде всего приведемъ школы въ порядокъ и дадимъ имъ расцвѣсти, чтобы онѣ были истинными источниками гуманности и рассадниками для церквей, государствъ и домохозяйства. Такъ и не иначе мы достигнемъ цѣли.

Какъ за это взяться и добиться желаннаго результата, — то я хочу теперь раскрыть передъ вами, я, духъ котораго призванъ Господомъ къ тому. Смотрите, слушайте и замѣчайте, что это

такое, вы, которымъ Богъ далъ глаза, чтобы видѣть, уши, чтобы слышать, и разумокъ, чтобы судить.

Если для кого-нибудь взойдетъ невиданный имъ прежде свѣтъ, тотъ пусть воздастъ славу Богу и не позавидуетъ новому вѣку изъ-за новаго сіянія. Если же онъ въ этомъ свѣтѣ увидитъ недостатокъ свѣта и даже самый малый, то пусть онъ восполнитъ и очиститъ его; и для возможности очищенія пусть онъ помнитъ, что много глазъ видятъ больше, чѣмъ одинъ.

Такимъ образомъ мы будемъ другъ друга взаимно поддерживать, чтобы единомысленно исполнять дѣло Божіе; такъ мы избѣгнемъ проклятія, угрожающаго тѣмъ, которые дѣло Господне дѣлаютъ съ небреженіемъ; такъ мы лучше всего исполнимъ долгъ заботливости о драгоцѣннѣйшемъ сокровищѣ міра — юношествѣ; такъ мы будемъ участвовать въ томъ сіяніи, въ которомъ будутъ обратившіе другихъ къ правдѣ (Дан. 12, 3).

Господь да помилуетъ насъ, чтобы мы во свѣтѣ Его узрѣли свѣтъ. Аминь.

ИЛИАДА.

(Прод. см. кн. LX.)

ПѢснь 2.

Сонъ.

И боги, и люди, и ратные кони, всѣ спали въ ту ночь; одного лишь Зевса не брала услаждающій сонъ, и въ сердцѣ своемъ онъ былъ озабоченъ: какъ Ахилла почитать, а ахейскихъ людей погубить при судахъ! И такой совѣтъ для него показался наилучшимъ: послать на Атрида видѣніе гиблое. И къ нему говорилъ онъ крылатое слово:

— Видѣніе гиблое! Ступай ты сейчасъ же къ ахейскимъ быстрымъ судамъ; войди тамъ въ стоянку Атрида и ему передай все не ложно, какъ я накажу. Вели ополчить длиннокосыхъ ахеянъ, всѣ силы: теперь онъ взялъ бы городъ широкій троянъ. Безсмертные боги, всѣ на Олимпѣ, больше не мыслятъ двойко: всѣхъ ихъ склонила мольбами Гера, и нынѣ надъ Троей печали повисли.

Такъ сказалъ Зевсъ, и видѣніе, выслушавъ слово, ушло, и быстро достигло ахейскихъ судовъ, и пошло на Атрида царя Агамемнона, и застало Атрида въ ставкѣ: онъ спитъ, и все засыпано сномъ, безсмертныхъ. Ви-

20 дѣніе стало надъ головою, въ образѣ Нестора, сына Нелеева, что больше всѣхъ стариковъ былъ чтимъ Агамемнономъ. Подобное Нестору, такъ говорило видѣніе гиблое:

— Спишь, сынъ Атрея, коней укротителя мудраго!...

25 Мужъ совѣщатель не долженъ спать всю ночь, если люди довѣрены, столько заботъ. Внимай же мнѣ скоро: я вѣстникъ отъ Зевса; вдали отъ тебя онъ много заботливъ и жалосливъ много. Велѣлъ онъ тебѣ ополчить длинно-

30 родъ широкой троянъ. Безсмертные боги, всѣ на Олимпѣ, больше не мыслятъ двойко: всѣхъ ихъ склонила мольбами Гера, и нынѣ надъ Троей печали повисли отъ Зевса. Сохрани жъ себѣ въ сердцѣ своемъ, не поддайся забвенію въ часъ, когда сонъ усладитель оставитъ.

35 Такъ говорило видѣніе и удалилось, оставивъ Атрида въ раздумьи о томъ, что не должно было совершиться. Сказалъ онъ себѣ, что въ тотъ день завладѣетъ Приамовымъ городомъ... Неразсудный! Не зналъ онъ тѣхъ дѣлъ, какія Зевсъ замышлялъ, что готовилъ на нихъ наложить

40 и боли и стоны, на Троянъ и ахеянъ, въ сѣчахъ упорныхъ.

Проснулся Атридъ, и кругомъ раздавался божественный отгулъ. Съелъ онъ, поднявшись; сталъ надѣвать свой мягкій хитонъ, ново-сшитый, красивый; укутался въ

45 плащъ, а къ жирнымъ ногамъ привязалъ подошвы прекрасныя; на плечи накинулъ мечъ среброгвоздый и взялъ свой посохъ отцовскій, вѣчно негиснущій; съ нимъ и пошелъ по ахейскимъ судамъ.

Въ то время Эосъ богиня пошла на далекій Олимпъ возвѣститъ свѣтъ Зевсу и всѣмъ безсмертнымъ. Царь Агамемнонъ велѣлъ своимъ кликунамъ громкозвучнымъ скликать на собраніе всѣхъ длинноносыхъ ахеянъ. Тѣ ихъ

50 скликали, а тѣ очень скоро сходились. Сперва онъ составилъ совѣтъ стариковъ многодумныхъ у судна Нестора,

родомъ изъ Пилоса. Тамъ Атридъ, ихъ собравъ, составилъ 55
мудрый совѣтъ и молвилъ:

— Слушайте, други! Въ эту чудесную ночь, во снѣ,
посѣтило меня видѣніе божіе, видомъ, ростомъ, лицомъ,
совершенно какъ Несторъ божественный; стало оно надъ
моей головой и такое слово сказало: — «Спишь, сынъ 60
Атрея, коней укротителя мудраго. Мужъ совѣщатель не
долженъ спать всю ночь, если люди довѣрены, столько
заботъ. Внимай мнѣ скоро: я вѣстникъ отъ Зевса; вдали
отъ тебя, онъ много заботливъ и жалосливъ много. Велѣлъ онъ тебѣ ополчить длинноколыхъ ахеянъ, всѣ силы: 65
теперь ты взялъ бы широкій городъ троянъ. Безсмерт-
ные боги, всѣ на Олимпѣ, больше не мыслятъ двояко:
всѣхъ ихъ склонила Гера мольбами, и нынѣ надъ
Троей печали повисли отъ Зевса. Сохрани жъ это въ 70
сердцѣ своемъ». Вотъ какъ видѣніе сказало; затѣмъ уле-
тѣло, а меня сладкій сонъ оставилъ. Такъ чтожь? Опол-
чимъ ахейскихъ сыновъ!? Но сперва, какъ и должно,
я самъ испытаю: скажу имъ бѣжать на судахъ много-
веслыхъ, а вы тамъ, каждый на мѣстѣ, ихъ удержите. 75

Такъ имъ сказаль Агамемнонъ и сѣлъ, и выступилъ
Несторъ, правитель морского-песчанаго Пилоса. Онъ, бла-
гомыслящій, такъ говорилъ:

— Други, вожди и старшины ахеянъ! Еслибъ дру- 80
гой кто сказаль такой сонъ, мы бы дожью назвали и
сами отъ него отвернулись; но теперь его видѣлъ тотъ,
кто наилучшимъ гордится быть изъ ахеянъ. Такъ чтожь?
Ополчимъ ахейскихъ сыновъ.

Такъ сказаль Несторъ и сталъ уходить изъ совѣта; 85
и всѣ за нимъ встали, послушались пастыря всѣ скип-
троносцы цари. И задвигались люди.

Какъ пчелы идутъ племенами, сгустившись, изъ
скаль дупловатыхъ, и вновь прибываютъ, кистями носятя

90 всюду по лѣтнимъ цвѣтамъ, и то здѣсь пролетѣла ихъ
 кучка, то здѣсь: такъ и тѣ, племенами, отъ многихъ су-
 довъ и стоянокъ, по берегу пристани, силами, къ сборищу
 всѣ направлялись. Молва между ними горѣла, вѣстница
 95 Зевса, и ихъ побуждала. Они собирались. Шумѣло со-
 браніе; подъ ними стонала земля, когда люди садились;
 гулъ стоялъ. Девять вѣстниковъ зывали, старались
 сдержать, чтобы кончили крики и слушали царей, отъ
 боговъ рожденныхъ. Съ трудомъ уѣлся народъ погмѣ-
 стамъ, удержался; кричать перестали.
 100 Тогда выстушилъ царь Агамемнонъ, посохъ имѣя въ
 рукахъ, что Гефестъ изготавилъ искусно и далъ Кроніону
 Зевсу, а Зевсъ далъ правдивому вѣстнику Ермію, Ермій
 105 же царь далъ Пелопсу, коней укротителю, Пелопсъ далъ
 Атрею, пастырю народовъ, а Атрей, умирая, оставилъ
 многоовчему (брату) Өіесту, а Өіестъ оставилъ носить
 Агамемнону (племяннику) — править аргивскимъ всѣмъ
 царствомъ и многими островами. На этотъ посохъ онъ
 опирался и такъ говорилъ:
 110 — Други, герои данаи, Ареевы слуги! Зевсъ Кро-
 нидъ оковалъ меня тяжелой бѣдой. Жестокій! раньше
 мнѣ обѣщаль съ мановеньемъ, что я возвращусь разру-
 шителемъ крѣпкихъ стѣнъ Трои; теперь же замыслилъ не до-
 115 брый обманъ и велить мнѣ безславно въ Аргось вер-
 нуться, когда я столько людей погубилъ: должно быть,
 угодно такъ Зевсу всемошному. Но городовъ уже мно-
 гихъ разрушилъ онъ головы, также разрушить и мно-
 гихъ другихъ, такъ какъ сила его величайшая. Да стыдъ и
 120 потомкамъ будетъ слышать, что столько такого народа
 ахеянъ воюють напрасной войной, сражаются съ людомъ
 гораздо слабѣйшимъ, и все же конца передъ ними не
 видно. Вѣдь, еслибы мы захотѣли, ахеяне вмѣстѣ съ
 троянами, вѣрныя клятвы зарѣзать и затѣмъ сосчитаться,

еслибъ ватѣмъ захотѣли назваться трояне, сколько ихъ 125
 есть горожанъ, а мы подѣлились десятками, выбрали всѣ
 одного изъ троянъ вино наливать намъ, то много десят-
 ковъ осталось бы безъ винолителя: на столько насъ, го-
 ворю я, больше, чѣмъ всѣхъ троянъ, населяющихъ городъ. 130
 Соратниковъ много у нихъ копьеметныхъ, изъ городовъ:
 они то водятъ меня, не даютъ раскидать городъ троянъ
 добροжитный. Уже девять годовъ протекло великаго
 Зевса, уже брусъя погнили, канаты истлѣли, а наши жены 135
 и малыя дѣти дома сидятъ и все ожидаютъ, а у насъ
 еще такъ таки дѣло не кончено, то, за которымъ при-
 шли. Такъ чтожь? Какъ сказалъ бы я: всѣ покоримся!
 бѣжимъ на судахъ въ свою отчую землю: не взять намъ 140
 широкихъ улицъ троянскихъ.

Такъ сказалъ Агамемнонъ, и поднялъ духъ въ ихъ
 груди, у всѣхъ по собранію, кто въ тотъ совѣтъ не вслу-
 шался. Сходъ взволновался, словно великія волны мор-
 скія, бездны Икарія, что подняли Евръ и Нотъ, изъ тучъ 145
 облаковъ налетѣвши отъ Зевса отца. Какъ бываетъ, когда
 высокую ниву наклонить бушующій сильный Зефиръ и
 шумитъ по колосьямъ: такъ наклонилось собранье, и съ
 криками всѣ побѣжали къ судамъ; отъ ногъ ихъ пылъ 150
 поднялась и стояла, а они другъ къ другу кричали та-
 щить корабли, спускать на священное море, выравнивать
 землю. Гулъ до небесъ доходилъ: такъ хотѣли домой; и
 уже вырывали подпоры.

Тогда бы аргеемъ пришлось сверхъ судьбы возвра- 155
 титься домой, еслибъ Гера не молвила слово къ Аѳинѣ:
 — Горестно, мощная дочь всемогнанаго Зевса! Такъ
 и уйдутъ домой, въ родную страну, по широкимъ морскимъ
 хребтамъ, и оставятъ, на радость троянъ и Приама, Елену 160
 аргивскую, ради которой столько ахеянъ погибло подъ
 Троей, вдали отъ родины милой. Иди ты въ ахейскій на-

165 родъ мѣднолатный и кроткою рѣчью своею удерживай
каждаго мужа, не дай имъ на море спустить корабли свои
круглые.

170 Такъ говорила Гера. Богиня Аѳина, свѣтлыя очи, послу-
шалась. Быстро спустилась съ вершинъ Олимпа, скоро
достигла легкихъ ахейскихъ судовъ и нашла Одиссея,
равнаго мыслями Зевсу, что онъ стоялъ при черномъ
суднѣ доброснастномъ, но его не касался: скорбь прони-
кала душу его и сердце. Близко стала богиня Аѳина,
свѣтлыя очи, и слово сказала:

175 — Сынъ богородный Лаертовъ, Одиссей, многохи-
тростный! Такъ вотъ вы и домой убѣжите въ родную страну,
на судахъ многovesлыхъ, оставивъ, на радость троянъ и
Пріама, Елену аргивскую, ради которой такъ много
погибло ахеянъ подъ Троей вдали отъ родины милой!
180 Ступай ты сейчасъ-же къ народу ахейскому, не отставай,
а удерживай каждого мужа кроткою рѣчью, не дай имъ
на море спустить корабли свои круглые.

185 Такъ говорила Аѳина, и голосу внялъ онъ призвавшей
богини. Скинулъ свой плащъ и пошелъ — поспѣшилъ,
а плащъ его поднялъ вѣстникъ его, Евривать итакіецъ,
спутникъ всегдашній. Пошелъ онъ на встрѣчу Атриду
царю Агамемнону, взялъ его посохъ отцовскій, негибнущій
вѣчно, и съ нимъ пошелъ къ судамъ мѣднолатныхъ
ахеянъ; и если какого царя встрѣчалъ или знатнаго мужа,
тихою рѣчью удерживалъ, такъ говорилъ:

190 — Дивный! тебѣ неприлично, какъ трусу какому
бояться: и самъ ты сиди и другихъ останавливай. Вѣдь ты
не знаешь точно, каковы Агамемнона мысли: нынѣ пытается,
но скоро накажетъ ахейскихъ сыновъ; и на совѣтъ не
195 все мы дослушали, что онъ сказалъ. Какъ бы на насъ
не прогнѣвался, не сдѣлалъ зла ахейскимъ сынамъ, а

духъ великъ царя богороднаго: честь онъ имѣеть отъ Зевса, и любить его промыслитель.

Но если мужа простого встрѣчалъ, изъ народа, и видѣлъ что тотъ оралъ, того посохомъ билъ и кричалъ такими словами:

200

— Дивный! сиди неподвижно, и слушай рѣчи другихъ, кто лучше тебя; не воинственный ты и трусливъ, на войнѣ незамѣтный, и въ сборахъ. Не всѣмъ здѣсь приказывать; много царей — много зла: одинъ долженъ быть царь, одна голова, кому далъ это Зевсъ, сынъ Крона провидца — уставы и посохъ, да царствуетъ ими.

205

Такъ Одиссей управлялъ и ходилъ по стану, и ахеяне ринулись обратно въ собраніе, съ гуломъ, какъ волны морскія гудуть у высокаго берега и море бушуетъ.

Продолженіе будетъ.

Второе продолженіе будетъ. Одиссей, увидя, что ахеяне ринулись обратно въ собраніе, съ гуломъ, какъ волны морскія гудуть у высокаго берега и море бушуетъ. Такъ Одиссей управлялъ и ходилъ по стану, и ахеяне ринулись обратно въ собраніе, съ гуломъ, какъ волны морскія гудуть у высокаго берега и море бушуетъ. Такъ Одиссей управлялъ и ходилъ по стану, и ахеяне ринулись обратно въ собраніе, съ гуломъ, какъ волны морскія гудуть у высокаго берега и море бушуетъ.

ОДИССЕЯ.

(Прод. см. кн. LX.)

ПѢСНЬ вторая.

Собрание итакіянь.

Утромъ, когда изъ тумана заря показалась — посыпала
 розами, всталъ съ постели сынъ Одиссея, платье
 надѣлъ, острый мечъ на плечо перекинулъ, къ жирнымъ
 5 ногамъ привязалъ подошвы красивыя, и вышелъ изъ
 спаленки, видомъ на бога похожій, и тотчасъ велѣлъ
 10 голосистымъ глашателямъ звать на собранье ахеянъ длинно-
 волосыхъ. Тѣ созывали, а тѣ собирались; и когда
 собрались и были все вмѣстѣ, Тилемахъ пошелъ на со-
 браніе, съ мѣднымъ копьемъ, и шелъ не одинъ, но съ
 нимъ шли два скорые пса. Аѳина по немъ разлила чудесную
 прелесть, и, какъ онъ проходилъ, все люди дивились.
 Съѣлъ онъ на мѣстѣ отцовскомъ; ему старшины уступили.

15 Тогда между ними сталъ говорить почтенный Египтій
 герой. Отъ старости былъ онъ согнувшись, и зналъ всего
 тысячи. Сынъ его милый, копейщикъ Антифъ, ушелъ съ
 Одиссеемъ богоравнымъ на глубокихъ судахъ въ Иліонъ
 20 доброконный; свирѣпый циклопъ его съѣлъ въ глубокой
 пещерѣ, стотовивъ себѣ послѣдній ужинъ. Имѣлъ онъ

еще три сына: двое отцовское дѣло вели, а одинъ съ женихами ходилъ, Евриномъ; но того онъ никакъ не забылъ: тосковалъ постоянно. По немъ и теперь онъ заплакалъ и такъ говорилъ:

— Итакіяне, слушайте, что я скажу. Не бывало у насъ ни собраній, ни сходовъ съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ Одиссей богоравный съ судами глубокими. Кто же теперь насъ собралъ? кого побуждаетъ нужда, молодого или тѣхъ, что постарше? Слышалъ ли вѣсть онъ, что войско идетъ, и хочетъ намъ вѣрно сказать, какъ первый услышалъ? или иное общее дѣло откроетъ, повѣдаетъ? Думается, дѣльный онъ мужъ; и добро! Да подастъ ему Зевсъ все благое, что сердце его пожелаетъ.

Такъ говорилъ Египтій. Доброму слову былъ радъ милый сынъ Одиссея, не могъ уже больше сидѣть, говорить захотѣлось, и онъ сталъ въ серединѣ собранія; вѣстникъ Писиноръ, заботы разумныя знавшій, самъ ему въ руку посохъ вложилъ. Сперва Тилемахъ обращался къ Египтію, такъ говорилъ:

— Старецъ! Тотъ мужъ не далеко: сейчасъ самъ узнаешь того, кто собралъ. Меня побуждаетъ нужда! Не слышалъ я вѣсти о войскѣ идущемъ, чтобъ всѣмъ вамъ вѣрно сказать, какъ первый услышалъ, и не общее дѣло какое хочу вамъ открыть и повѣдать, а нужду свою самоличную, на домъ мой упавшую, нужду двоякую: я потерялъ отца благороднаго, который когда то царствовалъ здѣсь между вами, и былъ какъ отецъ снисходителенъ; нынѣ же у меня другая нужда, еще больше; она погубить всю живность мою и скоро весь домъ изведетъ. Женихи напали на мать мою, противъ воли ея, любимые здѣшнихъ мужей сыновья, именитѣйшихъ. Не хотятъ они ѣхать къ отцу ея, къ Икарію, чтобы самъ одарилъ дочь приданымъ и выдалъ, какъ хочетъ, кто будетъ угоденъ, но

55 цѣлые дни въ нашемъ домѣ проводятъ, рѣжутъ быковъ,
жирныхъ козъ и овецъ и пируютъ, да вино нещадно пьютъ
темное. И много такъ гибнетъ; потому что мужчины
нѣтъ, какъ былъ Одиссей, чтобы домъ защитить отъ
60 напасти; а сами мы не такіе еще, чтобы намъ защи-
титься; да и впредь мы останемся жалки, не зная отпора;
а еслибы сила была, я бы самъ защитился. Творятся
дѣла нестерпимыя, и домъ мой гибнетъ безславно. Хоть
65 вы ужаснитесь: другихъ устыдитесь, сосѣдей окружныхъ,
которые все видятъ; побойтесь гнѣва боговъ, чтобы послѣ
они, негодую за дѣло худое, отъ васъ не отвернулись.
Умоляю васъ Зевсомъ, царемъ Олимпійскимъ, Ѳемидой,
70 что рознить и скрѣпляетъ собранія: други, опомнитесь;
оставьте меня одного терзаться тоскою и скорбью, —
развѣ отецъ, Одиссей благородный, въ гнѣвѣ когда либо
сдѣлалъ худое кому либо изъ добропоножныхъ ахеянъ, и
вы, въ озлобленіи, мстите за это, и ихъ наушаете. Миѣ
75 было бы лучше, если бѣ вы сами поѣли запасы и скоть.
Если бѣ вы съѣли, то, быть можетъ, когда нибудь была бѣ
и уплата: я бы ходилъ по домамъ, отдачу просилъ, куда
бы отдали всѣ; а теперь вы на сердце мое налагаете
скорбь безутѣшную.

80 Такъ говорилъ Тилемахъ опечаленный, бросилъ посохъ
на землю и слезы отеръ. Жалость взяла все собраніе;
долго всѣ оставались безмолвны: никто не рѣшался отвѣ-
тить на слово тяжелое. Одинъ Антиной отвѣчалъ и говорилъ:
85 — Тилемахъ высокорѣчивый, а въ гнѣвѣ несдержанный!
Что это ты говоришь и стыдишь насъ и хочешь посмѣшку
на насъ нацѣпить? Женихи здѣсь ни въ чемъ не по-
винны, а милая мать твоя, что слишкомъ о хитростяхъ
90 думаетъ. Вотъ три года, а скоро пойдетъ и четвертый,
какъ водить душу ахеянъ: всѣмъ подаетъ надежды, всѣмъ
обѣщаетъ, извѣстія шлетъ, а разумомъ мыслить иное. Она

еще вотъ какой новый обманъ придумала въ сердцѣ. Въ палатахъ поставила ткацкій станокъ и начала длинную тонкую 95
ткань, и намъ говорила: «Женихи, молодые! Когда уже
умеръ Одиссей богоравный, то вы, хотя и торопитесь съ
бракомъ, помедлите, чтобъ пряжа моя не пропала на-
прасно, пока я окончу покровъ погребальный герою Ла-
эрту, когда наступитъ печальная доля безжалостной смерти, 100
чтобъ ахеянки не попрекнули меня въ народѣ, если онъ
будеть лежать не въ своемъ покрывалѣ, такъ много на-
живши!» Такъ она намъ говорила, и мы прямодушно
повѣрили. И что же? днемъ она ткала длинную ткань,
а ночью, взявши свѣтильню, все распускала. Такъ три 105
года скрывался обманъ, и ахеяне вѣрили; но когда про-
шли времена и четвертый годъ наступилъ, тогда одна
женщина, знавшая это, намъ и сказала: и мы застали ее,
какъ она распускала блестящую ткань. И она окончила
ткань, принужденно, хотя не хотѣла. Тебѣ же такой от- 110
вѣтъ жениховъ, чтобъ и ты въ своемъ сердцѣ зналъ и
знали ахеяне: мать отошли, и скажи, чтобъ она за того
выходила, кого ей укажетъ отецъ и самой кто угоденъ.
Если жъ она и впредь такъ будетъ водить ахейскихъ 115
сыновъ, а душа ея думать не только о томъ, что такъ
щедро дала ей Афина — знанье работъ, добрыя чувства,
но и о хитростяхъ, — а такихъ не слыхали мы даже у
прежнихъ ахеянокъ, какъ были когда-то Тиро прекрасно-
кудрая, Алкмена прекрасно - вѣчная, Микина: ни 120
кто не зналъ такихъ выдумокъ, и это она не на счастье
придумала, — то ахеяне до тѣхъ поръ будутъ твое про-
ѣдать добро и пожитки, пока она будетъ имѣть тѣ мысли,
какія теперь положили ей боги на сердце. Себѣ она сдѣ- 125
лаетъ славу великую, тебѣ же досада большая; а мы и
къ работамъ своимъ не поидемъ, ни куда бы то ни было,
пока Пенелопа не выйдетъ замужъ, за кого пожелаетъ.

Разумный Тилемахъ отвѣчалъ Антиною:
 130 — Антиной! Противъ воли нельзя гнать ту, что
 меня родила и кормила; отецъ на чужбинѣ, можетъ быть
 умеръ, а можетъ быть живъ; а выплачивать много Икарію,
 если я самъ отошлю, будетъ трудно. Худо мнѣ будетъ и
 135 отъ Икарія, а еще хуже отъ бога, если мать, оставляя
 мой домъ, призоветъ ужасныхъ Еринній; и люди станутъ
 меня ненавидѣть. Нѣтъ; такихъ словъ никогда я не вы-
 молвлю. Если и ваша душа гнушается этимъ, оставьте
 140 мой домъ, ищите другихъ угощеній и ѣйте ваше добро,
 чередуясь домами. Если же кажется вамъ, что такъ кра-
 сивѣе и лучше губить безотвѣтно добро одного человѣка,
 губите; но я призову вѣчносущихъ боговъ, и Зевсъ всѣмъ
 145 дѣламъ этимъ мщенье подастъ: пропадете и вы безотвѣтно
 въ вашихъ домахъ.

Такъ сказалъ Тилемахъ; и ему всевидящій Зевсъ съ
 140 вершины горы послалъ двухъ орловъ. Съ распростертыми
 крыльями летѣли орлы, какъ дыханіе вѣтра, одинъ при
 другомъ; когда жъ середины достигли собранія шумнаго,
 здѣсь закружились, взмахнули крылами, взглянули на
 145 головы всѣхъ и грозили погибелью; залѣмъ, рванувши
 когтями другъ другу лицо и шею, понеслись чрезъ дома
 150 и чрезъ улицы вправо. Всѣ изумились, увидя своими гла-
 зами, и всѣ размышляли въ душѣ о томъ, что могло
 совершиться.

Тогда между ними сталъ говорить Алиерсъ преста-
 150 рѣлый, сынъ Мастора; онъ одинъ между сверстниковъ
 славился птицу познать и сказать надлежаще. Онъ, бла-
 гомысленный, такъ говорилъ:

— Итакіяне, слушайте нынѣ, какъ я вамъ сказалъ
 бы; наибольше хочу жениховъ остеречь: бѣда къ нимъ
 165 катится большая. Одиссей не долго будетъ вдали отъ ми-
 лыхъ; быть можетъ, онъ и теперь уже гдѣ нибудь близко,

готовить убійство и смерть. Но тогда и другимъ будетъ худо, намъ всѣмъ, кто живетъ въ веселой Итакѣ. Такъ мы теперь же подумаемъ, какъ это все прекратить; да и сами они пусть удержатся: имъ же сразу полезнѣе будетъ. Говорю не какъ чуждый гаданьямъ, а какъ хорошо въ нихъ свѣдущій. Я говорю вамъ: и съ нимъ случилось все такъ, какъ я говорилъ, когда шли въ Иліонъ аргивцы и съ ними пошелъ Одиссей многоумный. Я говорилъ, что ему тамъ выстрадать много придется, лишиться всѣхъ спутниковъ и на 20-ый годъ, никѣмъ неузнаннымъ, въ домъ возвратиться. Такъ теперь все и выходитъ.

Евримахъ, сынъ Полива, сказалъ Алиерсу: Старый! лучше бы ты шелъ домой, ворожилъ своимъ дѣтямъ, чтобъ съ ними чего не случилось; а это я лучше тебя растолкую. Въ солнечномъ блескѣ витаютъ птицъ много; потнюдь не всѣ знаменательны. Одиссей пропалъ далеко, и тебѣ бы пропасть съ нимъ вмѣстѣ: тогда не сказалъ бы такой ворожбы и на насъ не пускалъ Тилемаха, который и такъ уже злится. Да, подарка ты ждешь, не пришлетъ ли въ твой домъ! А я вотъ что скажу, и это навѣрное сбудется. Хотя ты и много знаешь бывалаго, но если юнаго мужа будешь на насъ подбивать такими рѣчами, къ враждѣ подстрекать, то отъ этого прежде всего ему же будетъ больнѣе, и все жъ ничего онъ не можетъ намъ сдѣлать; а на тебя, старый, мы пеню наложимъ, которую ты и уплатишь съ досадою въ сердцѣ, и очень жалѣть будешь. А Тилемаху я самъ посоветую здѣсь передъ всѣми: пусть настоитъ, чтобы мать возвратилась къ отцу, чтобы тамъ ей устроили свадьбу, снабдивъ и приданымъ большимъ, какому прилично сопутствовать дочери милой. И я говорю: иначе ахеянъ сыны досаждаютъ сватовствомъ не отстанутъ. Мы никого не боимся, даже Тилемаха, хотя онъ и рѣчишь; а этой пустой твоей

ворожбы, которую сталъ ты, старый, болтать, и не слушаемъ: самъ только больше противѣшь. Также худо имущество будетъ съѣдаться, возмездія тоже не будетъ, до тѣхъ поръ пока она будетъ ахеянъ водить своимъ бракомъ; и также цѣлые дни мы будемъ сидѣть, соревнуя за это отличіе; и сватать другихъ не пойдемъ, какъ кому бы подходяще казалось.

Разумный Тилемахъ отвѣчалъ Евримаху:
 210 — Евримахъ и вы всѣ, женихи именитые! Объ этомъ я больше не стану просить, не хочу говорить даже; вѣдомо все и богамъ, и ахеянамъ. Дайте жъ мнѣ быстрое судно и 20 гребцовъ, чтобы мнѣ пролагали пути и сюда, и сюда. Отправляюсь я въ Спарту и въ Пилосъ песчаный,
 215 и буду спрашивать о возвращеніи отца, давно такъ пропавшаго. Если кто скажетъ или же слухъ услышу отъ Зевса, съ большимъ вѣроятіемъ, то потерплю еще годъ, хотя бъ вы меня обижали; если жъ услышу, что умеръ и нѣтъ его больше, тогда, возвратившись въ милую землю родную, насыплю могилу, всѣмъ должнымъ почту, какъ то слѣдуетъ, и мать отдамъ мужу.

Такъ сказалъ Тилемахъ и сѣлъ. Тогда выступилъ
 225 Менторъ. Онъ былъ Одиссея другъ безупречный; самъ, на суда уходя, Одиссей поручилъ ему домъ весь, слушаться старца Лаерта и все хранить въ цѣлости. Менторъ, къ нимъ благомыслящій, такъ говорилъ:

— Итакіане! Слушайте нынѣ меня, какъ я вамъ
 230 сказалъ бы. Нѣтъ! Умный царь, скиптроносный, не долженъ быть добрымъ и ласковымъ, чувствовать въ сердцѣ правдивость; лучше, когда онъ жестокъ и мыслить неправдой, если никто Одиссея не помнитъ божественнаго изъ тѣхъ, надъ которыми царствовалъ онъ и былъ, какъ
 235 отецъ, снисходителенъ. Я женихамъ горделивымъ ничуть не пеняю, что дѣло насильства творять по уму,

худо сшитоу: проѣдая насильно домъ Одиссея, свои под-
 ставляютъ и головы, думаютъ, будто уже не воротится.
 Но народомъ я всѣмъ возмущаюсь: какъ это всѣ вы си- 240
 дите безмолвно и даже словомъ не тронете, не остановите
 ихъ, такъ немногихъ, когда васъ самихъ такъ много.

Ментору такъ отвѣчалъ Ліокритъ, Евинора сынъ:

— Что ты сказалъ, ослѣпшій, смысломъ помѣшанный!
 Насъ говоришь удержать?! Да еслибъ и больше было 245
 мужей, то съ нами трудно бороться за пиръ; даже еслибъ
 пришелъ Одиссей итакіецъ и насъ именитыхъ, въ его домѣ
 пирующихъ, выгнать задумалъ, то не на радость пришелъ
 бы къ женѣ стосковавшейся: тутъ же настигъ бы же- 250
 стокую участь, еслибы съ большими бился... Сказалъ ты
 совсѣмъ не до дѣла... Люди! теперь расходитесь, каждый
 къ работамъ, а ему Алиѳеръ или Менторъ устроить до-
 рогу, какъ друзья изначала отцовскіе. Но, какъ мнѣ ка- 255
 жется, долго еще просидитъ онъ въ Итакѣ, пока набе-
 рется извѣстій; ему никогда не исполнить такого пути.

Сказавъ такъ, Ліокритъ распустилъ собраніе скоро, и
 тѣ разошлись по домамъ; женихи направились въ домъ
 Одиссея божественнаго. Тилемахъ ушелъ далеко по бе-
 регу моря, руки умылъ въ волнахъ сѣдыхъ и молился 260
 Аѳинѣ.

(Прод. слѣдуетъ).

ГИМНЫ.

(Прод. см. кн. LX.)

II. Къ Ерму.

Муза! Ерма прославь, сына Зевса и Маи, въ Киллинѣ мощнаго и въ Аркадіи многоовчей, вѣстника безсмертныхъ благого, рожденнаго Маей, нимфой стыдливой-прекрасной косой, сочетавшейся съ Зевсомъ любовью.

5 Блаженныхъ боговъ избѣгала собраній, въ пещерѣ тѣнистой сама обитала, и тамъ Кроціонъ сочетался съ нимфой—прекрасной косой, въ часъ ночного доенія, когда сонъ усладитель объялъ бѣлорукую Геру, тайкомъ отъ безсмертныхъ боговъ и смертныхъ людей.

10 Но когда великаго Зевса помысль свершился, и Маѣ десятый мѣсяцъ на небѣ сталь, на свѣтъ ее вывелъ, и творенье прекрасное тамъ появилось: родила она сына многохитраго, лукаводумнаго, добычника, коровъ угонителя, сновъ наводителя, ночи глядателя, дверей блюстителя, что скоро имѣлъ показать дѣла пресловутыя между богами безсмертными.

Утромъ рожденный, въ полдень на лирѣ игралъ, а вечеромъ скрылъ быковъ Аполлона далекаго, въ первый же день четвертаго мѣсяца, какъ его родила стыдливая Мая.

Соскочивъ отъ безсмертнаго матери лона, не долго
 лежалъ въ колыбели священной: всталъ и пошелъ искать
 коровъ Аполлона. Но, ступивъ чрезъ порогъ пещеры —
 высокаго крова, черепаху нашель и добылъ себѣ тысячи
 благъ. Онъ первый черепаху обдѣлалъ поющую, какая
 попалась ему у дверей дворовыхъ, передъ домомъ корми-
 лась травой цвѣтущею, мягко ступала ногами. Сынъ
 Зевса, податель благъ, какъ взглянулъ, улыбнулся и слово
 сказалъ:

— Находка очень пригодная; ее я не брошу. Здрав-
 ствуй, природа желанная, мѣра для хоровъ, подруга пи-
 ровъ! на радость пришла ты! Откуда такая утѣха пре-
 красная, черепокъ пестрый, черепаха, въ горахъ живущая?
 Возьму, понесу тебя въ домъ свой, на пользу мнѣ будешь,
 не непочту. И ты мнѣ поможешь первая; дома то лучше,
 а внѣ лишь во вредъ. Живая ты будешь ограда отъ
 всякой напасти губительной, если-жъ умрешь, запоешь
 прекрасно.

Такъ сказала Ермъ, и руками обѣими взявши,
 въ домъ свой пошелъ и понесъ забаву желанную. Вычи-
 стилъ скоблемъ сѣдого желѣза и высверлилъ жизнь чере-
 пахи нагорной. Какъ быстрая мысль черезъ грудь чело-
 вѣка проходить, коего много тревожить заботъ, какъ вра-
 щаются очи въ мерцаньи; также преславный Ермъ совер-
 шалъ и слово и дѣло.

Воткнулъ, по размѣрамъ, колѣнца отъ трости, про-
 кололъ камнекожую спину, кругомъ обтянулъ ее кожей
 быка разумѣнемъ своимъ, приставилъ локти, къ этимъ
 обоямъ иго приладилъ, и семь согласныхъ овечьихъ струнъ
 натянулъ.

Когда приготовилъ и принесъ забаву желанную,
 плектромъ ее испыталъ по частямъ и она подъ рукой

55 тяжело загудѣла, а Ермъ подпѣвалъ ей прекрасно, за-
пѣлъ самоучно.

— Какъ юные мужи на игрищахъ, всѣ въ перебивку,
тамъ соревнуютъ, пѣлъ о Зевсѣ Кронидѣ, о Маѣ прекрасно-
60 обутый, какъ нѣкогда дружной любовью сходились: свое
рожденіе славное Ермъ прославлялъ; прислужницъ почтилъ,
блестящій домъ нимфы, треноги по дому, чаши повсюду.

Это онъ пѣлъ, но въ сердцѣ иное готовилъ. Принесъ
онъ кивару душляную, ее положилъ въ колыбели свя-
65 щенной, и мяса ему захотѣлось; и онъ побѣждалъ, на
осмотръ, изъ горницы благовонной, рѣшаясь въ сердцѣ
своемъ на лукавство высокое, какое выполнить только
ворамъ, разбойникамъ въ ночную темную пору.

Солнце тогда въ Океанъ погрузилось подъ землю съ
конями, съ своей колесницей, и Ермъ побѣждалъ и достигъ
70 туманныхъ горъ Піерійскихъ, гдѣ стояла коровъ блажен-
ныхъ боговъ; коровы паслись по роскошнымъ лугамъ во-
ждедѣннымъ. Изъ этого стада сынъ Маи, вѣстникъ боговъ
75 прозорливый, пятьдесятъ отдѣлилъ блуждавшихъ широко-
мычащихъ коровъ и погналъ по песчанымъ мѣстамъ,
слѣды повернувши назадъ. Ермъ не забылъ своихъ хи-
тростей: онъ имъ копыта переднія сдѣлалъ назадъ, а
заднія напередъ, и самъ шель назадъ; свои башмаки
80 оставилъ на морскомъ берегу, а себѣ сплелъ, какихъ
не узнать, не придумать — дивное дѣло: изъ мирты
вѣтвей и мирики. Изъ нихъ онъ связалъ пучекъ зеле-
нѣющихъ вѣтокъ и съ листьями вмѣстѣ легкую обувь къ
ногамъ привязалъ невредимо, тамже въ Піеріи ихъ нало-
85 мавъ. Но прохожихъ путей избѣгалъ и слѣшилъ отда-
ленной дорогой, вездѣ осмотрительный.

Увидѣлъ его старикъ, сажавшій лозы цвѣтуція.
Славный сынъ Маи, слѣшившій долиной Онхеста, травною
обильнаго, первый сказалъ старику:

— Слушай, старикъ, съ плечами нагнувшійся! Са- 90
жаешь ты лозы и будешь виномъ богатѣть, когда лозы
свой плодъ принесутъ; но—что видѣлъ—не видѣлъ, что
слышалъ—не слышалъ!... Только бѣ въ своемъ ты не
былъ убыточенъ...

Такъ сказалъ Ермъ и мощныя головы дальше погналъ.

Много прошелъ тѣнистыхъ долинъ откликавшихся, 95
много полей цвѣтущихъ; темная ночь приближалась къ
концу, помощница первая; скоро и утро уже наступало,
сотрудникъ, и вышла вновь божья луна на осмотръ, дочь 100
Палланта, царя Мегамиды: и въ это то время мощный
сынъ Зевса къ Алфею рѣкѣ пригналъ коровъ Аполлоно-
выхъ-Фебовыхъ широколобыхъ. Здѣсь коровы, укро-
щенья не знавшія, корытъ и стойла достигли высокаго,
съ лугомъ предъ ними желаннымъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЬ

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ГЛАВНОМЪ УПРАВЛЕНІИ

ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 5 до 7 печ. листовъ. Подписная цѣна за годъ съ пересылкою 5 р. Подписка принимается: 1) въ книжн. маг. Н. О. Фену (Спб., Невскій пр. 40) и 2) отъ иногородныхъ въ редакціи (Спб. Фурштадская, 12¼, кв. 9).

Въ неофиц. части 1892 г. были помѣщены слѣдующія статьи:

Этюды выразительнаго чтенія. Д. Д. Коровякова. — Драматическая поэзія М. Каррьера, пер. В. А. Яковлева. — Періодичность въ развитіи дѣтской природы. Д-ра А. С. Вирениуса. — О преподаваніи алгебры. Проф. Е. Ермакова. — Къ вопросу о томъ, что такое среднее образованіе и Гипнотизмъ въ педагогикѣ. А. Н. Острогорскаго. — Статьи по преподаванію иностр. языковъ. П. Книпера. — Статьи А. В. Кролюницкаго, И. В. Юркевича, С. И. Васильева, В. Шидловскаго, В. П. Сланскаго, П. Матковскаго, К. В. Ельницкаго, М. В. Соболева и др.

Въ приложеніи: Обзоръ дѣятельности Педагогическаго Музея за 1891|92 уч. годы.

Въ 1893 г. въ П. Сб. будетъ продолжено печатаніе статей: Этюды выразительнаго чтенія. (Условія чтенія сообразно роду и виду произведенія.) Д. Д. Коровякова и Драм. поэзія М. Каррьера (Часть историческая.).

Въ 1893 г. будетъ изданъ Указатель статей П. Сб. за истекшее десятилѣтіе редактированія журнала А. Н. Острогорскимъ.

Редакторъ А. Острогорскій.

XXXV

Г. ИЗД.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1893 ГОДЪ

XXXV

Г. ИЗД.

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.Съ приложеніемъ „Педагогическаго Листка“
ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ и ВОСПИТАТЕЛЕЙ.

Въ 1893 году „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ вступаетъ въ 25-й годъ своего существованія.

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ одобрено Учебнымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по Учрежденіямъ Императрицы Маріи, Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ Заведеній ВКЛЮЧЕНО въ каталогъ книгъ для чтенія воспитанникамъ кадетскихъ корпусовъ, 1891 г. ДОПУЩЕНО Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Съ 1892 года „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ издается подъ новой редакціей. Редакція ставитъ себѣ задачей придерживаться программы лучшей поры существованія журнала „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

Въ совѣщаніяхъ редакціи принимаютъ близкое участіе А. Н. Острогорскій и В. П. Острогорскій.

При журналѣ „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ издается ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ, выходящій четыре раза въ годъ отдѣльными книжками отъ 3 до 5 печатныхъ листовъ. Большая часть статей «ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЛИСТКА» будетъ посвящена домашнему воспитанію, элементарному обученію и разработкѣ вопросовъ о чтеніи дѣтей.

Съ 1893 года въ «ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ ЛИСТКѢ» будетъ издаваться періодическій указатель вновь выходящихъ дѣтскихъ и учебныхъ книгъ; въ указателѣ будутъ помѣщаться краткое описание и разборъ по возможности всѣхъ вновь выходящихъ книгъ для дѣтей и юношества, учебниковъ, руководствъ и пособій для родителей, воспитателей и учителей.

Кромѣ того, въ концѣ года въ «ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ ЛИСТКѢ» будетъ помѣщаться рекомендательный каталогъ книгъ для дѣтей и юношества, какъ вышедшихъ въ теченіе года, такъ и ранѣе изданныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

Безъ доставки въ С.-Петербур- бургъ.	5 Р.	Съ доставкою въ СПБ. и пересыл. во всѣ гг. Россіи	6 Р.	За границу	8 Р.
--	-------------	---	-------------	------------	-------------

На полгода—3 руб.; на четверть года—1 руб. 50 коп.; на девять мѣсяц. 4 руб. 50 коп.

Допускается разсрочка по третямъ и полугодіямъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи: **СПБургъ.** Развѣзжая ул., д. № 3, кв. 12, въ отдѣленіяхъ конторы: книжныхъ магазинахъ Карбасникова, Фену и К°. (Невскій пр., № 40), а также во всѣхъ другихъ столичныхъ книжныхъ магаз., а въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Н. Печковской.

Издатель Я. В. Борисовъ.

Редакторъ П. В. Голяховскій.

БИБЛИОГРАФЪ | Годъ IX — 1893 —

Журналъ историко-литературный и библиографическій.

Съ портретами, снимками съ книгъ, гравюръ, рукописей и т. п.

Отдѣлъ 1. Лѣтопись литературы и книговѣдѣнія: 1. Исторія литературы и просвѣщенія, по преимуществу въ Россіи: а) изслѣдованія и статьи по исторіи литературы, просвѣщенію и народной словесности, какъ общаго характера, такъ и монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ; біографіи литературныхъ дѣятелей, ученыхъ и ревнителей просвѣщенія, и б) матеріалы для исторіи литературы, просвѣщенія и народной словесности. 2. Книговѣдѣніе: а) описаніе рукописей, рѣдкихъ изданій и т. п.; б) книжное дѣло въ старину и въ настоящее время: книгопечатаніе и графическія искусства, бібліотековѣдѣніе, книжная торговля, книгоиздательство, литературная и художественная собственность; в) статистика книгопечатанія и книжнаго дѣла; г) біографіи дѣятелей по книжному дѣлу. 3. Критика и библиографія: обзоры книгъ и періодическихъ изданій, а также дѣятельности литературныхъ обществъ и учреждений. 4. Разныя извѣстія и замѣтки: а) хроника литературная и книговѣдѣніе; б) судебныя извѣстія по дѣламъ литературы и книжнаго дѣла; в) некрологи; г) вопросы и отвѣты; д) смѣсь.

Отдѣлъ 2 (справочный). Лѣтопись книгопечатанія: 1. Каталогъ новыхъ книгъ. 2. Указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ. 3. *Rossica*. 4. Правительственныя распоряженія по дѣламъ печати. 5. Замѣтки о новыхъ изданіяхъ. 6. Объявленія.

Въ приложеніяхъ: 1) Отдѣльныя работы по исторіи русской литературы, книговѣдѣнію и прочимъ предметамъ входящимъ въ программу журнала. 2) Портреты, снимки съ книгъ, гравюръ, рукописей и т. п. — на особыхъ листахъ и въ текстѣ журнала.

Съ основанія «Библиографа» въ немъ принимали участіе:

А. И. Барбашевъ, проф. Н. И. Барсовъ, Я. О. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. О. Боцяновскій, С. Н. Брайловскій, П. В. Быковъ, С. А. Венгеровъ, Н. В. Губерти, В. Г. Дружининъ, проф. М. А. Дьяконовъ, І. І. Змигродскій, проф. В. С. Иконниковъ, К. А. Ивановъ, Е. П. Кавелина, Д. О. Козеко, И. А. Козеко, М. А. Куцлетскій, проф. А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. П. Лихачевъ, А. М. Ловягинъ, Х. М. Лопаревъ, А. І. Лященко, М. Н. Мазаевъ, акад. Л. Н. Майковъ, А. І. Малейнъ, В. И. Межовъ, А. Е. Молчановъ, Н. Н. Оглоблинъ, проф. С. О. Платоновъ, Н. И. Позняковъ, Н. И. Полетаевъ, С. И. Пономаревъ, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, В. И. Саитовъ, С. М. Середонинъ, проф. А. И. Соболевскій, проф. А. И. Соколовъ, С. Л. Степановъ, В. Н. Сторожевъ, Н. М. Тушиковъ, П. М. Устимовичъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, проф. Е. Ф. Шмурло и др.

Редакція имѣетъ основаніе надѣяться, что всѣ эти лица будутъ сотрудниками «Библиографа» и на будущее время, причѣмъ предполагаетъ особенно развитіе отдѣлы журнала, касающіеся исторіи литературы и книговѣдѣнія.

Подп. цѣна въ годъ **5** руб.
съ пересылкою.
За границу . . . 6 руб.
(12 №№ въ годъ).

Подписка у А. С. Суворина (С.-Петербургъ, Невскій просп., д. 38) и въ другихъ извѣстныхъ книжн. магазинахъ; для иногородныхъ въ редакціи (С.-Петербургъ, Забалканскій просп., д. 7, кв. 13).

Редакторъ Н. М. Лисовскій.

За прежніе годы (1885—1892) комплекты продаются по 5 руб. за годъ.

„ОБРАЗОВАНИЕ“

Педагогическій и научно-популярный журналъ.

Кромѣ правительственныхъ распоряженій разныхъ вѣдомствъ, относящихся къ школьному дѣлу, журналъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: I. Педагогическія статьи (вопросы обученія, воспитанія, психологическіе этюды, наблюденія надъ дѣтской жизнью, замѣтки по методикѣ преподаванія, очерки народнаго образованія въ Россіи и заграницей, новыя педагогическія движенія на Западѣ, историческіе очерки, воспоминанія, критика и библиографія и пр.); II. Журнальныя статьи (Отчеты о дѣятельности правительственныхъ учреждений и земствъ по народному образованію, сообщенія о засѣданіяхъ обществъ ученыхъ и педагогическихъ, обзоры журналовъ педагогическихъ, научныхъ и литературныхъ, хроника (изъ жизни и литературы), разныя замѣтки и извѣстія, научныя новости и пр.). При журналѣ будетъ указатель всѣхъ новыхъ изданій, выходящихъ въ Россіи и имѣющихъ отношеніе къ школѣ и образованію.

Въ концѣ года каждый отдѣлъ журнала составитъ томъ (около 600 стр.).

Сверхъ того, въ приложеніи по мѣрѣ возможности будутъ помѣщаться отдѣльныя законченныя работы (педагогическія и научно популярныя), полезныя для учащихся или учащихся и народа.

Въ редакціи журнала принимаютъ дѣятельное участіе П. О. Каптеревъ, В. П. Острогорскій, Д. Д. Семеновъ и А. Н. Страннолюбскій.

Сверхъ того, участвуютъ: Е. В. Балабанова, А. И. Введенскій (проф.), А. С. Вирениусъ (д-ръ), В. А. Воскресенскій, З. Б. Вулихъ, В. В. Гориневскій (д-ръ), М. Г. Колоколова, О. П. Конради, Н. Л. Леонтьева, Е. О. Литвинова, В. О. Михневичъ, Г. И. Паульсонъ, О. М. Петерсонъ, С. О. Платоновъ (проф.), Н. И. Позняковъ, В. В. Пушкарева, Н. А. Рубакинъ, Е. П. Свѣшникова, М. Н. Соколова, Е. А. Чебышева-Дмитріева и мног. друг.

Цѣна за годъ, т.-е. за 12 ММ, съ доставкою пять рублей. Для народныхъ учителей допускается вносъ подписной платы въ два срока. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою 10 процентовъ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ гл. конторѣ редакціи (Гороховая, д. 18), а также въ кн. магаз. Фену и «Нов. Времени». Иногородныхъ подписчиковъ редакція проситъ обращаться непосредственно въ гл. контору редакціи.

Редакторъ-Издатель В. Сиповскій.

Отдѣльныя изданія журнала:

1. «Родная Старина», отечественная исторія въ разказахъ и картинахъ. В. Сиповскаго, 1-ая часть четвертое изданіе 1 р. 50 к. — 2-ая часть третье изданіе 2 р. и 3-ья часть второе изданіе, ц. 2 р. 50 к. Во всѣхъ трехъ частяхъ болѣе 500 полиטיפажей, изображающихъ древнія зданія, одежды, портреты и пр.

2. «Природа и люди Австраліи», сост. А. Полькова, изящн. книга 242 стр., 79 полиטיפажей въ текстѣ. Цѣна книги 1 р. 50 к.

«Родная Старина» и «Природа и люди Австраліи» одобрены учебн. комитетомъ при С. Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и внесены въ каталогъ книгъ, одобренныхъ учен. комитетомъ М. Н. Пр. для ученическихъ библиотекъ.

3. Св. Равноапостольный князь Владиміръ и крещеніе Руси. Съ изящной гравюрой и полиטיפажамъ въ текстѣ (для народныхъ школъ). В. Сиповскаго 10 к.

4. Историческая библиотечка для учащихся. «Исторія древней Греціи» В. Сиповскаго, въ разказахъ и картинахъ (50 полиטיפажей въ текстѣ), была дана въ приложеніи къ журналу «Женск. Образов.» за 1890 г., вып. 1-й (мѣсячскій и героическій періодъ) цѣна 1 рубль.

Иногородныя лица, выписывающія эти книги изъ редакціи «Образов.», за пересылку не платятъ. Подписчики журнала могутъ получать въ редакціи названныя книги съ уступкою 20 процентовъ.

„ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

(Томы IV и V).

Программа журнала: 1. Оригинальныя статьи и замѣтки научнаго характера по класс. филологіи и дидактическаго — по преподаванію класс. языковъ и совмѣстно съ ними русскаго. 2. Рецензіи и замѣтки о книгахъ и статьяхъ по класс. филологіи и по педагогикѣ. 3. Краткія свѣдѣнія о статьяхъ по класс. филологіи и по педагогикѣ въ текущей журн. русской и загранич. литературѣ. 4. Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ и педагог. обществъ. 5. Библиографія. 6. Объявленія. — Въ приложеніи: греческіе и римскіе классики въ русскомъ переводѣ.

Сроки выхода: четыре раза въ годъ (въ февралѣ, апрѣлѣ, октябрѣ и декабрѣ) книжками. Двѣ книжки будутъ составлять отдѣльный томъ въ объемѣ двадцатипяти печ. листовъ.

Сотрудники журнала: В. А. Алексѣевъ, дир. И. О. Анненскій, проф. В. П. Бузескуль, проф. Д. О. Бѣляевъ, проф. А. Д. Вейсманъ, проф. П. Г. Виноградовъ, преп. П. А. Виноградовъ, преп. А. С. Владимірскій, Н. К. Гельвихъ, преп. Лицея Ц. Н. В. А. Грингмутъ, прив.-доц. Я. А. Денисовъ, проф. А. Н. Деревицкій, проф. С. Н. Ждановъ, С. А. Жебелевъ, проф. В. Г. Зубковъ, проф. О. Ф. Зѣлинскій, проф. О. Е. Коршъ, прив.-доц. П. И. Касицынъ, проф. Ю. А. Кулаковскій, преп. А. П. Ланговой, Пом. Попеч. Каз. Уч. Округа В. В. Латышевъ, преп. гимн. А. Г. Левандовскій, проф. І. А. Лепіусъ, преп. Лицея Ц. Н. С. И. Любомудровъ, А. І. Малейнъ, прив.-доц. А. М. Мироновъ, проф. О. Г. Мищенко, проф. В. И. Модестовъ, преп. В. П. Недачинъ, проф. И. В. Нетушилъ, М. В. Никольскій, проф. С. Опацкій, А. В. Орѣшниковъ, преп. П. Д. Первовъ, прив.-доц. С. В. Рождественскій, С. А. Селивановъ, преп. В. В. Смирновъ, проф. С. И. Соболевскій, проф. А. И. Сонни, прив.-доц. А. А. Стрѣльцовъ, преп. Г. А. Фишеръ, проф. И. В. Цвѣтаевъ, прив.-доц. Е. И. Челпановъ, преп. Э. В. Черный, проф. А. Н. Шварцъ, проф. О. А. Шеборъ, преп. В. И. Шенрокъ, проф. В. А. Шефферъ, проф. Г. О. Шульцъ, прив.-доц. А. Н. Щукаревъ и нѣк. др.

Подп. цѣна съ перес.: на годъ (съ 1 янв.) **ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ**, на полгода **4 р. 50 к.**; для учителей и студентовъ на годъ **6 р.**, на полгода **3 р. 50 к.** Двѣ книжки 1891 года стоятъ три рубля, четыре книжки 1892 года — 6 р. съ перес. — Доставка журнала съ наложеннымъ платежемъ не принимается. — За перемѣну адреса подписчики доплачиваютъ двадцать коп. марками. — Частныя объявленія отъ книгопродавцевъ и издателей — по расчету, считая за страницу 25 рублей.

Подписка принимается въ редакціи «Филолог. Обозрѣнія» (адресъ Московскому почтамту извѣстенъ) и въ книжномъ магазинѣ А. Ланга (Москва, Кузнецкій Мостъ, д. кн. Гагарина).

Редакторы-издатели: **А. Адольфъ, В. Аншельротъ.**

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ

(годъ 4-й, съ 1 ноября 1892 года),

Въ послѣднихъ книгахъ журнала принимали участіе слѣдующія лица:

Б. Н. Чичеринъ, гр. Л. Н. Толстой, Н. Н. Страховъ, Вл. С. Соловьевъ,
кн. Е. и С. Трубецкіе, проф. Л. М. Лопатинъ, проф. А. А. Козловъ,
проф. Н. Я. Гротъ, проф. А. И. Введенскій, Архимандритъ Антоній,
П. Е. Астафьевъ, Я. Н. Колубовскій, Н. А. Иванцовъ, Н. Н. Ланге,
Э. Л. Радловъ, В. В. Розановъ, Е. И. Челпановъ, проф. П. Г. Виногра-
довъ, проф. М. А. Мензбиръ, В. А. Вагнеръ, К. Н. Вентцель, В. И.
Штейнъ и др.

Издание будетъ продолжаться на тѣхъ же условіяхъ, какъ и прежде.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ конторѣ журнала (Москва, Покровка, Мал. Успенскій пер., д. Абрикосовой, № 8) и у всѣхъ книго-
продавцевъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ и два мѣсяца (съ 1-го ноября 1892 года по 1-е января 1894 года): безъ до-
ставки — 7 р. 50 к., съ доставкой и пересылкой 8 р., за границу — 9 р. 50 к.

На годъ (съ 1-го января 1893 года по 1-е января 1894 года): безъ доставки — 6 р., съ до-
ставкой и пересылкой — 6 р. 50 к., за границу — 7 р. 50 к.

Члены Психологическаго Общества, учащіеся, сельскіе учителя и священники пользуются скидкой въ 2 руб.

ПОДПИСКА ПО 1-Е НОЯБРЯ 1893 ГОДА НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

Редакторъ проф. Н. Я. Гротъ.

Издатель А. А. Абрикосовъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ЖУРНАЛА
„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ”
въ 1893 году.

Изданіе журнала «Душеполезное Чтеніе» въ 1893 году, тридцать четвертомъ съ начала его изданія, будетъ продолжаться на прежнихъ основаніяхъ. При благословеніи преосвященнаго Виссаріона, епископа Костромскаго и Галичскаго, несшаго труды по редакціи Душеполезнаго Чтенія ровно тридцать лѣтъ, и при его полномъ и постоянномъ содѣйствіи, новая редакція и въ слѣдующемъ (теперь уже четвертомъ) году въ собственномъ смыслѣ будетъ прямымъ продолженіемъ прежней, содѣйствуя основной и постоянной задачѣ журнала — служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности общеназидательнаго и общепонятнаго духовнаго чтенія.

ВЪ СОСТАВЪ ЖУРНАЛА ВХОДЯТЪ:

1) Труды, относящіеся къ изученію Св. Писанія. 2) Статьи въ роучительнаго и правоучительнаго содержанія, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на *современныя явленія въ общественной и частной жизни*, согласныя или несогласныя съ ученіемъ и установленіями православной Церкви. Обсужденію этихъ явленій посвящаются особыя статьи. 3) Церковно-историческіе рассказы. 4) Воспоминанія о лицахъ, замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-нравственной жизни. 5) Статьи, относящіеся къ православному Богослуженію. 6) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 7) Слова, поученія и преимущественно *въбогослужебныя* чтенія, отличающіяся особенно назидательностію. 8) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ. 9) Свѣдѣнія и сужденія о расколѣ. 10) По возможности документальныя и въ то же время *общепонятныя* свѣдѣнія о западныхъ исповѣданіяхъ: римско-католическомъ, лютеранскомъ, реформатскомъ и другихъ сектахъ, и разборъ ихъ ученій и обрядовъ. На этотъ отдѣлъ обращено особенное вниманіе редакціи. 11) Имѣющія руководственное для пастырей и мірянъ значеніе резолюціи, мнѣнія, донесенія и письма Моск. митрополита Филарета. 12) Разныя извѣстія и замѣтки.

Съ конца 1891 года, въ нашѣмъ журналѣ обращено особенное вниманіе на выдающееся служеніе въ Возѣ почившаго оптинскаго «старца» іеросхимонаха отца Амвросія. Редакція *Душеполезнаго Чтенія* полагаетъ, что его жизнь, письма и «статьи» представляютъ вполнѣ авторитетное и самое удобопонятное чтеніе для всѣхъ званій и состояній во всей православной Россіи. Сборникъ его писемъ и статей, сообщаемыхъ редакціи непосредственно изъ Оптиной пустыни (который будетъ продолжаться и въ слѣдующемъ году) составляетъ лучшее собраніе поученій и отвѣтовъ на различные вопросы и на всевозможные случаи, — поученій не школьныхъ, а такихъ, за которыми русскій народъ шелькъ «Батюшкѣ Амвросію» за тысячи версть.

Душеполезное Чтеніе въ 1893 году по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно.

При общепонятности журнала и цѣна его общедоступна: за 12 книжекъ, содержащихъ въ себѣ, какъ на примѣръ, въ 1891 и 1892 годахъ, болѣе ста двадцати пяти печатныхъ листовъ, безъ доставки 3 р. 50 коп., съ доставкой и пересылкой въ Россіи 4 р., за границей 5 руб.

Многіе изъ опоздавшихъ подписаться на Душеполезное Чтеніе 1892 года должны были ждать втораго изданія книжекъ журнала январской, февральской и мартовской (на что, конечно, требовалось не мало времени). Во избѣжаніе этого, всѣ желающіе получать журналъ своевременно, естественно, сдѣлають лучше, если не будутъ очень медлить своей подпиской и тѣмъ дадутъ редакціи возможность знать хотя приблизительно количество экземпляровъ, какое потребно по числу подписчиковъ.

Подписка на Душеполезное Чтеніе принимается: въ Москвѣ, въ редакціи (новый домъ церкви святителя Николая, что въ Толмачахъ, рядомъ съ прежнимъ), также въ Складѣ духовно-нравственныхъ книгъ при Петровскомъ монастырѣ и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы; въ Петербургѣ у книгопродавца И. Л. Тузова, Бол. Садовая.

Иногородные благоволятъ относиться для подписки исключительно такъ: въ Редакцію Душеполезнаго Чтенія, въ Москвѣ.

Редакторъ-издатель проф. прот. **Дим. Θεод. КАСИЦЫНЪ.**

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

Имп. Казанскаго Университета.
НА 1893 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются: I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ. II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всемъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки. III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учреждений при Университетѣ, биографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обзорѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч. IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературныя съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически, шесть разъ въ годъ, книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всеми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ *Θ. Миценко.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

на годъ . . . 5 р.
на 8 мѣс. . . 4 р.
на 6 мѣс. . . 3 р.

ДЕНЬ

на 4 мѣс. . . 2 р.
на 2 мѣс. . . 1 р.
на 1 мѣс. . . 50 к.

За границу
НА ГОДЪ 10 РУБ.

Объявленія по 10
коп. за строку.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО. 12 кн. романовъ, разсказовъ и очерковъ.

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій просп., д. 20.

Редакторъ: *И. В. Скворцовъ.*

Издатель: *А. А. Гриве.*

При подпискѣ на годъ допускается разсрочка — 1-й взносъ 2 или 1 р. — послѣдующіе по 1 р.

„Труды Кіевской Дух. Академіи“, ЖУРНАЛЪ научнаго содержанія и характера.

Въ немъ будутъ помѣщаться научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей.

При журналѣ будутъ помѣщаться переводы твореній блаженнаго Геронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія, подъ общимъ названіемъ: «БИБЛИОТЕКА ТВОРЕНІЙ СВ. ОЦЕВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ ЗАПАДНЫХЪ».

Указомъ Св. Синода отъ 3 (19) февраля 1884 г. подписка какъ на журналъ «Труды Кіевской Дух. Академіи», такъ и на «Библиотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ» рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

«Труды Кіевской Духовной Академіи» будутъ выходить ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 листовъ.

Цѣна за годъ съ перес. «Трудовъ Кіевской Дух. Академіи» — 7 р.

Адресъ: въ редакцію Трудовъ, при Кіевской Духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ, на Крещатикѣ; 2) Игн. Л. Тузова — въ С.-Петербургѣ.

«Труды Кіевской Духовной Академіи» продаются по уменьшенной цѣнѣ: 1860 — 1866, 1868 годы по 3 р.; за 1869 — 1873 годы по 4 р.; за 1874 — 1878 годы по 5 р. съ пересылкою, за 1879 — 1882 годы по 6 р., за 1883 — 1893 годы по 7 р. съ пересылкою. Экземпляры «Трудовъ» за 1884 г. всѣ распроданы.

Мѣсячныя книжки «Трудовъ» 1860 — 1873 годы отдѣльно продаются по 65 коп., съ пересылкою 80 коп.; 1874 — 1893 гг. по 1 р.

ИЗДАНИЯ ГОДЪ ВТОРОЙ.
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 Г.
НА

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ“

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Изданіе антикварной книжной торговли П. Шибанова въ Москвѣ.

По своей обширной программѣ, «Библіографическія Записки» служатъ дѣлу правильной разработки отечественной библіографіи и представляютъ собою пособіе при изученіи русской и заграничной литературы и книжнаго дѣла. Въ нихъ помѣщаются статьи и изслѣдованія, посвященныя изученію жизни и дѣятельности писателей и лицъ, потрудившихся на пользу просвѣщенія, ихъ переписка, историческіе документы, касающіеся преимущественно печатнаго и книжнаго дѣла, обзоры и историческіе очерки извѣстныхъ книгохранилищъ, отзывы о новыхъ книгахъ, статьи о книжной торговлѣ русской и заграничной. Указатель новыхъ книгъ ведется въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, въ какихъ онъ не появлялся ни въ одномъ журналѣ; дается подробный указатель журнальныхъ статей, съ перечисленіемъ всѣхъ рецензій о выходящихъ вновь книгахъ.

Въ каждомъ номерѣ помѣщаются портреты, большею частію на особыхъ листахъ, снимки съ рукописей, копіи съ рѣдкихъ гравюръ и автографическія воспроизведенія.

Вслѣдствіе этого, «Библіографическія Записки» являются журналомъ необходимымъ для всякаго образованнаго человѣка:

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ доставкою и пересылкою.	6 р. — к.	Кромѣ того, для любителей будетъ печататься 50 нумер. экзempl. на лучшей бумагѣ. Цѣна такому годовому изд. съ дост. и перес. 12 р.
За границу	7 » — »	
На другіе сроки подписка не принимается.		
Цѣна номера въ отдѣльной продажѣ. — »	75 »	
Съ доставкою и пересылкою	1 » — »	

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ. Полная страница 20 р. Половина страницы или одинъ полный столбецъ, 12 р. Четверть страницы, или половина одного столбца, 7 р. $\frac{1}{8}$ страницы или $\frac{1}{4}$ столбца 4 р.

Подписка и объявленія принимаются въ главной конторѣ редакціи (Москва, Петровскія линіи. Антикварная книжная торговля П. Шибанова) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ Москву въ главную контору редакціи.

Подробная программа журнала, вмѣстѣ съ оглавленіемъ статей, помѣщенныхъ въ 1892 г., высылается бесплатно.

Редакторъ Н. А. Соловьевъ.

Издатель П. П. Шибановъ.

САМОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗЪ ВСѢХЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ИЗДАНІЙ

Цѣна за годъ безъ дост. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

VIII г. изд.

ЗВѢЗДА

изд. г. VIII

Подписчики „Звѣзды“ 1893 г. получаютъ :

52 богато иллюстрированныхъ номера. Каждый № будетъ состоять изъ 20 страницъ убористой печати и 6—8 художественныхъ рисунковъ.

26 №№ «Моднаго журнала», который составляется по лучшимъ Парижскимъ журналамъ и даетъ въ годъ до 500 рисунковъ (модь).

12 №№ «Женскихъ рукодѣлій»: образцы канвовыхъ работъ, опечатанныхъ въ нѣсколько красокъ, вышивокъ, узоровъ, монограммъ и пр. и пр.

12 №№ «Наука и забава»: шахматныя и шашечныя задачи, игры, ребусы, шарady, фокусы, физическіе и химическіе опыты (безъ приборовъ).

12 №№ «Развлеченіе». Здѣсь будутъ помѣщаться юмористическіе рассказы, сценки, карикатуры, анекдоты и пр.

6 №№ «Практическая жизнь». Этотъ отдѣлъ будетъ давать свѣдѣнія по осел. и дом. хозяйству, полезныя совѣты и разл. свѣд. по мед., гигиенѣ и пр.

6 №№ «Музыкальныхъ приложеній». Ноты для фортепіано: романсы, танцы и проч.

6 №№ «Выпиловочныхъ чертежей», составленныхъ по новѣйшимъ рисункамъ.

и, наконецъ, «Главную премію», которая предназначается для всѣхъ годовыхъ подписчиковъ «Звѣзды». Редакція предлагаетъ на выборъ одну изъ нижепоименованныхъ премій:

1) Большая историческая картина, отпечатанная въ 22 краски, извѣстнаго художника **Н. Н. Каразина**.

КРУШЕНІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ПОѢЗДА 17 ОКТЯБРЯ 1888 Г.

Моментъ, изображенный на картинѣ, являетъ собою Царскую семью, въ самомъ разгарѣ ея священно-благотворительной дѣятельности.

2) Большая картина, печатанная масляными красками съ оригинала извѣстнаго художника **В. Г. Казанцева**.

ВОДОПАДЪ КИВАЧЪ

воспѣтый знаменитымъ поэтомъ Державинымъ въ стихотвореніи «Алмазна сыплется гора».

3) Альбомъ 20 фототипій съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ.

4) Альбомъ «Типы Россіи»: восемь рисунковъ, художницы **Е. П. Самокишъ-Судковской**, въ изящной художественной папкѣ.

5) Шесть книгъ «Полезная библіотека» предлагаемъ на выборъ, изъ числа десяти, а именно:

1) Гальванопластика. 2) Химія безъ лабораторіи. 3) Физика безъ приборовъ. 4) Ракъ и его ловля. 5) Календарь Флоры. 6) Собиратель грибовъ. 7) Электротехникъ-любитель. 8) Прѣсноводный акваріумъ. 9) Комнатное-горшковое плодоводство. 10) Ремесленникъ-любитель.

Гг. годовые подписчики, желающіе получить одну изъ пяти вышеозначенныхъ премій, благоволятъ сообщить о своемъ выборѣ при подпискѣ и приложить одинъ рубль за упаковку и пересылку главной преміи.

Подписная цѣна на годъ съ перес. 4 руб., на $\frac{1}{2}$ года 2 руб., $\frac{1}{4}$ года 1 руб. Подписка принимается въ главной конторѣ журнала «Звѣзда» СПб. Вознесенскій пр. № 47.

∞∞ Иллюстрированное объявленіе высылается бесплатно. ∞∞

За редактора издатель П. Соѣкинъ.

(4-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ:

„РУССКАЯ ШКОЛА“

издаваемый подъ редакцію Я. Г. ГУРЕВИЧА.

Въ вышедшихъ въ 1892 г. книжкахъ помѣщены, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Теорія воспитанія въ классическомъ мірѣ. Проф. А. С. Трачевскаго; 2) Янъ Амосъ Коменскій. * * 3) Какъ я сдѣлался писателемъ? (Нѣчто въ родѣ исповѣди) Проф. Н. П. Вагнера; 4) Изъ пережитаго (въ Мар. ж. гимназій). Д. Д. Семенова; 5) Объ отношеніяхъ умств. труда къ физическому. В. В. Гориневскаго; 6) Объ обществ. задачахъ образованія. П. Ф. Каптерева; 7) Вопросъ объ обремененіи учен. нашихъ гимназій въ завис. отъ ихъ полож. въ семьѣ и дом. обстановки. Я. Г. Мора; 8) Къ вопросу о задачахъ воспитанія въ области явленій, связ. съ половую жизнью человѣч. организма. А. М. Калмыковой; 9) Причины половыхъ аномалій въ дѣтскомъ возрастѣ и мѣры къ предупр. ихъ и устраненію въ семьѣ и въ школѣ. Д-ра А. С. Виреніуса; 10) Голосъ врача-профессора по вопросу о вліяніи экзаменовъ на здоровье испытуемыхъ. Проф. Н. И. Быстрова; 11) Къ вопросу о физич. упражненіяхъ учащихся. А. Я. Чернышевой; 12) О задачахъ русской педагогики. М. И. Демкова; 13) Наблюденія надъ развитіемъ нравств. уровня дѣтей въ одной изъ нач. гор. школѣ. О. Х. Павловичъ; 14) Общественное воспитаніе дѣтей въ Парижѣ. А. С. Симоновичъ; 15) О безпризорныхъ дѣтяхъ и дѣтскихъ садахъ для нихъ. Е. М. Гаршина; 16) Педагог. значеніе занятія фотографіей. Проф. Д. Н. Кайгородова; 17) Къ вопросу о преподав. естеств. наукъ въ спец. уч. заведеніяхъ. Проф. П. Ф. Лесгафта; 18) Желательная постановка преподав. физики въ нашихъ ср. уч. заведеніяхъ. М. Ю. Гольдштейна; 19) Къ вопросу о выѣкл. чтеніи въ связи съ вопросомъ объ учен. сочиненіяхъ. Ю. А. Галабутскаго; 20) О грамат. матеріалѣ въ русскихъ учебникахъ. А. И. Анастасіева; 21) О постановкѣ преподав. математики въ ср. заведеніяхъ Франціи. В. Б. Струве; 22) О составленіи учениками истор. альбомовъ. К. А. Ивановъ; 23) Нар. образованіе во Франціи. А. С. Симоновичъ; 24) Новый прусскій законопроектъ относительно нар. училищъ 1892 г. К. Н. Модзалевскаго; 25) О санит. состояніи школъ въ Моск. губерніи. В. А. Крандіевскаго; 26) О требованіяхъ предъявляемыхъ къ нар. училищамъ на сѣздѣ русскихъ дѣятелей по технич. професс. образованію. А. А. Ильина; 27) Въ чемъ нуждаются гор. училища и нач. школы. А. Г—ина; 28) Городскія училища по положенію 31 мая 1872 года. К. К. Сентъ-Илера; 29) Обществ. и юрид. положеніе сельскаго учителя. А. М. Тютрюмова.

Кромѣ того, въ книжкахъ за 1892 г. заключается цѣлый рядъ крит. статей и рецензій слѣд. постоянныхъ сотрудниковъ «Русской Школы»: проф. Д. Ф. Вѣляева, проф. Ю. А. Кулаковскаго, проф. П. Ф. Лесгафта, А. С. Виреніуса, В. В. Гориневскаго, П. Г. Мижужева, А. Ф. Соколова, А. Г. Шалыгина и мн. др. (всего болѣе 60 рецензій); обзоръ нѣсколькихъ педаг. журналовъ, иностр. и русскихъ, а также цѣлый рядъ статей по хроникѣ нар. образованія, Я. В. Абрамова; Отчеты о засѣданіяхъ общепедагог. отдѣла Педаг. музея; цѣлый рядъ замѣтокъ по статистикѣ нар. образованія въ Зап. Европѣ и въ Россіи и т. п.

Журналъ «Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе восьми печ. листовъ каждая. Подп. цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки — ШЕСТЬ рублей въ годъ; съ доставкою 6 р. 50 к.; для иногор. съ дост. СЕМЬ рублей; съ перес. за границу — ДЕВЯТЬ рублей въ годъ. Гг. сельск. учителямъ и учительницамъ дѣлается съ подп. цѣны одинъ рубль уступки и, кромѣ того, допускается разсрочка платы въ два срока.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголь Лиговки и Бассейной, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы; въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, «Новаго Времени» и Калмыковой.

Подписка на 1890 г., за израсходованіемъ всѣхъ экземпляровъ, прекращена.

За 1891 и 1892 годы имѣется еще въ конторѣ редакціи небольшое число экземпляровъ по вышеозначенной цѣнѣ.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

Годъ IV.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 Г.

Годъ IV.

на еженедѣльный иллюстрированный популярно-научный журналъ
для семейнаго чтенія и самообразованія

„ПРИРОДА и ЛЮДИ“

(Подписной годъ съ 1 ноября 1892 по 1 ноября 1893 г.)

Въ наступающемъ году журналъ «Природа и Люди» сохранить прежнюю программу и направленіе, завоевавшія себѣ симпатіи читающей публики, т. е. по прежнему, на ряду съ занимательными романами, повѣстями и рассказами, будетъ помѣщать на своихъ страницахъ и массу статей по всевозможнымъ отраслямъ науки и практической жизни.

Въ будущемъ году журналъ «Природа и Люди» дастъ своимъ подписчикамъ:

52 **ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ НОМЕРА**; каждый № будетъ состоять изъ 16 страницъ большого формата и будетъ заключать въ себѣ 6—8 крупныхъ статей, массу мелкихъ и 8—10 изящныхъ иллюстрацій. Между прочимъ, для будущаго года редакціею заготовлены слѣдующія статьи: «Христофоръ Колумбъ» — большой историческій романъ въ 2 частяхъ *Е. Шрекшика*, съ великолѣпными иллюстраціями, изображающими главные моменты изъ жизни Колумба; «Майя» — большой романъ изъ міра таинственнаго, *В. П. Желховской*; «Мститель» — большой рассказъ изъ жизни нашихъ среднеазиатскихъ окраинъ, *В. Губаревичъ*; «Противъ воли» — рассказъ изъ области гипнотическихъ внушеній, *А. Зарина*; «Талантъ» — рассказъ того же автора; «Небесные странники» — большой астрономическій романъ *Р. Кроми*; «Въ морскихъ безднахъ» — повѣсть изъ жизни водолазовъ, *Г. Вланшера*; «Наши закаспійскіе сосѣди» — очерки и картины Персіи, *С. Миклашевскаго* (съ массою иллюстрацій); «На рифѣ» — рассказъ *Рейнала* (съ иллюстраціями); «Въ муравьиномъ царствѣ» — очерки жизни и нравовъ муравьевъ, *Т. Бодапова*; «Свѣтящаяся рыба» — *Г. Вьнечкаго*; «Самозащита растений» и «Путешествія растений» — очерки *А. Ковалевскаго*; «Предсказатель погоды» — *В. Максимова*; «Земля въ пространствѣ» и «Разорвавшаяся на куски комета» — очерки *Н. Витчицкаго*; «Исторія земной фауны и флоры» — геологическіе очерки и картины *М. Николаева* (псевд.); «Африканскіе пигмеи» — *Катрфазжа*; «Фальсификаціи и легчайшіе способы ихъ обнаруженія» — рядъ очерковъ д-ра *Ф. Бурицкаго*; «Вумажные дома» — *П. Раубера*; «Поддѣлка монеты и способы открывать ее» — *его же*; «Разведеніе трюфелей» — *Д. Гана*; «Пчелы и пчеловодство» — очерки *А. Савина*; «Бесѣды по рыбководству» — *Ф. Троичкаго*; «Комнатная пиротехнія» — *Ф. Фэдо*; «Обманы зрѣнія» — *А. Крула*; «Земледѣліе будущаго» — *Р. Р-ва*; биографическіе очерки *Крузенштерна, Берина, Пржевальскаго, Миклухи-Маклая, Воткина, Пирогова* и др.; «Очерки всемірной выставки въ Чикаго» (отъ собственнаго корреспондента); замѣтки о новѣйшихъ путешествіяхъ и открытіяхъ, о важнѣйшихъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ, полезныя совѣты, рецепты и т. п.

== Все статьи будутъ иллюстрированы лучшими художниками. ==

Въ качествѣ приложенія редакція въ наступающемъ году дастъ:

12 ИЛЛУСТРИРОВАННЫХЪ ВЫПУСКОВЪ

полнаго описанія всѣхъ путешествій (по Финляндіи, Обонежью, Мурману, Печерскому краю, Сибири, Японіи, Персіи, Сири, Малой Азіи, Египту, Алжиру, Сахарѣ и т. п.)

извѣстнаго путешественника-писателя, доктора **А. В. Елистева.**

подъ общимъ заглавіемъ

„ПО БѢЛУ СВѢТУ“.

Сочиненіе это будетъ великолѣпно отпечатано на веленовой бумагѣ и иллюстрировано массою (нѣсколько сотъ) рисунковъ лучшихъ иллюстраторовъ, какъ русскихъ: *Е. П. Самокишъ-Судковской, В. Г. Казанцева, Н. Н. Каразина, В. С. Полякова, Н. С. Самокиша* и др., такъ и иностранныхъ: *Piy, Ваэра* и пр.

Цѣна на журналъ со всѣми приложеніями остается прежняя **5 руб.** въ годъ съ пересылкою и доставкою.

Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи журнала (Спб., Вознесенскій пр., 47) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 2 руб. и къ 1 іюля 1 руб. За 1889—1890 г. журналъ весь разошелся; за 1891 и 1892 г. осталось небольшое количество, — цѣна съ пересылкою 5 руб.

Редакторъ **С. Груздевъ.** — Издатель **П. Сойкинъ.**

СЪ РАЗРѢШЕНІЯ Г. МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

Съ 1-го января 1893 года
выходить въ г. Ревелѣ
ежедневно

кромѣ понедѣльниковъ и послѣпразднич-
ныхъ дней газета мѣстныхъ интересовъ,

ЛИТЕРАТ. и ПОЛИТИЧЕСКАЯ,

„Ревельскія Извѣстія“.

Подписная цѣна:

на 12 мѣсяц.	5 руб.	—	коп.,	съ доставк.	и пересыл.				
» 6	» 2	» 50	»	»	»	»	»	»	»
» 3	» 1	» 50	»	»	»	»	»	»	»
» 1	» —	» 50	»	»	»	»	»	»	»

Для городскихъ, и сельскихъ прих. учителей подп.
цѣна на годъ 3 р. и на полгода 2 руб.

Подписка принимается въ конторѣ газеты
на Морской ул. д. Вассермана № 150.

Контора открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и
праздничныхъ дней, отъ 9 час. утра до 8 час. веч.

Отвѣтственный редакторъ: К. КЕРРЪ.

Издательница: В. ЯНЧЕВЕЦКАЯ.

ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА „ГИМНАЗІЯ.“

Ф. Экштейнъ.

ПРЕПОДАВАНІЕ ЛАТИНСКАГО И ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКОВЪ

перев. подъ ред. **Г. Янчевецкаго.**

Ч. I. Лат. преподаваніе **A.** *Исторія.* Гл. I. Преподаваніе у римлянъ. Гл. II. Въ средніе вѣка. Гл. III. Съ XV вѣка. Гл. IV. Съ XVI—XVIII вѣка. Гл. V. Исторія преподаванія въ гимназіяхъ. — **B.** *Методъ.* Гл. I. Грамматика. Гл. II. Писатели. Гл. III. Письменныя работы.

Ч. II. Греч. преподаваніе. I—IV. Общія замѣчанія. **A.** *Исторія.* Преп.—ніе со временъ реформаціи. **B.** *Методъ.* Гл. I. Грамматика. Гл. II. Писатели. Гл. III. Письм. работы. — Ц. 3 р.

K. *Негелъсбахъ.* Гимназическая педагогика. Перев. съ 3 изданія, **H.** Кораблева. I. Учитель. II. Дисциплина. III. Дидактика. — Ц. 1 р.

Г. *Вржоска.* Необходимость педагог. семинарій при университетахъ. Перев. подъ ред. **Г. Янчевецкаго** (нѣтъ въ продажѣ).

I. Винкельманъ.

ИСТОРИЯ ИСКУСТВА ДРЕВНОСТИ.

Перев. **С. Шаровой**, подъ ред. **Г. Янчевецкаго.**

Ч. I. Изслѣдованіе искусства по его сущности. Гл. I. Происхожденіе искусства. Гл. II. Искусство у египтянъ, финикянъ и персовъ. Гл. III. Искусство этрусковъ. Гл. IV. Искусство у грековъ. Гл. V. Искусство у римлянъ.

Ч. II. Искусство въ связи съ обстоятельствами времени. Гл. I. Искусство до Фидія. Гл. II. Отъ Фидія до Александра В. Гл. III. Послѣ Александра. Упадокъ искусства. Гл. IV. Греческое искусство въ Римѣ. Гл. V. Упадокъ при Септиміи Северѣ. — Мелкія статьи. — Ц. 3 р.

B. Шрадеръ.

ГИМНАЗІИ И РЕАЛЬНЫЯ УЧИЛИЩА.

ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ.

Перев. подъ ред. **Г. Янчевецкаго.**

Цѣна **3** р., безъ перес.

Складъ изданія: СПб., Литейный пр. 48. Кн. маг. **H. П. Карбасникова.**

A. *Фогель.* Филос. основанія педагогii. (Локкъ — Кантъ — Гегель — Шлейермахеръ — Гербартъ — Бенекъ). Ц. **1** р.

J. Spangenbergius.

BELLUM GRAMMATICALE.

ВОЙНА ВЪ ЛАТИНСКОЙ ГРАММАТИКѢ.

Пер. съ лат. **Д. Янчевецкій.** Ц. **50** к.

VI годъ

VI годъ

ГИМНАЗІЯ

ежемѣсячный

ЖУРНАЛЪ ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИИ.

1893 г.

VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Цѣна 8 руб. съ перес.

(За границу 10 руб.).

Адресъ сост.-издателя:

Ревель. Гимназія Императора Николая I.

Директору Григ. Андр. Янчевецкому.

Ученымъ Комитетомъ М. П. Пр. журналъ „Гимназія“ признанъ заслуживающимъ особенной рекомендаціи для пріобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и для содѣйствія возможно большому распространенію между преподавателями сихъ заведеній. (Предлож. Г. Министра Гг. Попечителямъ уч. округовъ 28 февр. 1889 г. № 3899).

Павсанія. Описаніе Еллады, или Путешествіе по Греціи во II в. по Р. Х., перев. Г. Янчевецкаго. Ц. 5 р. — Содержаніе: Введеніе. Кн. I. Атика. Кн. II. Коринѣика. Кн. III. Лаконика. Кн. IV. Мессенія. Кн. V. Илида А. Кн. VI. Илида Б. Кн. VII. Ахаія. Кн. VIII. Аркадія. Кн. IX. Віотія. Кн. X. Фокида.

Ксенофонтъ. Полное собр. сочиненій, перев. Г. Янчевецкаго въ 5 ч. Ц. 7 р. Ч. I. Анабазисъ. 1 р. 25 к. Ч. II. Воспоминанія о Сократѣ. 80 к. Ч. III. Киропедія. 1 р. 50 к. Ч. IV. Исторія Греціи. 1 р. 50 к. Ч. V. Мелкія статьи. Ц. 2 р.

Содержаніе Мелкихъ статей (Scripta Minora): I. Пиръ. II. Аполлогія Сократа. III. Лакед. государство. IV. Афинское государство. V. О хозяйствѣ. VI. Теронъ. VII. Агисилай. VIII. Доходы города Афинъ. IX. Гишархъ. X. О конницѣ. XI. Охота.

Полные экземпляры ж. «Гимназія» за 1888, 1889, 1890 и 1891 годъ продаются по 5 р. съ перес.; за 1892 годъ 8 р. съ перес.